

ГЛАВА 1. ОПОСРЕДОВАННЫЕ, ВНЕШНИЕ ЯВЛЕНИЯ АНАЛОГОВОГО И ЦИФРОВОГО МЫШЛЕНИЯ

Аналоговое и цифровое, в просторечии «компьютерное», мышление есть продукт работы правого и левого полушария головного мозга h.s. в сложной взаимосвязи их, причем как левое полушарие нельзя однозначно ассоциировать с логикой мышления, так и утверждение «правое полушарие мыслит художественными образами» бесконечно далеки от истины. Любой квант мышления есть совокупная работа всего мозга. Точно так же обстоит дело и с аналоговым и цифровым мышлением. Судим же мы о преобладании того или другого исключительно по опосредованным, внешним проявлениям. Но и здесь требуется аналитическая подготовка берущегося за классификацию. Не все так просто, как с жестикულიцей, упомянутой во введении к настоящей книге. Взять хотя бы художественную литературу, беллетристику, с которой мы и начнем эту главу. Казалось бы, что сочинитель романов и поэм — 100 %-ый ППЧ, а левое полушарие у него, многолауреатного включается только перед окошком издательской кассы при пересчете гонорара... правда, это относится только к светлому тоталитарно-советскому времени; сейчас гонорары платят, да и то с весомым «откатом» только записанным «гаврилам». И здесь все не так; примером является Джойс, математически рассчитавший композицию «Улисса»... С другой стороны, уже упоминавшиеся выше в означенном контексте французские математики Жак Адамар и создатель математической теории относительности Анри Пуанкаре, особенно последний, которому доказательство его фундаментальных теорем приходило во сне. Но сон, то есть синтезирующая работа подсознания, относится к сугубо творческому аналоговому мышлению. Как говорится, куда ни кинь — всюду клин...

Поскольку процессы мышления h.s. на сегодняшний день во многом остаются в соответствующих физико-математических и биофизических моделях^{10, 19, 22, 57, 342–421} «черным ящиком», то обычно судят о соотношении аналогового и цифрового мышления человека, о тенденциях их динамического соотношения в сообществах, определенных по каким-либо признакам, и пр. по опосредованным, внешним явлениям (проявлениям), хотя, конечно, это только в 0-м приближении позволяет догадываться о вариабельности процессов в «черном ящике».

1.1. Что написано пером... «Бумажная» и «компьютерная» литература в свете психолингвистики

При всей ущербности современной художественной литературы и отчасти — литературной публицистики, последние в России, имеющей значимые традиции великой русской и советской словесности XIX—XX веков, сейчас как-то существуют. Слово «ущербность», употребленное выше, относится не к качеству большинства произведений современных авторов, но к ее ущемлению в правах на существование и общественный резонанс. Современному госустройству, образованию и воследующему отсюда падению читательского интереса литература суть «пережиток прошлого», артефакт не столь уже и далекой эпохи развития России.

Стремительный переход⁴² биосферы в ноосферу, наблюдаемый нами явно, когда время идет не то что на столетия, но на счетные года, в числе прочего негативного ознаменовался и уничтожением литературного творчества, соответственно, и потребления художественного слова.

При всей, повторимся, актуальности этого вопроса сколь-либо серьезного анализа его не проводилось — ни в масс-медиа, ни в серьезной, специальной литературе. К тому же, если *СМИ* и касаются данной тематики, то затрагивается исключительно внешний аспект: электронная, то есть интернетовская, форма распространения и чтения произведений литературы. Да и тот с резонерскими выводами: дескать, прогресс не остановишь, все уже привыкли к Интернету и домашнему «компу», все это проще и дешевле, чем бумагу переводить, на почтовые расходы тратиться, книги-журналы покупать и захламлять ими квартиру... и прочие благоглупости. Удивляться здесь нечему; законы социальной психологии^{128, 315–320} неумолимы: только восемь процентов людей, независимо от пола, национальности, образования и пр., способны к самодостаточному (анализ + синтез) мышлению.³²⁰ Остальные девяносто два — ведомые теми же *СМИ*, в которых бал правит мощнейшее лобби транснациональных телекоммуникационных корпораций. Ниже мы вернемся к этому аспекту.

...Но совсем редки, практически отсутствуют суждения по важнейшей составляющей соотношения «бумажная и электронная литература», а именно: произведения художественной литературы, создаваемые автором по традициям и канонам традиционной книжно-журнальной литературы, и произведения, ориентируемые автором преимущественно или исключительно на Интернет.

Заметим в данном контексте, что и первый, традиционный вид литературы использует электронные ресурсы, но только, или преимущественно, в качестве дополняющего книжно-журнальные издания, либо же как воз-

мжность популяризации своих произведений — что особенно характерно для современной России, учитывая реальные крохотные тиражи бумажных изданий: нет больших средств на тиражирование, разрушена всероссийская (ранее всесоюзная) информационная и книготорговая сеть и так далее.

Но при всем этом для нашего времени характерен феномен существования и все большего отдаления друг от друга двух форм литературы: бумажной и электронной (далее употребляем эти слова без кавычек). Оба охарактеризованные выше аспекта феномена взаимосвязаны, но вернемся к первому из них.

Прогресс, конечно, не остановишь. Тем более сейчас, когда на наших глазах сбылось гениальное предвидение великого русского и советского ученого Владимира Ивановича Вернадского о грядущем (свою теорию он создавал в 20—30-е годы минувшего века) переходе биосферы Земли в принципиально новую биогеохимическую оболочку — ноосферу, то есть сферу разума^{42–47–50}.

Действительно, прослеживая средства письменности за весь период цивилизации и культуры, то есть со времен Древнего Египта, Вавилона, Китая, Индии и древних же южно-американских цивилизаций, мы четко представляем этот прогресс^{100, 149, 261, 299}.

Перуанское узловое письмо (веревочные узелки на трости-основе), иероглифы Древнего Египта и сохранившие свой статус до нашего времени иероглифы Древнего Китая, заимствованные японцами, — это первописьменность человечества. С появлением финикийской азбуки, азбук деванагари в Индии и Месропа Маштоца в Древней Армении, уйгурского, корейского (по начертанию букв его часто принимают за иероглифы...), позднее — арабского алфавитов техника письма сделала качественный скачок в сторону упрощения процесса письма, его ускорения, а главное — алфавитная письменность приобрела аутентичную семантику. Смысл термина понятен.

Второй качественный скачок, правильное — гигантский прыжок, относится к европейскому позднему Средневековью, когда ювелир из Майнца (Германия) Иоганн Геннсфляйш Гуттенберг изобрел книгопечатание. И хотя еще в Древнем Китае использовалось механическое тиражирование — шелкография, а в Древней Индии печатание с деревянных досок с вырезанными на них санскритскими текстами, но Гуттенберг ввел принципиально новое: печатание с использованием наборных литер и на бумагу — дешевый универсальный носитель, идеально подходивший для переплета в многостраничные книги.

Параллельно совершенствовались и орудия авторского труда: от письма на папирусе и пергаменте стилем — остро отточенной палочкой, вырисовыванием текстов на глине, высеканием на мягком камне, новгородского

берестяного письма — к писанию на бумаге гусиным пером, далее — появление в обиходе стальных перьев и железисто-галлусовых чернил. Еще далее — американские изобретения XIX века: авторучка и «ундервуд». В этом ряду появление в обиходе компьютера, используемого в качестве инструмента набора, есть лишь усовершенствование печатной машинки: возможность исправления ошибок набора и корректировки набранного текста.

Следует отметить, что письмо с древности является искусством, а в любом искусстве творящий его стремится, среди прочего, усилить эстетическую сторону. Так и в алфавитах, отчасти и в иероглифическом письме, в их каноническом оформлении определяющую роль исторически сыграли два фактора: исходный материал носителя и эстетика оформления текстов.

Вавилонская клинопись и кельтские рунические символы имеют форму знаков, свидетельствующих: их наносили вдавливанием (глиняные таблички Хаммурапи) или высекали на камне, как у древних кельтов. Но древние вавилоняне и кельты далеки от нас по времени и расстоянию. Возьмем *бывшие наши* Грузию и Армению. Их своеобразные алфавиты по внешнему виду не спутаешь. Грузинские буквы — плавно начертанные, изобилующие овалами и полуокружностями. Армянские — алфавит Маштоца — напротив, чем-то напоминают рунические письмена: никаких плавных овалов, напротив, преобладание вертикальных черт с резкими изломами.

...А все потому, что грузинская письменность изначально ориентировалась на мягкие носители, тот же пергамент. А на древних армянских хачкарах надписи высекались на твердых породах камня.

Египетская пиктографическая иероглифография носителями имела папирус, роспись на каменных плитах и высекание на мягком известняке. Поэтому древнеегипетские письмена, особенно времен средних фараоновых династий, почти что мелкодетальные живописные полотна.

То есть уже древние исполнители текстов, зачастую они же и авторы, даже при работе с самыми твердыми носителями во многом руководствовались эстетическими побуждениями. А в Древнем Китае и вовсе возникло и развилось искусство каллиграфии — эстетики письма, достигшее своего совершенства в арабской письменности во времена халифата. Те же элементы эстетики видим и в других древних алфавитах: арамейском (современный иврит), уйгурском, индийском, индокитайских.

Основа европейских алфавитов — финикийский имел выигрышные стороны: оптимальное сочетание простоты, необходимой толики эстетики-каллиграфии, главное — обладал фонетической вариативностью, то есть обеспечивал фонетико-семантическую идентичность для основных языков Средиземноморья. Он же лег в основу греческого алфавита.

Прямота, предельная ясность и логика римского менталитета (извиня-

емя за современный новояз) «выпрямила» округлые греческие буквы: меднозвучная латынь получила рубленную латиницу. А вот Кирилл и Мефодий создали славянский алфавит, в полной мере сохранив эстетику греческих букв. ...Кстати, восхваляя «по табельным дням» заслуги братьев в части создания славянской азбуки, совершенно забывают о *гениальности* этого алфавита!

Когда размышляешь об этой гениальности, то даже научному креационисту, как ваш покорный слуга, приходит в голову мысль о божественном вдохновении Кирилла и Мефодия. Все дело в том, что их алфавит абсолютно фонетически аутентичен не только *всем* славянским языкам — восточным, западным, южным, северным (новгородское и поморское наречия), но и большинству индоевропейских, тюркских, монголо-уйгурских, дальневосточных языков, то есть относящихся к самым различным этноязычным группам.

Два характерных примера. Кому доводилось видеть современные тексты на языках тех славян, кто вместе с католичеством приняли и латиницу — поляки, чехи, словаки, хорваты, словенцы, — тот сразу обратит внимание, что латинская азбука абсолютно неадекватна фонетически этим языкам: почти каждая гласная буква имеет надчеркивания, тильды и другие значки, а свойственные особенно польскому и чешскому языкам шипящие фонемы записываются каждая двумя-тремя-четырьмя согласными латинскими буквами...

Кстати, также фонетически неадекватна латиница и почти для всех языков германской группы. Известная присказка: пишем Манчестер, читаем — Ливерпуль.

А вот для славянских языков, где принята кириллица, все фонемы «укладываются» в одну букву и практически отсутствуют дополнительные значки над гласными буквами. В русской азбуке — это только «и-краткое»; что касается введенной Н. М. Карамзиным буквы «ё», то, как не только мы считаем, Николай Михайлович сделал России два больших вреда: во-первых, переписал русскую историю в угоду династии Романовых, чем ее сильно исказил; во-вторых, введением *ѣ* — фонема которой присуща только поморскому диалекту русского языка, — он исказил его московский говор, то есть бытовой и литературный языки. Не зря же до начала XXI века литеры эта в печатных текстах не использовалась.

Пожалуй, только в современном украинском языке «по Грушевскому» в алфавите имеются два варианта латинского «і» с одной и двумя точками поверху. Кстати говоря, в Чехии кириллица использовалась наряду с латиницей до середины XIX века — явно не в пользу последней...

Второй пример фонетической универсальности кириллицы — это пере-

вод в 20—30-х годах прошлого века на нее всех ста с лишним языков народов СССР, исключая грузинский и армянский, а с 1940-го года — прибалтийских. И что же? — А эффект тот же: практически полное соответствие кириллицы фонетическому строю всех этих языков, принадлежащих к совершенно различным, бесконечно далеким друг от друга языковым группам.

...Бытует в среде профессиональных языковедов притча: если японцы в конце концов решатся перейти от иероглифов к алфавиту, то этой азбукой будет «Аз-буки-веди-глаголь-добро...». Это не русское шапкозакидательство. Просто получилось историко-этнографически так, что фонетически тунгусские языки, то есть собственно сибирский тунгусский и японский, идентичны языку русскому. Такова игра совпадений. Поэтому японцы, знающие русский язык, говорят на нем без акцента и наоборот.

Еще немного терпения — и мы перейдем к основной теме. Хотя бы все выше написанное и служит введением в эту тематику.

Как мы уже говорили, исторически процесс авторского, литературного в первую очередь, письма всегда имел сильную эстетическую составляющую. Но то же самое относилось и к процессу чтения.

С самого появления сброшюрованных, а потом и печатных книг, последние оформлялись как произведение искусства. Не зря же до начала XX века книги в России и вообще в мире «выходили» из типографий в виде переплетенных блоков с неразрезанными печатными листами (тетрадами) в чисто служебных мягких обложках. То есть являли собой брошюры-полуфабрикат.

Это имело свой смысл: каждый купивший такой «полуфабрикат» далее относил его в переплетную мастерскую, где книгу «доводили до ума», учитывая эстетические вкусы (и кошелек, конечно!) заказчика. Книгу переплетали, сшивая типографские тетради в единое целое и одевали в твердый переплет: от дешевого картона с бумажной оберткой до шелкового или сафьянового с золотым тиснением. Но точно также учитывалась и эстетика печатания самих текстов, то есть эстетика шрифтов, более того — эстетика алфавитов. Опять же примеры исторического характера.

Рубленая римская латиница содержала в себе эстетики не более, чем сапог и прямой короткий меч воина-легионера. Поэтому появился готический алфавит — витиевато разукрашенная латиница. — Только из побуждений удовлетворения эстетических чувств читающих.

В «правопреемнице» рухнувшей Римской империи — в Священной Римской империи германской нации готический алфавит стал государственным, распространившись почти на всю Западную Европу. Еще до начала XX века книги в Германии печатались как латиницей, так и готическим

алфавитом. В двадцатом веке на короткое время готика возродилась в Третьем рейхе.

...Сейчас же готические буквы можно увидеть лишь в названиях некоторых газет «со стажем» Англии и США.

Аналогичное было и с кириллицей. В *pendant** ей очень скоро появилась и глаголица — такой же витиевато, искусно (и искусственно!) разукрашенный вариант азбуки Кирилла и Мефодия. Сейчас глаголица напрочь забыта, знакома только историкам-архивистам, историкам православной церкви.

...Самое существенное, что как в церковной, так и в светской письменности на Руси глаголица в «чистом» ее виде не использовалась, а перемешивалась с собственно кириллицей, подчиняясь принятым стилям письма, прежде всего устава и полуустава.

В гражданском обиходе глаголицу и устав с полууставом пресек Петр Первый, максимально приблизив кириллицу к столь любимой им рубленой латинице. А реформы графа Уварова в XIX веке и Наркомпроса РСФСР 1918-го года (кстати, подготовленные еще до революции...) изъяли из кириллицы последние «витиеватые» греческие буквы. В русской церковной письменности, в книгах элементы глаголицы, устава и полуустава придерживались до второй половины позапрошлого века, до появления 1-го синоидального издания Библии на современном русском языке, напечатанное «петровской» кириллицей.

Третий пример эстетического «украшательства» — это великолепная арабская каллиграфия, прежде всего времен халифатов. Побудительным мотивом здесь послужил запрет ислама на изображение живых тварей. Человека — в первую очередь. Также нелишним будет заметить, что эстетика чтения усиливалась тем, что до XVI века книги читались вслух, даже если читающий и находился сам-один. На читающего же молча смотрели с недоумением и подозрением.

А на Руси с ее доброй исторической традицией писания доносов и во все наличествовала присказка (кажется, она есть и у Афанасьева): «Читает молча, как кляузу!»

...А говорят: во всем Сталин виноват. Хотя и здесь бытует анекдот. Беседует один московский интеллигент с другим: «А знаете, я доказал на основании многих источников — кто виноват в гибели Лермонтова». — Ответ: «Чего здесь доказывать! И так ясно: Сталин виноват». ** Академик же

* В дополнение (фр.).

** Сборником аналогичных анекдотов являются многие тома полного собрания трудов одного известного нашего сочинителя... Впрочем, далеко не его одного.

Янин, изучая новгородские берестяные грамоты, обнаружил, что большинство из них суть судебные кляузы и доносы... И у рекламного народа-богоносца достаточно своих «пунктиков».

Гедонизм и письменность. Как говорится: все теплее и теплее, ближе к теме. Обратимся к одному, но важному аспекту личностной психологии человека, что нам потребуется «держать в уме» дальше. Речь пойдет о явлении *гедонизма*.

В биоценозе, то есть в биологическом, живом мире, в числе открытых Ламарком, Дарвином и другими гигантами мысли законов действует и принцип минимизации^{91, 92, 94}, то есть экономии расхода энергии организма. Так кошачьи, прежде всего тигр и кот Васька, круглые сутки спят, просыпаясь только для акта жратвы. Так они экономят энергию своих организмов.

Дворовый же Шарик тоже не прочь подремать минуток шестьсот, лицемерно изображая активность — начинает бегать, вертеть хвостом, воинственно произносить «гав-гав» — только при появлении хозяина, а еще лучше — хозяйки со вчерашними щами с мясом. И так далее — от микроскопических бацилл до наших предков-шимпанзе. Это по Дарвину. А вот вершина эволюции — человек, как организм соображающий, этот общеприродный закон переиначил в качество гедонизма, то есть максимальное извлечение удовольствий жизни при минимуме физических, а главное — умственных затрат.

Наивысшая степень гедонизма исторически сформировалась у нашего доброго народа. Называется она ленью, а появилась из-за долгих морозных и снежных зим, когда дел по хозяйству почти никаких, темнеет рано. Остается только спать на лежанке тепло протопленной печи да увеличивать свое потомство... В последнем, конечно, ничего плохого нет. Потому в русском фольклоре самый умный из братьев всегда Иван-дурак, что не слезает с печи даже во время визита в царский дворец.

Рассуждая здраво, в таком гедонизме — сезонной лени ничего предосудительного нет. Это только для пользы организма человека и, как сейчас говорят, окружающей среды.* Современный гедонизм, испытавший на рубеже веков и тысячелетий невиданный ранее «качественный» скачок, характеризуется двумя основными факторами.

* Когда я слышу бесконечно повторяемый в СМИ термин «плохая экология», то рука непроизвольно тянется к отсутствующему на ремне кортику. Экология (эко + логия) — это наука о состоянии окружающей нас биосферной среды с позиций воздействия этой среды на живой организм, человека в том числе. То есть говорить «плохая экология» — все одно, что произносить: «плохая математика», «плохая астрономия» и так далее. Господи! Во что превратили великий и могучий современные, органически безграмотные СМИ!

Во-первых, гедонизм имеет мощнейшую подпитку в капиталистическом обществе потребления и навязывание потребителям совершенно не нужных им «гедонических штучек», гэджиков — по современной (молодежной) терминологии. А поскольку сейчас, в эпоху глобализма, капиталистическая формация правит свой «последний и решительный» бал, то весь мир вновь стал капиталистическим обществом потребления. Куба мала, а современный Китай трудно назвать социалистическим. Вот и Уго Чавеса не стало...

Во-вторых, за современную, очень высокую степень гедонизма человек расплачивается (бесплатный сыр только в мышеловках...) своим здоровьем и — особенно — значительной утратой человеческих качеств высшей психической деятельности — тех, что в обыденной речи мы называем душевными и умственными. О телекоммуникационных (интернетовских) аспектах гедонизма речь пойдет далее, а сейчас для характерного примера рассмотрим мобильную связь.

...Как и все гедонические гэджики, мобильная, изначально просто сотовая, связь создавалась как необходимое дополнение к базовой, проводной (кабельной) и спутниковой телефонной связи.

Имелось в виду, что сеть сотовых станций оптимальна для территорий, где названные выше виды телефонной связи экономически нерентабельны: сложный рельеф местности, относительно небольшая плотность населения, проживающего в малочисленных, разделенных расстояниями поселениях и пр. При этом связь вовсе не предполагалась мобильной: просто у пользователей проводной телефонный аппарат заменялся на (стационарный) радиотелефон. Вот и все отличие.

Для апробирования сотовой связи хорошо подходила Финляндия с ее достаточно большой территорией, ландшафтом, рассеянным по хуторам населением (вспомните замечательный советско-финский фильм «За спичками» с Леоновым в главной роли!). Именно в Финляндии появилась и одна из первых фирм по разработке и производству техники сотовой связи — «Nokia». И аппараты сотовой связи по размеру соответствовали обычным телефонным трубкам. ...Опять же вспомните как на ТВ 90-х годов показывают гостящего в Финляндии Ельцина, что звонит по такой трубке в Москву Наине Иосифовне. И в сериалах тех лет братки собирают коллег на «стрелку» по таким же «трубам». Такую телефонную связь трудно назвать мобильной...

На этом разумное дополнение обычной проводной связи закончилось. Далее процесс пошел по законам общества потребления и навязывания ненужных услуг. Это уже наши дни. Причем, рассуждая здраво, 90...95 % пользователям современной мобильной связи она ... совершенно не нужна. Это уже

чистой воды гедонизм и обогащение держателей и производителей средств этой связи.

Вред же существенный и все возрастающий. Это и «мобильная зависимость», трата денег, а главное — создание угрожающей здоровью человека электромагнитной засоренности окружающего эфира. В научной литературе это именуется «электромагнитной катастрофой»^{240–247, 340}.

...А ведь и Интернет, судя по всему, изначально создавался в самом конце «холодной войны» как средство сохранения всеобъемлющей информации на случай мировой ядерной войны. Полагалось, что после ядерной катастрофы человечеству не придется начинать с изобретения велосипеда: что-то да останется на серверах и компьютерах там, где не взрывались атомные и водородные бомбы. Нейтронные тож.

А потом... см. выше. Проявился сверхмонстр гедонического гэджика, окончательно повредившего психику и здоровье человечества. Вот сейчас перейдем к основной нашей теме, держа в уме все сказанное выше.

Компьютер и гусиное перо. Наш журнал*, как, надеемся, хорошо усвоили авторы «Приокских зорь», не принимает и не рассматривает материалы, присланные по электронной почте. Так же точно поступают и серьезные литературные журналы России и Европы. Об Америке, то есть США, данных у нас нет.

Это не прихоть, не издевательство над авторами, не «совковое ретроградство», как иногда нас упрекают наиболее горячие молодые авторы, присылая свой «продукт электронной литературы», например, двухтомный роман о специфике морфологии фантастических ящеров (это не юмор, а факт из редакционной почты...). Это всего лишь способ, правда, достаточно эффективный, отделить зерна от плевел, то есть собственно литературу от ее электронного, компьютерного эрзаца. Сказать — эквивалента, язык не поворачивается.

Вообще говоря, при наличии полноформатной технической редакции, которой у нас, как и многих других «толстых» журналов, сейчас нет, отличить литературу и компьютерную литературу, передаваемые по электронной почте, при определенном опыте работы можно. Если вам присылают романы о морфологии фантастических ящеров, коллективные сочинения, стостраничные поэмы юных дарований о средневековой замковой жизни — это однозначно компьютерная литература. Она же фиксируется и по содержанию сопроводительных писем авторов: либо оные вообще отсутствуют, либо не содержат обращения — кому и зачем посылается... наконец, это

* Ордена Г. Р. Державина всероссийский литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори» (см. www.pz.tula.ru); главный редактор А. А. Яшин.

«стрельба веером», то есть в адресном заголовке сопроводительного письма означены десять-двадцать-тридцать адресов наиболее известных «толстых» литературных журналов. «Компьютерщики», как правило, ненавязчивые. Не получив ответа, они больше не пристают — за исключением ведущих веерную стрельбу.

Когда же, как то принято в «ПЗ», посылаешь им правила оформления и представления материалов для (возможного) опубликования, то наиболее наивные обижаются: дескать, высылать по «бумажной» почте свои творения несовременно, хлопотно и дорого, а «у меня дома интернетовская «безлимитка» за 600 рублей в год...». Еще литкомпьютерщик узнается по полному несоблюдению правил журнала: не прилагается фото автора и автобио справка, адреса и телефоны и пр. И вообще представители этой формы творческого самовыражения исповедуют артиллерийский закон: выстрелил и забыл!

Кстати, ворчат по поводу невозможности представления материалов через Интернет и некоторые авторы традиционно понимаемой литературы. Как правило — это сибиряки и бывшие наши соотечественники на ПМЖ за рубежом. Последние быстро с русской широтью, переучились на западный стиль экономии на спичках. Забыли, что в русскую свою бытность для экономии этих спичек почти круглосуточно держали зажженным фитиль в своей кухонной колонке...

И еще одна существенная, антигедоническая польза «бумажной» почты: если автор сомневается в «литературной товарности» своего произведения, требующей доделки, проверки на грамотность и пр., он прикинет: а стоит ли тратить время и деньги на «бумпочту»? Зато если уверен в своем детище, то оформит рукопись строго по правилам, в пургу дойдет до почты, заплатит за заказную бандероль. — А на душе покой и уверенность. Это все из семилетнего опыта главного редактора.

А теперь о вещах серьезных. Строго логически, без эмоций, рассуждая, первыми писательскими гедоническими гэджиками стали авторучка и «ундервуд» — последний тогда, когда автор сам сел за машинку и начал сочинять, минуя этап ручного письма. Не иронизируй, скептик-читатель! Наверняка за последние сто с лишним лет в скрупулезно-научной Германии написана не одна диссертация* на тему: как изменился характер литературного письма после появления авторучек? Но — ведь действительно изменился. Подумав, каждый (самодостаточно мыслящий) человек ответит утвердительно. По сравнению с письмом гусиным или стальным пером, авторучка увеличила скорость записи. С одной стороны, это даже очень хоро-

* Как говорил наш выдающийся ученый Н. В. Тимофеев-Ресовский, не надо делать то, что все равно сделают дотошные немцы...

шо, особенно для литературных поденщиков, а пуще всего — для акул пера, то есть журналистов. Публицистов и научных работников тоже.

А для писателя? — Позвольте усомниться, ибо возможность безостановочного, без обмакивания пера в чернильницу, письма по принципу обратной связи начинает довлеть над пишущим, торопит поскорее завершить трехтомный роман «Бурный поток» — сейчас: «Будни фермера Федора». И супруга не нарадуется: так и отлетают исписанные «паркером» листки; хвалит своего безлошадного муженька: «Молодец, Федя. Так ты не одну книжку тонкую будешь раз в два года издавать, а три полновесных тома в один год! Тебе с гонорариев справим новый галстук, а я и соболиной шубкой обойдусь».

За Федю и особенно его супругу можно только порадоваться, но самодовлеющая скорость письма без технических пауз не позволяет отточить рифму, подобрать более удачную аллитерацию, более выпукло обрисовать характер героя... И нет того счастливого момента, когда литератор обмакнет в чернильницу свое перо, а на кончик его усядется муха. Известно, что мухи очень падки на чернила. Как органического происхождения из чернильных орешков, так и немецкого химического, то есть железисто-галлусовые.

И, глядя на муху, придет он к образу, обессмертившему его имя: «Быть или не быть, вот в чем вопрос». Или архигениальное: «Морозной пылью серебрится его брововый воротник». ...А вот пишущая машинка, как рабочий инструмент автора, это уже прелюдия к компьютерной литературе. Именно на этапе освоения пишмашинки впервые доселе аналоговое мышление писателя отчасти приобретает дискретный характер.

Уже и без дотошных немецких диссертантов опытный читатель-аналитик редко ошибется: сочинял ли свое произведение автор рукописно или стуча по клавишам машинки? Это ситуация, когда несколько обесцвечивается образность, создается — у читателя — впечатление, что простору мысли автора уж слишком тесно в словах. Наконец, это изобилие диалогов. Современная «кассовая» литература и вовсе состоит из одних диалогов, ибо пишется как готовый сценарий для сериалов, сплошь состоящих из «говорящих голов». Вот вам и «ундервуд»!

Конечно, авторучка, особенно «паркер» и ручки советского производства, в которых чернила на перо не высыхали, коль скоро автор задумается над крутым изгибом сюжетной линии, почти (что не считается...) не повлияла на усредненное качество литературы. Но пишущая машинка, как рабочий инструмент автора-первопечатника, кроме указанных выше, нанесла, существенно снизила творческий потенциал автора, лишив его такого важного для литератора качества, как *мнемоническая память*, то есть компонент общей памяти, обусловленный движением руки при записи текста рукой же. Психофизиологические и психолингвистические моменты пояснять не будем,

только отметим, что существует специальная научная дисциплина *мнемоника*, в числе прочего объясняющая и эффект мнемонической памяти при ручном письме.

Кстати, во многом учитывая этот эффект, в высшей школе, начиная со средневековых европейских университетов (Салерно, Болонья, Сорбонна и др.) и вплоть до наших дней, студенты — даже обладающие хорошей памятью — записывают лекции преподавателей. Поэтому заметное снижение качества высшего образования, например, в нынешней России, во многом связано с тем, что, следуя указаниям Минобразования о скорейшем внедрении в учебный процесс современных компьютерных технологий, вместо записывания лекций студенты чаще рассматривают картинки на экране. Это авторитетное мнение профессора университета...

Компьютер, ныне используемый авторами в качестве пишущей машинки, имеет даже некоторые преимущества — с точки зрения писателя — по сравнению с «ундервудом», а именно: возможность поправлять, исправлять, дополнять и вообще корректировать набираемый текст. При всем сказанном выше, ни пишмашинка, ни компьютер для набора в общем-то не повлияли на конечный продукт писательского творчества. Разве что ликвидация мнемонической памяти, которая очень важна для прозаиков, работающих в крупных жанрах: роман, повесть. В меньшей степени это относится к рассказчикам и поэтам.

Собственно мнемоническая память, то есть «механическая» память ручного письма, сформировавшаяся у человека за относительно короткий период цивилизации и культуры, во многом стимулирует собственно память, особенно правого полушария головного мозга — для литератора, позволяя «держат в голове» в целом и в деталях все многоплановое панно сюжета и характеристики действующих персонажей.

Отсутствие фактора мнемонической памяти, во-первых, снижает художественность произведения, а во-вторых, в качестве компенсации требует от автора напряжения памяти левого полушария головного мозга и — особенно — оперативной памяти.

Не такой уж он и простой — «ундервуд». Это уже начальный гедонизм литератора, ибо любому прогрессу он всегда сопутствует. Человечество в целом, по крайней мере 92 % его численности (см. выше), приветствует прогресс и будет способствовать его росту даже тогда, когда человек перестает быть индивидуальностью в привычном понимании этого определения. О такой ситуации — окончание развиваемой нами темы.

Сам по себе компьютер как инструмент первопечатания текста и Интернет, как средство пересылки текста, лишь несколько понизив общую степень художественности, в целом не изменили характер традиционной

литературы. Появление альтернативной ей компьютерной литературы связано с погружением современного человека в виртуальный мир Интернета. Отъединяясь от реального мира, такой человек замыкается в виртуальном телекоммуникационном пространстве. А виртуальный литератор, создатель компьютерной литературы, полностью отрывается от реальности, вступая в примитивный, обедненный и обезличенный виртуальный мир.

...Сразу вспоминаю годы учебы в Литинституте. Тогда существовала только традиционная литература, но умные наши наставники по наитию не уставали нам повторять: нельзя писателю замыкаться в пространстве, времени, действии и пр. Кажется, Владимир Иванович Гусев, ныне профессор Литинститута и один из руководителей Московской городской организации Союза писателей России, наставлял нас: всматривайтесь в окружающую вас жизнь; тем более — вы заочники, значит и так живете, работаете в гуще этой самой жизни. Не уподобляйтесь «дневникам», что засели в уютном литинститутском общежитии... Вот читаешь их творения, а там одна задумчивая переписка между обитателями третьего и четвертого этажей...

Виртуальный электронный мир распространил эти этажи на весь мир... «Человек компьютерный» в значительной мере, почти принципиально, отличается от исторически традиционного *homo sapiens*: он живет уже не в реальном мире с его радостями и невзгодами, борениями и страстями, а в ограниченной «кубатуре» вымышленного мира, где скудоумная виртуальная фантазия практически не имеет опоры на реальный мир вещей и процессов. А интернетовская, компьютерная литература становится лишь слабейшим отголоском художественной литературы, понимаемой в традиционном смысле. Отсюда и романы о морфологии фантастических ящеров...

Словом, переговоры между третьим и четвертым этажами, ибо, как мы знаем, еще со времен древнеегипетских папирусов и античной драмы однозначно следует: художественность, прежде всего литературная, есть отображение реального мира. *Теперь разберем по пунктам.*

Эстетика письма и чтения — здесь и говорить не о чем. Эстетическая составляющая у виртуального, компьютерного письма и читателя с экрана монитора отсутствует. Все то богатство исторически накопленных форм ее, о чем мы столь подробно говорили выше, осталось для компьютерной литературы втуне. Само чтение художественной литературы с экрана есть, в основном, считывание информации, в то время как литература тем и отличается от служебных текстов, что она является источником не утилитарной, но эстетической информации. Термин несколько неверен, но смысл его понятен... Напрочь исчезают в виртуальной литературе даже такие эстетические составляющие, как юмор и широко понимаемая двусмысленность, оживляющие текст. Это видно даже не по такой литературе, а в обыденно-

сти, в общении с представителями (молодых) поколений, выросших в эпоху Интернета. Они напрочь не понимают юмор, даже анекдоты.

...Как то принято в профессорско-преподавательской среде, и я стараюсь разнообразить (снятие напряжения) свои лекции студентам-медикам благопристойными анекдотами. Опять же поучительными — на медицинскую тему. И что я вижу в ответ: полное непонимание, молчание и оловянное выражение глаз. И еще — подозрение. «Нулевая» эстетика компьютерных авторов и читателей — это тот сигнал, что свидетельствует о расхождении традиционной и компьютерной литературы.

С позиций герменевтики^{69*} компьютерная литература есть грустное зрелище, ибо напрочь лишена того качества, которое в литературоведении принято называть творческим соучастием читателя. Имеется в виду тот создаваемый или явно несознаваемый читателем подтекст литературного произведения, заложенный талантливым автором осознанно, а гениальным — неосознанно, на уровне работы его подсознания. Опытный, естественно и думающий, читатель прекрасно понимает: истинно художественная литература — это не копия образов и процессов реального мира, но его художественное перевоплощение и обобщение, целью которого является «принуждение» читателя к осмысливанию его произведения. За примерами такой литературы далеко ходить не надо. Евангелие — любое из канонических от Матфея, Иоанна, Марка, Луки, апокрифические евангелия от Филиппа и других греческих авторов, — и вообще вся книга Нового Завета написана иносказательно. В отличие от сюжетно-понятийного Ветхого Завета.

Ибо цель и сверхзадача Нового Завета — заставить читающего его понять и воспринять сущность христианского учения сопереживанием Христу и его апостолам, прежде всего Петру и Павлу. А этого можно достичь иносказательностью текста, своего рода шифровкой. Только приложив немалые усилия ума и, как принято говорить, души, за такой иносказательностью adept христианства воспринимает сущность учения Христа и его подвига. ...Вот почему все многочисленные попытки «прямого» пересказа евангелий, их адаптации и пр. не имели и не могли иметь успеха. К сожалению, даже такой титан художественной мысли, как Лев Толстой, не смог понять этого, создавая свой «Перевод и соединение четырех евангелий» и «Евангелие для детей».

Шекспир, столь нелюбимый Толстым, второй характерный пример. Здесь достаточно — без пояснений — упомянуть одного лишь «Гамлета»... «Быть или не быть, вот в чем вопрос».

* Герменевтика — наука о понимании и интерпретации — в числе прочего — текстов.

Два фактора, уже упомянутые выше, создали удручающий феномен компьютерной литературы: дискретное (цифровое) мышление и гедонизм авторов и читателей, отказавшихся от реального мира и с головой ушедших в мир виртуальный, электронный. Дискретность мышления замечательно характеризует известный анекдот. Профессиональный программист, отходя ко сну, ставит на прикроватную тумбочку два стакана: один с водой, другой пустой. Некто, например, деловая подруга на ночь, интересуется: «Почему два стакана?» — «А потому, что стакан с водой — если ночью захочу пить. Пустой же — если пить не захочу».

Другая жизненная ситуация часто возникает у людей среднестаршего и старшего поколений, по специфике своей занятости общающихся с детьми, юношами и молодыми людьми. Это преподаватели вузов, учителя в школе, армейские офицеры и пр. Первые — сохранившие в основе своей традиционное, аналоговое мышление; вторые — уже «переученные» на дискретное, цифровое мышление. Кто находится в такой ситуации, тот однозначно ответит на соответствующий вопрос: мы друг друга («старый» «младого» и наоборот) понимаем в такой же степени, как два иностранца — по отношению одного к другому, — слабо понимающих язык визави...

...Дело, конечно, не в возрасте и во взаимном непонимании поколений; ибо сейчас как аналоговое, так и дискретное мышление присуще и «стару» и «младу». Не редки представители старших поколений, что быстро «переучились» на дискретное мышление, а по опыту общения со своими студентами знаю: аналоговое мышление присуще и части молодых людей, уже родившихся в эпоху Интернета. Дело все в установке, которую в силу тех или иных обстоятельств, каждый дает сам себе. Так и авторы с читателями выбирают традиционную и компьютерную литературу.

Как мы уже сказали выше — дискретное мышление ориентируется на информационную составляющую текстов, но совершенно чуждо художественности. А взаимоотношение «дискретных» автора и читателя? — Рыбак рыбака видит издалека. Что тут еще сказать...

И о гедонизме автора и читателя компьютерной литературы. Выше все, или почти все было сказано. Обе стороны — автор и читатель — сидят в теплой квартире перед компьютерами, прихлебывая «обезжиренный» кофе. Расходы физической энергии минимальны: автор «давит» на клавиши, читатель поводит глазами слева-направо; китайцы — сверху-вниз; читающие по-арабски и на иврите — справа-налево. Соразмерные с ними затраты энергии мышления — минимизированы: набирается на компьютере автором и читается с экрана читателем (извините за тавтологию) исключительно «голая» информация, а точнее — информационный шум, из которого на 90—95 % и состоит содержимое Интернета. Никаких тебе головоломок с

фабулой, сюжетом, художественной подачей образов, тем более — никаких герменевтических ухищрений. Полный гедонизм, за который автор и читатель компьютерной литературы сполна расплачиваются угнетением высших слоев психики.

В заключении параграфа — два известных вопроса русской (не компьютерной!) литературы. Кто виноват? Что делать? Если искать виноватого, то надо апеллировать к Дарвину с его теорией эволюции, а для людей верующих — к высшим силам, создавшим человека. Еще к В. И. Вернадскому будут вопросы: зачем Владимир Иванович «изобрел ноосферу»?

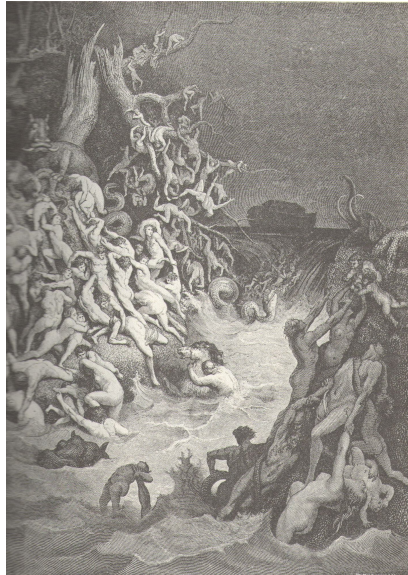
Но Дарвин с Вернадским, даже сам Всевышний, ответа не дадут. Тем более что нет более глупого занятия, нежели в чем-то обвинять эволюцию человека и ход Истории. Они перед нами неподотчетны по определению. Здесь ближе к правде воцерковленные люди, говорящие в таких случаях: так Бог захотел наказать человека за грех: первородный, рукотворный современный и так далее. С позиций же современной эволюционной науки^{326–328} объяснение логически непротиворечиво. Сейчас мы находимся на самом пике перехода от биосферного к ноосферному этапу эволюции человека — по В. И. Вернадскому. В социально-экономической и политической сфере этот период характеризуется процессом глобализации; это чисто ноосферное явление^{320, 322}.

Глобализация же невозможна без непрерывно нарастающего прогресса в области глобальных же систем телекоммуникаций: от того же Интернета до «всевидающего ока» всемирных космических группировок типа ГЛОНАС и ее американской «сестры». И все это — под контролем основного закона современного капитализма: преобладание общества потребления и навязывания потребителю совершенно ненужного^{107, 126, 145, 159}.

Все это вкупе резко, что называется на глазах, лишает человека индивидуальности, переводит изначальный, аналитический образ мышления к механически-дискретному. А это, в свою очередь, напрочь отрицает творческую, в том числе художественную, составляющую мышления. В сфере словесности — это возрастание роли компьютерной литературы.

А что делать? — Но ведь в истории человечества случались и более сложные коллизии. Что будет дальше? — Нам не суждено знать, ибо законами мироздания наложен запрет на «знание наперед». — Для пользы самого же человечества... По крайней мере сейчас и в ближней перспективе традиционная художественная литература сохраняет свои базовые позиции. А что касается компьютерной литературы, то здесь почти все зависит от последующего шага эволюции человека — уже ноосферного.

Вполне возможным представляется и активное вмешательство человека разумного в ограничение «безнаказанности» электронных гаджетов. Тому

ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП

(Быт., гл. 7, ст. 1—24)

«...И лишилась жизни всякая плоть, движущаяся по земле, и птицы, и скоты, и звери, и все гады, ползающие по земле, и все люди». Несомненно, в Библии описано реальное событие в череде циклов похолоданий-потеплений климата Земли; см. фундаментальный труд по климатологии³⁹. Мы и сейчас близки к пику потепления, но через пару-тройку веков «окунемся» в очередной малый ледниковый период. Священная книга учит неразумное человечество: все в мире повторяется, ко всему заранее надо готовить свой корабль спасения: «Шестьсот первого года [жизни Ноевой] к первому [дню] первого месяца иссякла вода на земле; и открыл Ной кровлю ковчега и посмотрел, и вот, обсохла поверхность земли».

Семь пар чистых и две пары нечистых, что велел Господь Ною взять в пассажиры ковчега, являются кодовым символизмом Библии. Для сохранения биосферных артефактов в условиях стремительно наступающей ноосферы требуются как чистые, так и нечистые, но с $3\frac{1}{2}$ -преобладанием первых. В типах преобладающего мышления что есть чистые и что нечистые? — Для каждого времени эволюции *h.s.* их порядок меняется. Но магическое число $3\frac{1}{2}$, так близкое к мировой константе π , должно иметь в эпоху $\{B \rightarrow N\}$ научное объяснение.

уже есть примеры, например, хотя и робкие, но все же попытки-призывы на государственном уровне взять под контроль Интернет.

И еще один характерный пример. Помните, как с десятков лет назад японские фирмы одну за другой «насылали» на детский мир электронные игрушки типа «пакемона», активно рушащие еще неокрепшую психику ребенка. Но затем это прекратилось. Можно так понимать, что это следствие контроля японского общества, во многом сохраняющего традиционные ценности.

...Пока есть возможность, уважаемые читатели, сохраняйте и вы ценности традиционной художественной литературы.

1.2. Постлитературный период жизни человека ноосферного: оптимисты и пессимисты

Приступая к настоящему параграфу, во многом продолжающему тему предыдущего, по ассоциации с подзаголовком ее названия тотчас вспомнил двух антагонистов, то есть оптимиста и пессимиста, причем оба — «холодные» адепты своих качеств. «Холодные» — в смысле не эмоционально увлекающихся, но сугубо логически мыслящих, системных, как сейчас принято говорить... Пессимиста уже четверть века знает весь интеллектуальный мир, а оптимиста я некогда знал лично.

«Холодный» пессимист — это японо-американский философ Фукуяма, сформировавший и обосновавший концепцию постисторического этапа человеческой цивилизации. То есть Фукуяма фактически предрек, опережая время, грядущий глобализм. Тогда, на рубеже 70—80-х годов, философия его показалась настолько мрачной, безысходной — по обе стороны «железного занавеса», что Фукуяма был отнесен к пессимистам.

«Холодным» же оптимистом являлся в те же годы Юрий Селезнев, пожалуй, наиболее яркий литературный критик в СССР той поры. Его лекции я слушал, будучи студентом Литературного института имени А. М. Горького. И совсем не удивительно, что на его занятия исправно являлись даже самые загульные, исключая экзаменационные дни и вовсе не покидавшие свои месячные, круглосуточные застолья в уютном литинститутовском общежитии рядом с телебашней в Останкино...

Это о многом говорит тем, кто заочно учился в писательской *alma mater*. Попутно замечу, что таким же успехом пользовались и лекции Константина Кедрова, с которым мы сейчас иногда переписываемся по «электронке», а его стихи мы опубликовали в одном из номеров «Приокских зорь» (см. выше).

Образные и убедительные слова Юрия Селезнева, его блестящий ана-

лиз современной русской, советской литературы имели выраженную доминанту: ожидание скорого взлета ее, рождение нового феномена русской литературы, по мощи, силе почти что равноценной нашей классике второй половины XIX — начала XX века... Увы, Селезнев непозволительно рано ушел из жизни. Но он и не увидел, что вместо оптимистичного феномена русской литературы к смене веков и тысячелетий просто-напросто развалился как некогда единый творческий процесс. А сейчас и вовсе стремится к квазинулевой асимптоте. А вот пессимист Фукуяма дождался торжества своей философской парадигмы: глобализм стал реальностью и уже почти никого не пугает.

Постлитературный период. Так мы назовем сегодняшнее состояние словесности: как постлитературный период жизни человечества. Также определимся с оптимистами и пессимистами в данном контексте. Конечно, проще всего поддаться эмоциям навроде: дескать, в Туле перед новым, 2013-м годом закрылся последний в более чем полумиллионном городе, рядом со столицей, книжный магазин. Тем более символично, что был это магазин учебной и детской литературы! Так что, господа-товарищи, о каком литературном процессе сейчас и говорить-то можно!

Коль скоро выше упомянуто о глобализме (см. также наш материал «Глобализация как ноосферный процесс»³²⁰), то зададимся умозрительным вопросом: предусмотрено ли место, или, как выражаются словесным штампом — «экологическая ниша», для литературы в глобализованном всемирном обществе? Понятно, что под литературой понимаем творческое самовыражение, а не вид словоблудия... Но об этом позже.

Моделировать будущее — сомнительная экстраполяция. И хотя прошлое редко кого и чему учит, но все же дает повод для размышлений. Литература, как и любой другой вид творчества, есть неизменный спутник человека в его эволюции. Чтобы не погрязнуть в перечислении имен классиков мысли, исследовавших природу творческого самовыражения, упомянем только Фридриха Ницше и его работы «Происхождение трагедии...» и «Рихард Вагнер в Байрейте»^{*189, 190, 397}. Но упоминанием и ограничимся, соблюдая правила жанра данной книги.

Полагаем, мы не принизим предмет литературы, равно как и любого вида художественного творчества, если определим его роль в эволюции человека как потребность в идеализированном умозрительном исправлении реальности. Отсюда, кстати, никем не отрицаемый тезис: художник всегда в той или иной степени оппозиции — ко всему и вся. И, как ни странно,

* Фонетика немецкого языка тоже меняется во времени; так и средневерхненемецкий Байрейт сейчас американизировано звучит как Байройт...

здесь правота протестантской этики утилитаризма — от Витгенштейна до Джорджа Мура: умозрительное исправление одинаково относится как к негативному, так и позитивному в реальной жизни (см. также знаменитую диссертацию Чернышевского).

В данном определении из всех видов творчества литература есть наиболее гибкий и информативный. Точно также, как музыка блестяще определена Шопенгауэром в «Мире как воле и представлении»³⁰⁰ высшей творческой гармонией... (Далее речь ведем исключительно о литературном творчестве).

Исходим *ob ovo**: для чего законами биоэволюции человека, как общественного животного, в числе бесконечно многого предусмотрена творческая идеализация явлений реального бытия? Ответ — без литературоведческих ссылок на авторитетные имена — чрезвычайно прост: это заложенная природой в программу человеческой эволюции система аутотренинга, в фено- и генотипическом продолжении в череде поколений развивающая образное, абстрактное мышление вида *homo sapiens*. То есть, это не примитивное «писатель пописывает, читатель почитывает», не глубокомысленные диссертации от Чернышевского тож до современных «лепилок» за умеренную плату, но достаточно сложная система развития образного, творческого мышления, в которой необходимо соблюдается баланс спроса-предложения.

Все другие моменты литературного творчества, как-то использование его в своих целях властью, религией, литературными школами и течениями, просто «общаком групповщины» (извините за термин из современного новояза...) и так далее — это все вторично. И все это прекрасно понимают: пишущие, читающие, власть имеющие... Ведь даже в воспаленном воображении советских партидеологов «Тихий Дон» и стихи Николая Рубцова бесконечно далеко дистанцировались от дежурных опусов на злободневные темы, почерпнутые из передовиц «Правды» — при всем уважении к этой газете, недавно отметившей 100-летний юбилей, — и «датской» поэзии. Вот во время оно и «второй Ильич», получая из рук Подгорного знак лауреата Ленинской премии за целинно-малоземельскую трилогию, сказал, как человек в общем-то совестливый, явно не за себя, а за «того парня», что состряпал эту трилогию (имя его теперь хорошо известно): «Я, товарищи, хм-м, не писатель, я — журналист».

Словом, если товар подлежит продаже, то он и продается.

Но что же случилось буквально на наших глазах с литературой, причем не только в России и ее самостийных ныне окраинах, но еще в большей

* От яйца (лат.), то есть от первооснов.

степени на Западе-Востоке, говоря словами Гёте*? Почему мы столь уверенно называем наше время постлитературным, как бы это ностальгически-печально не звучало?

Прежде чем однозначно ответить на такой сакраментальный вопрос, вспомним имена писателей, размышлявших на эту же тему. Прежде всего, это Рей Брэдбери с его знаменитым «451 градус по Фаренгейту» и «1984» Джорджа Оруэлла. — Они ясно предвидели весьма скорое время — Оруэлл даже поторопился — ненужности и даже вредности самого фактора существования творчества, литературного в первую очередь.

И еще одно имя, вернее — коллективное имя, в особенности следует вспомнить. Причем не в сугубом контексте литературы, как у Брэдбери, но в своеобразном художественном осмыслении исторического движения человеческого сообщества. ...В самом конце 80-х годов, под конец горбачевщины, в одночасье рухнула система партидеологического контроля над книгоизданием. Понятно, что не сама по себе рухнула, как и вся соцсистема в СССР, а в результате реализации с помощью многочисленных внутренних агентов влияния программы Третьей (холодной, информационной) мировой войны, просчитанной на мегакомпьютерах наших нынешних заклятых друзей. Партнеров по борьбе с мировым терроризмом тож...

Но это не тема настоящего параграфа. Главное — ликвидация партидеологического контроля за печатью привело к выбросу на читательский «рынок» огромного числа ранее малодоступных произведений: от попавших в проскрипционные списки знаменитой комиссии Луначарского — Крупской до книг авторов, живших-здоровствовавших в горбачевщину, но до поры, до времени лежавших в рукописях в запасных ящиках рабочих столов.

Наиболее оперативно сработали «толстые» литературные журналы; опять же от столичных до провинциальных. Один за другим в них начали печататься и романы знаменитых братьев-фантастов, явно из запасных ящиков. Конкретно о литературе в них речь не идет, зато четко выстраивается своеобразная программа эволюции человечества, что называется, чередованием «из пламени да в полымя». И конца этим чередованиям-испытаниям не видится.

Что сразу вспоминается? — Конечно, содержание одной из древнейших книг человечества — Ветхого завета: египетское пленение и победы древнего Израиля, законы Моисея и крушение их, первородный грех и древо познания. И так далее. Ничто с ветхозаветных времен и по сей час не изменилось: действует все та же программа. Чтобы далеко не ходить, проана-

* «Западно-восточный диван», — название книги Гёте.

лизируйте наши отечественные реалии за последние 25...30 лет. И найдите подтверждение сказанному выше. Даже в части анекдотичных тем: «борьба» с пьянством, с табакокурением, с мздоимством и так далее. Даже пресловутая «борьба с матом» имеет предтечу в 30-х годах...

Точно также до сих пор обстоит дело с литературным творчеством. Имеем в виду запрограммированность этого процесса в исторической эволюции человечества. И в мировом масштабе, и в национальных литературах периоды взлета чередовались с упадком. Такая вот заикленность. Для иллюстрации возьмем опять же русскую литературу: «золотой» век поэзии пушкинской поры далее уступает место мировому феномену русского романа второй половины XIX века. За ним следует «серебряный» век поэзии конца XIX — начала XX веков. И так далее.

В этот же период яркой звездой взошла, хотя и не надолго, норвежская литература — до взлета и после его окончания вообще в литературном мире незнакомая. В европейском масштабе подобную цикличность литературного процесса гениально описал Ромен Роллан в своих «Великих творческих периодах».

Все так и шло почти до нашего времени и вдруг — этакий литературный коллапс: практически исчезновение самого фактора литературного творчества — по всему миру.

«Ты заставил меня взглянуть на мир с края отрыва...» — написал мне, прочитав упоминавшуюся выше «Глобализацию как ноосферный процесс», мой давний однокашник по учебе на радиотехническом факультете Тульского политехнического института, ныне живущий в Москве и четверть века возглавляющий одно из крупнейших объединений оборонной промышленности. Так что его житейскому опыту можно доверять.

Итак, предвидения Бредбери, Оруэлла и отечественных философских фантастов сбылись. Прервалась связь времен... Постлитературный период истории человечества свершился-таки. Значит ли это, что программа тренировки — развития творческого мышления эволюцией человека завершена и прошла последняя команда: «Останов»? Пессимист скажет уверенное «да»; оптимист — осторожное «нет». Рассмотрим аргументы этих альтернативных сторон.

Доводы пессимиста. Эпохе начавшегося глобализма творческое мышление не нужно. Причем для любого вида творчества: от пластических искусств до изобретательского творчества. *Homo noospheres non invents* — человек ноосферный — не изобретательный. Эта формула была предложена и обоснована нами в предшествующих томах монографии «Живая материя и феноменология ноосферы»^{322, 336–339}. Возражений в ученом мире на нее за прошедшие годы не последовало^{108, 109}... Молчание же, как говорится, знак согласия.

Человек ноосферный суть квалифицированный потребитель, но не творец. Понятно, что речь идет о статистически преобладающей массе. Ибо остается меньшая часть, которая создает трудом живых роботов рынок потребления. В современной России это обслуживающие сырьедобывающие отрасли и первичную переработку сырья, а также вредные химические производства. В Западной Европе и в США, отчасти в Японии и Южной Корее — это подготовка высоких и средних технологий для тиражирования их в Китае — нынешней мастерской мира; как в XIX веке ею была Англия. За одним исключением: промышленность вооружений в названных странах сохраняется в полном цикле: от разработки до серийного производства. Третий мир находится в стадии подготовки к поглощению мировой системой глобализма.

Но квалифицированным потребителю и трудовому роботу литература уже без надобности, ибо у них нет идеалов, что ранее являлось стимулом творческого процесса. Итак, мы живем в постлитературном мире. А то, что печатается на бумаге или появляется на экранах мониторов компьютеров, подключенных к Интернету — это не литература, а информационный шум. Преобладающие же малотиражные издания, то есть самиздат, всего лишь отголосок литературных эпох, не столь уж и давних, память и дань прошлому у людей, которые еще никак не могут, или не хотят, заглушить данный им от рождения и прежнего воспитания творческий импульс. На том и стоит современный пессимист.

Доводы оптимиста. Да, конечно, за последнее двадцать лет Россия, некогда самая читающая в мире страна (и это правда истинная!), скатилась в части потребности в литературном творчестве где-то на 60—70-е место в том же мире. Как, впрочем, и во всех остальных отраслях, исключая лидерство в добыче и перекачке на Запад-Восток природных углеводородов, а также в коррупции чиновничества. И еще наша страна занимает почетное десятое место в мире по числу ежегодных оперных постановок...

Да, система книгоиздательства и книгореализации в стране полностью развалена. И таких горестных «да» оптимист оговорит множество. Более того, как человек честный сам перед собой, он не станет петь набившие оскомину заунывные песни о временных трудностях переходного периода (какого перехода: с обрыва в пропасть что ли?) и прочая, прочая... Стыдливо промолчит об огромных творческих перспективах открывшейся после окончания тоталитаризма свободы слова и прочих благоглупостях. Даже признает, что мягкая советская цензура — пишите, что хотите, только с джентльменским соглашением: партию и правительство не трогайте! — сменилась строжайшей самоцензурой. А вот на более искушенном в политкорректности Западе уже полтора столетия действует все и вся устраи-

вающий «принцип Бисмарка»: говорите и пишите что хотите, только слушайте!

Но ведь книги-то издаются, порой даже очень высокого творческого класса! Жаль, конечно, что их тираж редко превышает сто экземпляров — это по сравнению со сотысячными тиражами советского времени. Пожалуй, здесь оптимист рассмеется, хлопнет себя по лбу тыльной стороной правой (левша — левой) ладони: эх тебя, милейший, куда занесло? — Целых сто экземпляров!

Нам же достается роль третейского судьи. Каковы реалии постлитературного периода? А они таковы. Ограничимся отечественной «постлитературой». Конечно, и в постлитературный период книги останутся: «компьютерные» детективы и комиксы для толпы, а изящно, роскошно изданные — для элиты. Может даже и для чтения. Например, для находящихся под домашним арестом, если хапнул сверх меры, а главное — не поделился. То есть литература, равно как и другие искусства, следуют правилам эпохи позднего Древнего Рима; вино, женщины и искусства принадлежат избранным. Оно к этому и идет; если четверть века назад любой московский студент мог, особо не задумываясь, купить билет в Большой театр, то сейчас цена ему слишком хорошо известна. Другое дело, зачем эти высокие искусства пресыщенным всем и всея «верхним» классам?

...В школьные годы среди прочих литератур открыл для себя латышских писателей (хотя и жил не в Риге, а в мурманском Заполярье): от первых романистов братьев Каудзит до исторического писателя, классика Андрея Упита и, конечно, Вилиса Лациса, кстати, после войны долгое время являвшегося председателем Президиума Верховного Совета Латвийской ССР. Но не менее четырех-пяти раз перечитывал его замечательный роман «Пятиэтажный город». Действие происходит в буржуазной Латвии. Главный герой книги, ищущий свое место в неуютной жизни, стремящийся к образованию — все своими силами и умом, попадает на концерт знаменитого скрипача, занесенного в глухую провинцию Европы — лимитрофную довоенную Ригу.

Слушая виртуозную игру скрипача, герой книги одновременно рассматривает публику в зале — собрался на «имя» весь истеблишмент прибалтийской столицы. В сопровождении своих жен и любовниц в вечерних платьях от модного французского портного на концерт пришли воротилы делового мира: тройные подбородки, квадратные лысины, припухшие глаза... Неужели им что-то говорит Вивальди и Гайдн? Вряд ли. Ибо под этими массивными лысыми черепами бешено крутятся цифры: тонны удачно проданной салаки, тысячи кубометров латгальской древесины, суммы фрахта судов рижского порта... Цифры, цифры, прибыль, дебет-кредит.

Нет, салака и шпроты не дадут пробиться музыке Вивальди под лысые черепа, а Гайдн и латгальский лес не под одним скрипичным ключом. Примерно так рассуждает герой книги Лациса, хотя и другими словами.

...В суждениях наших, отечественных оптимистов и пессимистов постлитературного периода есть своя правда и неправда, но меж ними чисто русский перекося. — Все от стремительности перемен, в части литературы тоже. Дело в том, что на Западе постлитературный период начался давно, коллапс литературного творчества и потеря читателя подошли плавно, не акцентированно. Как и все на Западе, где сам капитализм созрел не одну сотню лет.

У нас же, то есть в СССР, до самой горбачевщины, даже до ее середины, а и вовсе до ее бесславного конца на периферии, возвращенная в советский период, а предтеча — конец XIX — начало XX веков, фигура человека-творца, создателя еще не уступила место массовому квалифицированному потребителю. Соответственно, литературный процесс был востребован. И вдруг в одночасье все развернулось на сто восемьдесят градусов: с космической скоростью фигура творца была дезавуирована, смята, злоупухолью разрослась мелкобуржуазная биомасса того самого квалифицированного потребителя. Литературный процесс оказался не нужным. Тоже в одночасье, также в один миг. Это и дало перекося правды и неправды как пессимиста, так и оптимиста.

Как гласит наш фольклор, быстрота нужна лишь при ловле блох. И еще в государственных переворотах всех времен и народов. В отличие, например, от ползучей контрреволюции. В текущее время — это «оранжевые революции», робкую, скорее кем-то санкционированную, попытку которой мы недавно наблюдали и в Москве. Это опять же не тема настоящей книги, но ведь именно быстрота смены ориентиров страны в конце 80-х — начале 90-х годов и вызвала этот перекося пессимизма-оптимизма, что в полной мере ощущается и по сей час. Ниже охарактеризуем этот перекося, в оценке которого, как ни странно, пессимисты и оптимисты — по одну сторону (словесных) баррикад.

Первым и наиболее серьезным свидетельством перехода России в постлитературный период явился фактический распад Союза писателей СССР. Здесь наиболее зловещим симптомом послужило не столько отпадение от прежде единой писательской организации национальных литератур теперь уже самостоятельных государств (мина, заложенная, вопреки усилиям Сталина, троцкистским подпольем в «бухаринскую» конституцию 1936-го года...), сколько отчасти удавшийся раскол базового, российского Союза «апрелевцами» во главе с амбициозным поэтом. Тот, правда, скоро убыл на ПМЖ в хлебную Америку, но раскол в русской литературе оставил. Как

тот же Троцкий — «Иудушка» по известному ленинскому определению. Правда, к недавнему своему юбилею приезжал в Москву, где получил запоздалый фиктивный диплом об окончании Литературного института им. А. М. Горького.

Именно с этого раскола, когда для численности в «апрелевцы» принимали по рукописям едва не на улицах Москвы, началось организованное дробление русской литературы. Возобладала понимаемая в широком смысле групповщина.

Сам этот термин в отечественной литературе весьма давнишний и во многом принципиально отличен от схожих понятий в других сферах жизни: фракций в политических партиях, классов в общественно-экономическом устройстве государства и так далее вплоть до шаяк и банд в уголовно-разбойном мире. Кстати, и в данном вопросе очень гибкий и ассоциативный русский язык может озадачить кого хочешь. Если, например, в архангельской или вологодской деревушке услышишь от восьмидесятилетней бабки, указывающей на группку парней, тянущихся поутру в сельмаг за опохмелительным пивом: «Вот опять в магазин партия пошла!» — То не ищи в словах старой политической подоплеки. Просто это закрепившаяся в местной речи память о 20-30-х годах, когда по дорогам Русского Севера прогоняли под охраной партии арестантов, обычных уголовников и жертв троцкистско-ленинского СЛОН^{*}а и ежовского безумия тридцать седьмого года...

Сказанное выше — сугубо для понимания той роли, которую имеет терминологическая чистота и определенность.

Групповщину в нынешнем отечественном литературном мире, или в постлитературном — кому как ближе, следует понимать как организационную, идейно-литературную, идейно-политическую, этическую, эстетическую и пр. разобщенность писателей, выражающуюся в отъединении друг от друга, а значит и от групп читателей, причем каждая группа явно, а чаще неявно — в рамках тенденциозности, заявляет свою литплатформу, следование программе которой для участников группы строго обязательно по понятию (это не термин воровской фени!).

...Как писали братья-фантасты, упоминавшиеся выше, история нашей страны суть циклическое повторение уже бывшего ранее — то есть действие гегелевской спирали развития. Так и нынешняя ситуация групповщины есть почти «дословное» повторение литературной разобщенности 1910-20-х годов, но которая завершилась — правда, тогда оптимистично-переверзевским РАПП'ом и, наконец, горьковско-сталинским Союзом писателей СССР. Кстати, не ассоциируйте рапповского Переверзева (У Ильфа

* Соловецкий лагерь особого назначения.

и Петрова: «Долой переверзевщину!») с Переверзевым нынешним, героем многочисленных гневных статей в «Литгазете» по поводу раздела писательского имущества — об этом ниже. Возможно, они даже и не родственники... Хотя символично даже совпадение имен фигурантов.

Когда-то Сталин сказал, если не ошибаюсь, Анри Барбюсу²¹: «Других писателей у меня нет!» И мы можем повториться, что сейчас, в период разбукания мелкобуржуазной биомассы, других писателей тоже нет. В том смысле, что писатели не только отображают действительность, но и сами есть порождение ее. Поэтому в групповщине сейчас не малую роль играет матримониаальный фактор: естественно, от «Москвы до самых до окраин».

В столице, где все внутри внешней кольцевой автомагистрали пропитано духом меркантильности — от мелочной до гигантской, почти что сравнимой с госбюджетом, групповщина приобрела выраженный коммерческий стержень: дележ остатков бывшей, советской писательской собственности — с Переделкино в эпицентре. Конечно, львиная доля недвижимости Союза писателей СССР отошла к государствам СНГ, а внутри России ее прибрали к рукам в лихие девяностые, годы рейдера-молодцы: от бандитов до официальных структур. Но настолько велика была собственность Союза писателей, что и оставшиеся крохи ее достаточно соблазнительны.

Со столицей все понятно, но и на периферии (провинции по-нынешнему, уничижительному) нищенствующие литераторы порой делятся на группировки, соревнующиеся друг с другом по части получения крох, падающих со столов администраций различных уровней. Очень малых крох, ибо отечественные чиновники подобрались из тех ценителей русской словесности, что в своей жизни прочитали только две книги: «Тимур и его команда» Гайдара-деда в детстве и личную чековую книжку, что читают на ночь. Чтобы сны привиделись радужные...

Ярко выраженной групповщиной отдают и нынешние литературные премии и лауреатства. Их расплодилось множество, но все они делятся на две группы: «денежные» и «безденежные». Что называется *honoris causa**. Первые — исключительный атрибут Москвы, и столица вовсю старается не выпустить их за пределы упомянутого МКАД'а, а то и вовсе Садового кольца. Для получения ее всенепременно следует быть членом группы и проживать в пределах... см. выше.

Пишущий эти строки по натуре сугубый эмпирик — вспомните «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина^{150, 151}, — поэтому все старается извлекать из личного опыта, а потому принципиально участвует уже лет пять-шесть в премиальных конкурсах, в том числе и в безнадежных «де-

* Чести (почести) для (лат.).

нежных» премиях-лауреатствах. Не потому, что деньго- и лавролюбив, что противоречит моему староверческому происхождению и военно-морскому воспитанию, а по сказанной выше причине: приязнь к эмпириокритицизму, за которую Вождь мирового пролетариата в своем основном философском труде так обиделся на своего коллегу — до 1917-го года — А. А. Богданова (Малиновского)¹⁵⁴. Повторимся, не американец Норберт Винер, а русак Богданов заложил основы науки кибернетики...

Результат участия — нулевой. Даже в наиболее честной престижной Бунинской премии: дважды я становился ее финалистом, но на том дело и заканчивалось. Не обижаюсь: может и «не дотягиваю» до нее, но — подождем, пока Тула, как недавно часть соседней области, не войдет в состав *New Moscow*. Куда более честны премии, в положении о которых прямо записано: «Присуждается только членам <далее идет имя классика в соответствующем падеже> общества».

Периферийные литпремии все сплошь «безденежные», но пресловутая *honoris causa* и здесь явно отдает провинциальной, местечковой групповщиной. По определению это не относится к лауреатствам, привязанным, опять же с указанием в положении о премии, к конкретному месту проживания претендентов: республике, краю, области или городу. Может даже и к селу... Как писал Николай Рубцов: *«Мне поставят памятник в городе или на селе. Буду я и каменный — навеселе»*.

Но вот с периферийными премиями, объявляющими себя всероссийскими, общенациональными и даже международными, не все комильфо. Сильно отдает групповщиной. Как, например, с несколькими премиями, объявляемыми в городах, где стоят памятники нашим традиционным и новым классикам. Премия всероссийская, а лауреатами почему-то становятся сплошь местные писатели. Так, мол, получилось; хотели как лучше... Хотя и наивная, но — групповщина. Это ведь не столичные «литературные монетные дворы», где штампуют направо-налево писательские ордена и медали. — См. нашумевшую статью в одной из московских литературных газет Сергея Соколкина; кстати, автора «Приокских зорь».

...Как говорят медики, а ваш покорный слуга все же профессор медицинского института, нельзя «показывать на себе». Но мы рассуждаем о литературе, поэтому все же обратим внимание читателя на всероссийскую литературную премию «Левша» имени Н. С. Лескова, уже пятый сезон присуждаемую в четырех номинациях за лучшие публикации текущего года в «Приокских зорях», а с прошлого года и за издание авторских книг в серии «Приложение к журналу «Приокские зори».

Здесь нет и намека на местечковость — это не похвала себе, то есть редколлегии журнала, а объективная реальность. Среди лауреатов — эмиг-

рант, ныне живущий в германском Бремене, известный поэт из воронежского Борисоглебска, монахиня из монастырского села Владимирской области, соотечественник «на заработках» в африканском Мозамбике, московские профессора, поэт, работающий на химкомбинате в Тольятти и так далее в разнообразии географии. Всех лауреатов объединяет одно: литературный талант.

А если в числе лауреатов появляются авторы из Тулы и городов Тульской области, то значит они достойны того. Кстати, уже два года подряд мы не присуждаем «Левшу» в жанре литературоведения: так получилось, что все более или менее достойные публикации здесь принадлежат авторам — членам редколлегии «Приокских зорь», которым по Положению премия не положена...

Схожий подход и у жюри всероссийской литературной премии «Белуха» имени Г. Д. Гребенщикова, учрежденная Союзом писателей России и журналом (альманахом) «Бийский Вестник» — главный редактор и председатель жюри В. В. Буланичев.

Но все это скорее исключения, нежели правило. Увы. Завершим же аспект современной литературной групповщины и вовсе пессимистически: группировки занимаются чем угодно, но только не развитием литературного процесса. Дважды увы. Отвечая только за себя, стараюсь разрабатывать теорию современного литературного процесса в структуре Академии российской литературы, где являюсь членом Правления, ответственным за литидеологию. Как это получается? — Вам, уважаемый читатель, судить.

Свобода слова и самоцензура — здесь перекося явно на руку пессимистам. Вспомним не столь давнее: что не устраивало в литературном процессе советского периода явных и скрытых диссидентов, столичный окололитературный бомонд, обиженных судьбою и книгоиздательствами литераторов? — Конечно, якобы отсутствие свободы слова в СССР. При этом все они напрочь забывали, или отродясь не знали, диалектическое, гегелевское определение свободы как осознанной необходимости. Этим все сказано как припечатано.

Повторение — мать учения, поэтому считаю нужным еще раз повториться: начиная с 60-х годов, никаких покушений на реальную свободу слова уже не было — при соблюдении автором трех необходимых для него условий: а) не употреблять нецензурных слов и умерять эротические фантазии; б) обладать способностями к литературному творчеству, то есть не являться графоманом; в) соблюдать правила игры с властью, придерживаясь — сродни великолепному английскому правилу: джентльмены присутствующих не имеют в виду. Так и здесь: «не трогать за вымя» партию (тогда единственную) и правительство и, тем более, лично... понятно кого.

И это была «неистовая тоталитарная цензура»? А то, что негатив к власти приходилось выражать иносказательно, то это только совершенствовало художественное мастерство автора. Для справки — для тех кто не издавал авторские книги в советское время (у меня такой опыт имеется): по скучно-обязательным оговоркам современных СМИ и запиаренно-коммерческих литераторов получается, что любую книгу перед ее изданием дотошный тоталитарный цензор вычитывал вдоль и поперек, с конца и по диагонали, всю ее исчеркивал и возвращал через издательство автору для коренной правки. Смею разочаровать: к цензору, то есть в пресловутый «лит» книга попадала уже изданной, а «литовца» интересовали вовсе не особенности композиции, даже не пункты а), б), в) первоочередно, но соответствие изданной книги инструкции о сохранении гостайн.

...Но вот на не очень продолжительное время в 90-х годах «объявили» полную свободу печатного слова. Действительно, на любом книжном развале в самом центре города рядом лежали «Архипелаг ГУЛАГ», «Эдичка» Лимонова, «*Mein Kampf*», Библия и многотомные сочинения кришнаитов. Но разве в тот период объявился сонм талантливых писателей, или качественно повысился литературный изыск читательских масс? — Все с точностью до наоборот: читателям в те голодно-волчьи годы стало не до книг. Впрочем, и сочинителям таковых тоже.

В итоге в постлитературный нынешний период отечественная литература пришла в состояние броуновского движения: огромное число издаваемых в полукустарных типографиях-маломерках за собственный счет книг с «краеугольным» сотенным тиражом — все сплошь в категории «самиздата». Число пишущих и читающих сравнялось, явив миру, которому в общем-то на нас наплевать, «супернорвежский феномен», ибо просто «норвежский феномен» — это упоминавшийся выше короткий во времени взлет литературы на датско-норвежском языке (датский и норвежский литературные — это один и тот же язык) в конце XIX — начале XX веков, когда в северном королевстве, изрезанном фиордами, самом нищем в Европе — тогда нефть на шельфе Северной Скандинавии не качали — на каждые триста жителей приходился свой писатель... Правда, сейчас кто-то слабо припомнит «Голод» Гамсуна, да еще литературоведы, что называется по профессии, знают о драматурге Бьёрнстерне Бьёрнсоне и «Снах и яви леди Градивы» модерниста Йенсена.

Норвежский феномен таки у нас переплюнули в сотни раз, а может и в тысячи, с учетом полного отсутствия читателей современной литературы, но что ведь уже два десятка лет издается? — Графомания на 90 % в поэзии и на 75—80 % в прозе. Все-таки последнюю труднее сочинять, опять же книги по объему больше, дороже в издании, так что приходится задумать-

ся: издавать ли библейской толщины роман-эпопею «А паразиты никогда» (По Ильфу — Петрову), или ограничиться брошюрой с рассказами-зарисовками.

Полное же уничтожение института редакторов, корректоров и профессиональных верстальщиков делает же современные книги антиэстетическим продуктом невзыскательного творчества. Еще один существенный негативный момент в современной постлитературе: вместо объективной литературной критики, которая сейчас полностью отсутствует, появился «жанр» этакой снисходительной опеки: дескать, не совсем талантливо пишут ребята, но хоть кто-то пишет! Так поддержим и пр., и пр. А потом удивляются, когда из таких сирот-опекаемых вырастают самодовольные графоманы-хамы, что, прикупив на «литературном монетном дворе» (опять ссылки на статью Сергея Соколкина) с полдюжины самопальных орденов и медалей, начинают поучать: как писать и о чем писать!

...С пресловутой свободой слова тесно связано понятие самоцензуры. В расширенном понимании — это авторское редактирование своих произведений, чем знаменит был Лев Николаевич Толстой. А вот Федор Михайлович этим напрочь манкировал: Не до того, Федя, не до того — рулеточные долги надо срочно отдавать — в печать!

Так что самоцензура — это не нечто официозное, цинково-сухонное, но необходимая стадия творческого процесса. И во все времена, далеко не только в советские, самоцензура «держала в уме» пресловутые джентльменские пункты а), б), в): от античных времен до нынешних.

Один лишь пример. Думаете, Николай Михайлович Карамзин писал свою многотомную и обессмертившую его имя (что вряд ли был сделали «Бедная Лиза» и «Записки русского путешественника») «Историю государства российского», оставляя втуне самоцензуру? — Еще как не оставлял, да так не оставлял, что все достижения русского государства «преподнес» всего лишь двухсотлетней династии Романовых, задвинув в глубь веков почти семьсот лет правления Рюриков!

«Во всем виноват Сталин» — уже пятьдесят с лихвой лет этот девиз не сходит со знамен различных оттенков, в том числе и с прежде бывшего красного знамени с серпом и молотом... Чего только на Сталина не навешивают? — Только что убийства Пушкина и Лермонтова на дуэлях. Конечно, «по-сталински»: подсадным стрелком из-за Черной речки и с вершины Эльбруса. Тем более — в части советизации и тоталитаризации отечественной литературы. Вот здесь-то и возникает крайне актуальная для нынешней постлитературы тема: писатель постлитературной поры и чиновник.

«Как, — воскликнет и хлопнет от возбуждения эмоциональный читатель этих строк, — какая связь политика и экономиста Сталина^{116, 236-238} с

нынешним постлитературным процессом? Глупости все это, зарпортовался профессор!»

Связь же прямая. Будучи этническим полуосетином-полугрузином, Иосиф Виссарионович не до конца понимал одну специфическую черту русского характера, фенотипически воспитанную в нем — нет, не самим Сталиным и советской властью — на протяжении веков, особенно со времен Петра Первого, на всю жизнь восхитившегося немецкой дисциплиной — от частого гостевания в московской Немецкой слободе у Лефорта: боязнь чиновника и органическое нежелание с ним как-либо связываться по «принципу Савельича»: поцелуй, дескать, барин ручку злодею да сплунь! И другой наш классик пишет, что приставу вовсе и не надо на деревенский беспорядок самому ехать — достаточно фуражку свою прислать.

«Российская империя есть государство, по-преимуществу, военное», — этими словами начинались гимназические учебники истории и географии. Это являлось полуправдой, ибо во внутреннем, невоенном своем устройстве Россия была, есть и еще долгое время будет государством, по-преимуществу, чиновничье-бюрократическим. Это как наследственность в хромосомах, никуда от нее не денешься.

Причем чиновник в России, в отличие от европейских, сугубо особенный: он стремится не столько исполнить спущенный сверху циркуляр, но, как телега перед лошадью, опередить его «инициативой на местах», тем самым создавая в глазах нечиновных людей уверенность во всемогуществе и самодурстве самого ничтожного носителя кокарды на фуражке. «Коллежский регистратор — почтовой станции диктатор». В таком непонимании особенностей русского характера Сталиным, что сразу подметили «шестерки», «шныри»^{*} и, конечно, замаскировавшиеся троцкисты — низовая основа формирующегося наспех бюрократического аппарата советской власти, его (невольная) вина. Отсюда и доноительство в размере эпидемии, подставление вместо себя честных людей и так далее. В нужный момент эти «шныри» все свалили на Сталина.

После такой преамбулы вернемся к современной постлитературе, держа в памяти свободу слова и самоцензуру. — Тему близкую к развиваемой ниже.

Правильно понимаемая бюрократия, как то ведется в Европе со времен Древнего Рима, есть системно-структурная основа любой государственной власти. Здесь только князь Кропоткин и Нестор Иванович Махно, красный командарм, запротестуют... Да еще Прудон из глубины веков. Поэтому выстраивание вертикали власти в современной России после окончания сму-

^{*} На фене, которая здесь очень подходит, шнырь — подметальщик, уборщик за всеми.

ты 90-х годов можно рассматривать как важный элемент госстроительства. Но ведь чиновник-то, отношение к нему и органическая боязнь его «фуражки» остались прежними! Более того, «естественный отбор» девяностых годов придал российскому чиновничеству новые качества: низкую квалификацию как чиновника-специалиста и невероятную коррумпированность.

Как это сказалось на литературном процессе, пусть даже и усеченном до постлитературы? — Прямым образом и все по тому же принципу отечественных «кокардистов»: запрягать телегу впереди лошади.

Госвласти сейчас не до тонкостей литературного процесса. Достаточно сказать, что уже двадцать лет всевозможные проекты законов о культуре, творческих организациях и пр. не дошли даже до постановки в очередь на обсуждение. По-человечески это понятно: на повестке дня стоят жизненно важные вопросы сохранения целостности государства и вытягивания его из пропасти девяностых годов.

Но этим в числе прочего активно пользуется чиновничество, идеология которого такова: минимум общепользуемой деятельности, максимум личного обогащения, главное — создание видимости кипучей деятельности, чтобы показать свою нужность: если не перед Страшным судом, то хотя бы перед вышестоящими инстанциями. Широкое распространение сейчас получил метод «выхватывания из толпы» <Далее фактический материал взят из «Литературной газеты», читать которую писателям надо обязательно, несмотря на ее колебания «влево-вправо» и все возрастающую розничную стоимость...> (Сейчас газетой владеет известный «олигарх», лауреат журнала «Форбс»...).

Обобщенно говоря, писатель избирает сюжеты и героев из трех эпох: историческое прошлое, настоящее время и фантазии на тему будущего. Настоящее настолько буднично серо и неоптимистично, что о нем почти никто не пишет. Зачем? — И так все перед глазами. Куршавель же, крейсерские яхты и жизнь престарелых певцов-танцоров на столичной эстраде — тема для фоток глянцевого журнальчика.

На рубеже веков и тысячелетий массово было ринулись письменники в социально-политическую фантазию, но здесь-то чиновники словили свой первый куш. Пару-тройку лет назад «Литгазета» из номера в номер почти в детективном жанре печатала сообщения о судебном преследовании одним из столичных судов писателя-фантаста, вознамерившего дать абрис Москвы где-то через тридцать-сорок лет. Литератору инкриминировали грозные статьи о терроризме, разжигании национальной розни, ксенофобии и антитолерантности. Вроде как дело «развалилось», говоря суконным языком. Да еще в то же время кто-то из руководителей государства по сходному делу афористично сказал, что-де заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет...

Но сигнал-то был дан! А наш писатель очень понятлив насчет чиновничьей немилости-инициативы. Все, прекратились фантазии.

Итак, фантазировать нельзя, о действительности писать скучно, остается — конечно, остается история! Вот где разгуляться! Но не очень-то разгуляешься, как оказывается. Советский период старшим поколениям он и без того известен досконально — ничем не удивишь читателей. Спроса не будет. А поколениям, как сейчас принято обозначать <<—35>>, СМИ за прошедшие четверть века привили такое стойкое неприятие, что эти <<—35>> и в руки такие книги не возьмут. Вероятно, как и все остальные. Эти поколения не читают вовсе.

Интересен XIX век, но он весь описан-переписан. Разве что жития императоров и выдающихся царедворцев? — Но это на любителя. Век восемнадцатый весь в художественной форме отображен Валентином Пикулем. Да и хлопот много — первоисточники ворошить. Куда как хорошо сочинять о временах столь стародавних, что и фактологию проверить нельзя, и политориентацию к делу не пришьешь: кто знает, что готовили боярин Матвей и стрелец Кузьма: победу мирового пролетариата или торжество демократии на рубеже тысячелетий?

Политкорректность как заноза — тема, продолжающая предыдущую. Заноза только с виду крохотная, но мучений с ней предостаточно. Если же под ноготь попадет, то и до панариция недалеко, что вообще хлопотно с излечением. Такой занозой в постлитературе и является политкорректность. В советской литературе 60—80-х годов она ограничивалась только джентльменским пунктом в). А сейчас потому она и заноза, что постоянно держит автора под неусыпным контролем.

Пишет он слово «негр» — без малейшего намека на негатив, и аж в пот бросает бедолагу: а как это поймут? И вот он, наслушавшись-насмотревшись СМИ, вздохнув, зачеркивает «негра» и пишет «афроамериканец», хотя бы по сюжету это чернокожий из Гвинеи, служащий барменом в Москве и ни разу не бывавший в Америке. «Афрорусский» пока не прижился. Но приживется и этот веселый парень с рекламными белоснежными зубами...

О «в Украине», Флориде, Таллине с двойным «эн» и многом прочем мы уже писали в предыдущих книгах «Феноменологии». Не знаю, как сейчас издают в русском переводе Ницше, умудрившегося обидно обозвать все национальности, в особенности же родную немецкую. Как быть с поименованием нетрадиционных чувственных удовольствий, ныне легализованных и юридически уравненных...? Здесь прямо как в старом анекдоте: «Вер-р, как поживает твой муж-сифилитик?» — «Ф-ыу, Маш-ш! Не сифилитик, а филателист». Заноза она и есть заноза.

Традиции литературы в постлитературе должны были бы одобрить приунывшего оптимиста. Но так ли это? Всякая традиция живет, если ее постоянно развивают, продолжают, совершенствуют. Но если о традиции только все говорят, монотонно талдычат, а следовать ей мало кто собирается, то это становится nonsensom. Пересохла на крутом изгибе истории русская литература, не может уже «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов земля российская рождать». Слова заменены на цифру...

А оптимист все не унывает: «Жив курилка!» Пессимист урезонирует: вот тебе дадут покурить и прикурить в общественном месте! Тут тебе и очередная антиалкогольная кампания на носу; будешь отмечать с друзьями-литераторами выход очередной стоэкземплярной книжки не в кабаке, но на собственной кухне при погашенных свечах и плотно зашторенном окне. Чокаться — только тыльными сторонами ладони, судорожно обхватившей запотевшую от «потожировых» (новое слово в бандитско-милицийских сериалах) стопки. ...Пусть первый бросит камень, если это всего лишь фантазия. Тем более, фантазии сейчас сочинять архиопасно.

Невесело это, господа-товарищи, они же потенциальные граждане, жить-поживать писателю в постлитературную эпоху. Которая, увы, только началась. Совсем зрим облик надвигающегося «грядущего хама» (по Д. С. Мережковскому). Здесь слово «хам» употреблено не в оскорбительном смысле, но, так сказать, в социокультурном: когда все социальное вырождается в священность частной собственности и безудержную власть дензнаков, а культура — в свой примитивный антипод. Носитель этих качеств и есть грядущий хам. — Но, только в определении взгляда и предыдущей истории. Сам же торжествующий хам — к счастью для него — себя таковым не осознает. Как кладбищенский могильщик не видит ничего предосудительного в своей работе. Или представители первой и второй древнейших профессий...

Просто этот персонифицированный грядущий хам другого *modus vivendi** не знает, потому что знать не желает и ничему не учился. Такова установка общества квалифицированных потребителей.

Хотите вы, уважаемые писатели и поэты, тратить свои усилия головы, души и физического здоровья для «интеллектуального обслуживания» такого персонажа современной жизни? — Думаю, что здесь оптимист и пессимист сойдутся в едином мнении: ни-за-что! Но даже горячиться здесь не стоит. Ибо этот хам и сам не возьмет в руки вашу книгу, брезгливо отвернув от нее свою цинковую или суконную... ну-у то, что прежде называли одухотворенным лицом.

* Образ жизни (лат.).

Так для кого, или чего, писать постлитературу? — Впереди по времени грядущий хам, позади — последние из могикан читающих. Остается только ... самоутверждение? Может быть и так. Бывали ситуации в истории цивилизации, когда этот принцип доминировал.

Профессионал и дилетант в постлитературный период, а особенно их противопоставление — тема сугубо спекулятивная. И вот почему. Почти 99 % ныне пишущих непритязательно, ведь выше дарованной природой головы не прыгнешь, втихую завидующие более талантливым собратьям по перу находят железобетонное себе оправдание: «Писучий ты, брат Никодим! И где только время берешь? А мне вот денно-нощно надо о хлебе насущном думать, на двух-трех работах корпеть, чтобы хоть раз в два года машину себе менять, да квартирку очередную для подросткового мальчика прикупить. Иначе бы эк я развернулся, что тома шестисотстраничные так бы и отскакивали от письменного стола!»

...Что-то это мне напоминает из классики? Ага, как даже знаменитые писатели некогда апеллировали в части Льва Толстого. Мало что начинающий Михаил Афанасьевич Булгаков в «Записках юного врача» писал от лица своего автогероя, что-де хорошо было Льву Толстому в тепле и тиши Ясной Поляны сочинять свои романы, а мне, земскому врачу, в мороз и выюгу приходится тащиться к умирающему больному на край волости... так и Федор Михайлович, когда его упрекали в небрежной отделке своих (великих) произведений, тоже говорил, что хорошо Толстому (см. выше), а мне надо за три месяца выдать на горá книгу — оплатить долги за проигрыш в рулетку.

И вообще противопоставление профессии и дилетантизма в литературе — величайшая глупость, если только не одно самооправдание. Можно по пальцам в мировой литературе пересчитать писателей, что занимались исключительно сочинительством, с которого и жили-здравствовались. Да, были Бальзак и Диккенс, «фабрика» папы Дюма. Посчитайте сами, только из выдающихся литераторов, кто имел и другие занятия, и пальцев рук и ног на всех не хватит. Кто писал евангелия и другие книги Нового Завета? — Профессиональные, так сказать, проповедники Христова учения, а до того и вовсе имевшие профессии рыбака, плотника и даже мытаря-налоговика в высоком этом полицейском звании.

Кем был великий писатель и философ Фрэнсис Бэкон, которому уже не одно столетие вполне мотивированно приписывают еще и анонимное авторство «всего Шекспира»? — Был он всю сознательную жизнь первым лордом, то есть канцлером, Британии. Это не хухры-мухры... А его соотечественник Дизраэли, он же лорд Биконсфильд, автор «Танкреда» и еще двух десятков «бестселлеров» своего времени? — Блестящий премьер-

министр уже гигантской Британской империи, над которой, говоря словами Киплинга, никогда не заходит солнце... Гёте не только был пожизненно Веймарским премьер-министром и автором десяти томов (в нынешнем издании) прозы и поэзии, создателем гениального «Фауста», но и выдающимся естествоиспытателем, ученым-морфологом. А трактат о свете и его цветах до сих пор цитируется в многоумных диссертациях.

Что сказать про отечественных классиков? — То же самое, если не в большей степени. Упрекаемый Достоевским и Булгаковым Лев Толстой сочинил свои 90 томов (в Юбилейном издании 1928—1961 гг.) вовсе не в отстраненности от мирских дел. Служил — профессионально — в армии, участвовал в Крымской войне, а если пройти низом центрального в Туле проспекта Ленина, то на глаза попадет мемориальная табличка: здесь-де трудился канцелярским служащим Толстой. А в Ясной Поляне? — Ведь он самолично управлял огромным имением с шестью тысячами десятин, что сравнимо с хлопотливой должностью председателя большого колхоза. Подчеркнем: управлял лично, только под самый конец поставив на хозяйство Софью Андреевну...

А на том же тульском проспекте Ленина, через дорогу, напротив дома, где служил Толстой, — здание коммунально-строительного техникума. И тоже с табличкой, извещающей, что здесь в генеральской должности председателя губернского казначейства служил М. Е. Салтыков-Щедрин. В другие годы был он вице-губернатором в других городах и весях.

Добрый гений наших «Приокских зорь» Гаврила Романович Державин и вовсе являлся Олонецким (Петрозаводск — Карелия) губернатором, а затем министром Екатерины Второй. Автор «Фрегата Паллады» не только был три года штатным этнографом на этом знаменитом корабле, но затем являлся главным цензором империи.

Другой гений нашего журнала — Николай Алексеевич Некрасов, проведя всю свою молодость, затем стал в одночасье «наследником всех своих родных», да еще наловчился так играть в карты, что запросто мог за одно утро положить в карман 40...60 тысяч целковых. Вот ему в тиши и покое теперь пристало бы сочинять стихи о горькой доле и нищете народа... так нет, взвалил на себя бремя главного редактора «Современника», а затем и «Отечественных записок», через которые «сделал» всю русскую литературу второй половины XIX века.

Остается вроде бы барин Тургенев, пишущий в свое удовольствие, отвлекаясь только на охоту и ухаживание за французской актрисой — заодно полностью содержал ее и супруга. Но и здесь одно «но»: вполне достоверная служба полковника внешней разведки резидентом во Франции и всей Западной Европе...

Остановимся на этом увлекательном перечислении, чтобы сугубо естественно-научная книга не переросла в литературоведческий труд.

Не может в среде серьезно, талантливо пишущих людей, тем более в постлитературный период, иметь место разделение на профессионалов пера и дилетантов-любителей, этаких по Гоголю Хлестаковых, любящих побаловаться гусиным пером на досуге: «Ну, что, брат Пушкин?» — «Да так, брат Хлестаков!»

У человека *homo sapiens* два полушария головного мозга: левое отвечает за логику мышления в реальной жизни, а правое — за творческое воображение. И если правое полушарие развито до степени творческого самовыражения, то учись писать профессионально! Этого же можно достичь только годами и еще раз годами упорного, почти что каждодневного труда; как говорится, *nulla dies sine linea**. И не важно, чем ты добываешь хлеб насущный: кочегаром, профессором, мытарем или инженером. А нет устремления к литературному профессионализму, которое сейчас никого не кормит, а наоборот, требует личных материальных затрат, — лучше совсем не пиши или корреспондируй в учрежденческую стенгазету. Сочинять и издавать, хотя бы сотенным тиражом, глубоко посредственные книжки «для души» — значит плевать в лицо высокому искусству литературы. Хотя бы и с приставкой «пост».

Отсутствие понятия авторитета, в смысле авторитета писателя как в своей цеховой среде, так и в глазах общественности, людей, в постлитературный период — несравненно тягостный момент. Удивляться нечему: сейчас вовсе нет авторитетов, кроме как в уголовной среде, ни в какой сфере деятельности. Это понятие заменено другим: «На какой капитал тянет барин?». И даже родители ругают детей за проступки: «Ты что, бездельник! Хочешь профессором (учителем, инженером и пр.) стать и всю жизнь в нищете прозябать?»

Здесь уже ничего не поделаешь. Но отсутствие авторитетов в цеховой среде прерывает преемственность талантов и поколений в литературе.

Резюмирующая лемма. ...При всей своей беллетризованности, содержание и назначение данного параграфа — показать, что своего рода оскудение аналогового мышления в литературной среде, как «продукта» биосферно-ноосферного перехода $\{B \rightarrow N\}$, является не самодостаточным процессом эволюционного развития $\{h.s. \rightarrow h.n.\}$, но организационно-управляемым в рамках бурно развертывающегося глобализма³²⁰.

Справедлива резюмирующая содержание §§ 1.1, 1.2

* Ни дня без строчки (лат.).

Лемма 1.1. *В рамках частного аспекта человеческой деятельности — литературного творчества, как наиболее известного и общественного значимого, анализ опосредованного, внешнего проявления аналогового и цифрового мышления показывает, что фактор преобладания цифрового мышления над аналоговым имеет логическую причинную связь в контексте развертывания ноосферы, в частности, развертывания глобализма, как составляющей общеноосферного процесса.*

Если NP суть термин «ноосферный процесс», GL — «глобализация», а $(ЦМ > АМ)$ — «преобладание цифрового мышления над аналоговым», то из правил комплексной логики¹⁰⁶ следует, что попарные причинные отношения $(\downarrow NP$ и $\downarrow GL)$ и $(\downarrow GL$ и $\downarrow (ЦМ > АМ))$, где « $\downarrow$ » — стрелка Пирса «не — или», в частности для второй пары, имеют следующие виды причинных отношений:

$$\begin{aligned}
 & GL \rightarrow (R^1 GL)(ЦМ > АМ); \\
 & (ЦМ > АМ) \rightarrow (R^2 (ЦМ > АМ)) GL; \\
 & \sim GL \rightarrow (R^1 \sim GL) \sim (ЦМ > АМ); \\
 & \sim (ЦМ > АМ) \rightarrow (R^2 \sim (ЦМ > АМ)) \sim GL; \\
 & (GL \rightarrow (R^1 GL)(ЦМ > АМ)) \wedge (ЦМ > АМ); \\
 & ((ЦМ > АМ) \rightarrow (R^2 (ЦМ > АМ)) GL) \wedge GL \wedge (R^1 GL)(ЦМ > АМ);
 \end{aligned} \tag{1.1}$$

и так далее — выражения (утверждения), логически определяющие общее выражение « $\downarrow GL$ есть причина $\downarrow (ЦМ > АМ)$ ».

Аналогичные (1.1) утверждения могут быть записаны и для первой (исходной) пары: « $\downarrow NP$ есть причина $\downarrow GL$ ». (В (1.1) $R^1 \dots$ означает «вслед за ...», «после...», а $R^2 \dots$ — «до...», «перед...»).

Общим для всех выражений (1.1)¹⁰⁶ является наличие *условного отношения* высказываний многозначного характера:

- описание состояния;
- временное отношение «вслед за этим»;
- временное отношение «до этого»;
- другие, конкретизируемые факторы.

В нашем, конкретном случае выделим: «Если GL есть причина $(ЦМ > АМ)$, то $(ЦМ > АМ)$ есть следствие GL »:

ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

(Быт., гл. 11, ст. 1—9)

«...И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город [и башню]. Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле». Это уже чистая философия, потому на обложке своей книги³¹³ мы и поместили репродукцию с картины Питера Брейгеля «Вавилонская башня», 1563 г. Философия и символика, имеющая самое прямое отношение к настоящей работе о доминантах мышления в аспекте многоязычия. В частности, мы пишем, что многоязычие отдельно взятого человека скорее вредно для его творческого, аналогового мышления, нежели полезно. И возразить нам никто не может, исключая эмоционально-жизненное: «Да как так? Вон Петров знает два языка и феню впридачу, да и владеет пятью ларьками-«сникерсными»!

...Хорошо Петрову, но творцы Библии вовсе не зря и не без умысла философему о Вавилонской башне сделали одной из центральных в книге Бытия. В плане же эволюционном за разделением языков на заре человечества следует параллельное многоязычие мышления, но на этапе $\{B \rightarrow N\}$ строительство Вавилонской башни возобновляется; к сожалению, не на русском, но на американском диалекте английского...

$$\begin{aligned}
& (GL \rightarrow (R^1 GL)(ЦМ > АМ)) \vdash (\sim (ЦМ > АМ) \rightarrow (R^2 \sim (ЦМ > АМ)) \sim GL), \\
& (GL \rightarrow (R^1 GL)(ЦМ > АМ)) \wedge ((ЦМ > АМ) \rightarrow \\
& \rightarrow (R^1 (ЦМ > АМ)) \vdash (GL \rightarrow (R^1 GL) \nu),
\end{aligned} \tag{1.2}$$

где ν — некоторый единый причинный ингредиент, связывающий в логической непротиворечивости $\downarrow GL$ и $\downarrow (ЦМ > АМ)$, как *индивидуальные термины*.

Из (1.1) и (1.2) следует, что утверждения о причинной связи, то есть содержание леммы 1.1, логически непротиворечивы только для текущего времени про цесса, определяемого в терминах причинно-следственной связи, а значит, справедлива

Лемма 1.2. *Логическое утверждение «(ЦМ > АМ) есть и только есть следствие GL» (лемма 1.1) непротиворечиво, но не самодостаточно, для текущего времени процесса, но это утверждение невозможно подтвердить и невозможно опровергнуть для данной причинно связи в любой предшествующий период эволюции биосферы-ноосферы, поскольку для него невозможно построить истинные высказывания вида $GL \rightarrow \rightarrow (RGL)(ЦМ > АМ)$.*

Вопрос о логической непротиворечивости высказывания $GL \rightarrow \rightarrow (RGL)(ЦМ > АМ)$ в прогнозировании развертывания и функционирования грядущей, уверенно наступающей, ноосферы требует отдельного рассмотрения, к чему мы ниже вернемся.

1.3. Язык, художественное творчество и виртуальная реальность в аспекте «струнного квартета»

В настоящем параграфе развиваются аспекты анализа сознательного и бессознательного в мышлении человека, как диалектической пары «реальное — виртуальное», на примере художественного творчества. Последнее мы рассматриваем как один из (многих) вариантов объективизации виртуальной реальности, но и наиболее распространенный в человеческой практике. Рассмотрение вопроса сопровождается примерами построения художественных виртуальных миров, в том числе в творчестве Ф. М. Достоевского.

Виртуальная реальность и ее объективизация. В работах автора^{323, 326, 329, 331, 337} на примере анализа сознательного и бессознательного мышления, их взаимосвязи, было дано строго научное определение виртуальной реальности. В настоящем параграфе будем развивать эти положения на различные аспекты деятельности человека, как субъекта того, что именуется

социальным миром, «держа в памяти», что виртуальная реальность суть атрибут аналогового и цифрового мышления в их слаженном «струнном квартете»...

Что называется «для пробы пера» в качестве темы настоящей главы автор, будучи профессиональным писателем и литературоведом^{321, 422–444}, избрал анализ художественного творчества, как определенной объективизации виртуальной реальности, понимая под антитезой, то есть реальностью, окружающий художника мир чувственных вещей (определение *Яна Амоса Коменского*). Фактический иллюстративный материал в настоящем исследовании взят, по преимуществу, из монографии автора, посвященный художественной эвристике³²³. В неменьшей мере использован и собственный художественный опыт (см. ссылки выше).

Мощным доказательством (простите за невольную тавтологию) — реальности виртуальной реальности является тот непреложный факт, что во всех, без исключения, ипостасях виртуальной реальности — от сценария Большого взрыва Вселенной (по Амбарцумяну и Гамову)^{83, 84} до художественного творчества *homo sapiens* — существует тенденция точно такой же объективизации, какой *a priori* обладает реальность. А почему должно было быть иначе? — Диалектика и логика этому не противятся.^{9, 16, 38, 43, 70, 74, 80} (И так далее в перечислении авторитетных источников).

Действительно, если в квантовых теориях реально проявляют себя фундаментальные взаимодействия (сильное, электромагнитное, слабое и гравитационное), то виртуальные частицы — глюоны, фотоны, бозоны и гравитоны, — посредством которых эти взаимодействия передаются, ненаблюдаемы^{132, 155}. Однако это не означает, что они ирреальны. Точно также продукт работы мозга, точнее — подсознания в основном, художественное творчество не может быть ирреальным.

Продукт творчества суть его материальная объективизация, то есть художественная информация на материальных носителях: книгах, картинах, музыкальных звуках, скульптурах. В этом смысле виртуальный мир художественного творчества ничем не отличается от других «рукотворных» человеком виртуальных миров. В работах^{326, 329, 337} мы подробно останавливались на технических (*компьютерных*) вирусах — наиболее известном объекте электронной виртуальной реальности. Их объективизация также несомненно материальна: кодовые электрические сигналы в телекоммуникационных сетях, электромагнитные волны при использовании радиомодемов, внешние запоминающие устройства и оперативная память ЭВМ, промежуточные носители информации: магнитные диски (ушедшие в небытие «дискеты») и оптические диски (*CD-R* и *CD-RW*) и так далее.

Таким образом, отвлекаясь от конкретного вида информации и их но-

сителей, можно утверждать, что художественное творчество и компьютерные вирусы и (далее должно следовать перечисление всех создаваемых человеком виртуальных миров)..., являясь виртуальной реальностью, ничем не отличаются друг от друга ни по каким определяющим характеристикам. Поэтому справедлива

Лемма 1.3. *Любая виртуальная реальность (виртуальный мир), создаваемая человеком, объективизируется в материальных объектах: вещественных или полевых, или в их сочетании, несущих специфическую информационную функцию.*

Доказательство леммы 1.3 следует из вышеприведенных рассуждений и примеров. Теперь, отталкиваясь от базовых положений леммы 1.3, уточним форму и специфику объективизации виртуального мира художественного творчества, для наглядности ограничиваясь его литературной формой; да это и ближе автору^{321, 422–444} и понятнее читателям «широкого профиля».

Этот виртуальный мир есть сугубая работа мозга человека, особенно — его подсознательного ареала. Отметим, что функциональная структура мозга фундаментально исследована еще И. М. Сеченовым²²⁸ и В. М. Бехтеревым³², а сущность подсознательного мышления на сегодняшний день, несмотря на прошедшие более четверти века, с достигнутой наукой полностью изложена в четырех томах Тбилисского международного симпозиума по проблемам бессознательного психического^{29–31}. Что касается собственно физики процессов мышления, то здесь успехи намного скромнее; воспользуемся некоторыми концепциями^{23, 52, 53, 85, 99, 196, 308, 309}, которые в определенной степени помогут нам уточнить форму и специфику объективизации в названном выше аспекте.

Согласно современным воззрениям^{322, 326–339}, процесс мышления является солитонно-голографическим с электромагнитным базисом, где информация передается в вещественной структуре мозга СГ ЭВМ. То есть клетки мозга и связывающая их нейронная система генерируют солитоны — нелинейные ЭМВ, причем сверхнизкой интенсивности, порядка $10^{-20} \dots 10^{-22}$ Вт/Гц·см², что сравнимо с регистрируемым на Земле излучением звезд соседних галактик, характеризующиеся выраженной нелинейностью, в том числе — способностью проходить друг через друга, не сливаясь и не изменяя свою форму. Эти волны-солитоны являются сложнопolarизованными и пространственными, то есть голограммами.

Каждый i -образ мышления порождает СГ ($i = 1, 2, \dots, m$), которые в своей дискретной последовательности, как кадры в фильме, распространяются в объеме вещества мозга, сложным образом коммутируясь, далее солитоны возбуждают «выходные» нейроны. Входная информация подается в мозг от внешнего мира через органы чувств. Таким образом, солитонно-голографи-

ческий механизм мышления соответствует схеме, приведенной на рис. 1.1. Поэтому первичная (функциональная) объективизация суть вещественно-полевая: порождение полевых (волновых) CG , канализирующихся и распространяющихся в вещественной структуре мозга.

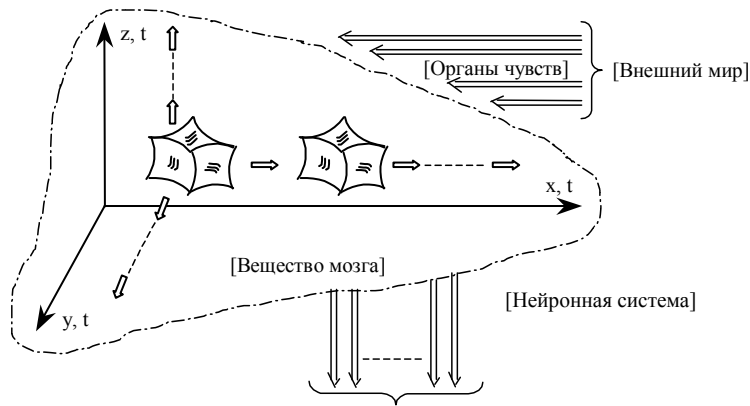

Рис. 1.1. Иллюстрация к солитонно-голографическому механизму мышления

Именно эта первичная объективизация создает информационный поток I_Σ , который далее, а точнее, выражено динамически, постоянно, расщепляется согласно диаграмме (рис. 1.2).

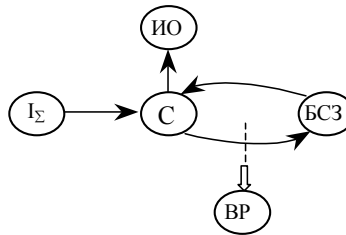

Рис. 1.2. Обмен информацией в мозге человека: С — сознание; ИО — исполнительные органы; БСЗ — бессознательное (подсознание); ВР — виртуальная реальность

Вторичная же объективизация — перенос информации посредством исполнительных органов на внешние по отношению к человеку носители: вещественные, полевые, комбинированные.

Поясним в 0-м приближении с позиций радиопизики важный аспект

мышления: изменение характеристик $СГ$ ЭМВ в процессе самого акта мышления. Простейший пример: обдумывая ту или иную ситуацию, требующую принятия решения, $h.s.$ мысленно просчитывает несколько возможных вариантов решения. Соответственно, это способствует последовательно-параллельному изменению базовых физических характеристик $СГ$ ЭМВ, например, его несущей частоты, фазы, амплитуды, поляризации, степени нелинейности: см. в Введении соответствующие канонические НОДУ типа КдФ, МКдФ, ОКдФ и др., описывающие $СГ$ в процессе ее трансформации.

Остановимся для примера на изменении частоты некоторой обобщенной модуляции $СГ$ ЭМВ; на рис. 1.3 $СГ$ ЭМВ упрощенно показан на верхней эпюре $F_{\text{пи}}(t)$, где символ «ПИ» суть «первичный импульс (мышления)», в виде синусоидального линейного колебания, модулированного частотой $\Omega_{\text{пи}}$. Договоримся, опять же условно, что именно Ω_{ij} в текущий момент акта мышления характеризует первую посылку (импульс) развиваемой мысли, ее первый вариант.

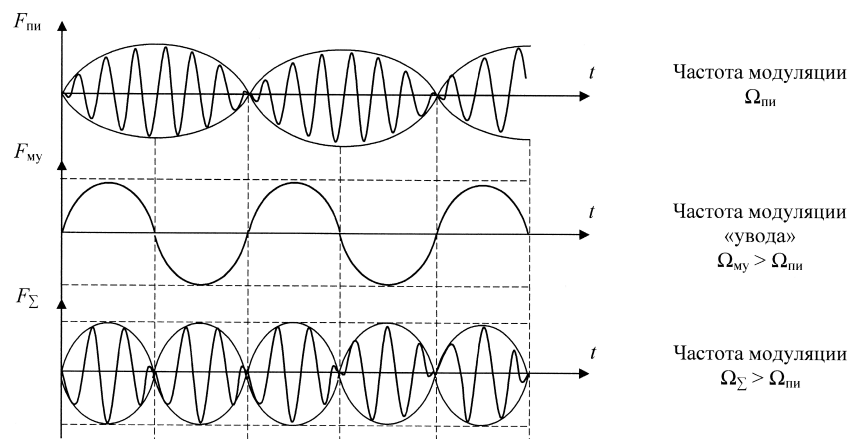

Рис. 1.3. Радиофизический пример, иллюстрирующий изменение характеристик $СГ$ ЭМВ в текущем процессе акта мышления

Второй вариант решения задачи мышления изменяет в исходной $СГ$ ЭМВ частоту модуляции; назовем ее частотой модуляции «увода» $\Omega_{\text{му}}$; допустим, что $\Omega_{\text{му}} > \Omega_{\text{пи}}$ (см. вторую эпюру $F_{\text{му}}(t)$ на рис. 1.3). При суперпозиции $F_{\text{пи}}(t) \oplus F_{\text{му}}(t) = F_{\Sigma}(t)$, $СГ$ ЭМВ $F_{\Sigma}(t)$ с частотой модуля-

ции — в данном случае $\Omega_{\Sigma} > \Omega_{\Pi\Pi}$ и соответствует второй мыслительной посылки. И так далее. В итоге при принятии окончательного варианта решения мыслительной задачи CG_{OK} имеем (в памяти $h.s.$) последовательный ряд CG ЭМВ (далее для удобства записи оставляем только « CG », а «ЭМВ» предполагаем):

$$CG_{\Pi\Pi} \rightarrow CG_2 \rightarrow CG_3 \rightarrow \dots \rightarrow CG_{OK}, \quad (1.3)$$

которому соответствует ряд определяющей характеристики:

$$\Omega_{\Pi\Pi} \rightarrow \Omega_2 \rightarrow \Omega_3 \rightarrow \dots \rightarrow \Omega_{OK}. \quad (1.4)$$

Заметим, что в (1.3), (1.4) стрелка « $\rightarrow$ » не есть логический оператор условности «если, то», а обычно понимаемое следование одного из другого; в данном случае от Ω_i к Ω_j , где эти частоты могут быть и непрерывными с выделением дискретов « i » и « j ».

Однако как при доминанте аналогового мышления (АМ>ЦМ), так и цифрового (ЦМ>АМ) возникает вопрос: как мозг $h.s.$ выбирает из ряда (1.3), которому соответствует ряд (1.4), «оптимальную» CG ЭМВ $\rightarrow CG_{opt}$ при сохранении всех решений ряда (1.3)? То есть ставится вопрос о *понимании предпочтения*. Здесь справедлива

Теорема 1.1. *Объективизация виртуальной реальности VR — продукта работы мыслительного аппарата мозга $h.s.$ выполняется после выработки в нем последовательного ряда CG_i (1.3), обладающего двумя базовыми свойствами: 1. все CG_i ряда (1.3) от $CG_{\Pi\Pi}$ до CG_{OK} к моменту заключения перебора в акте мышления сосуществуют, не сливаясь друг с другом; 2. функционально и логически непротиворечивым является фактор выбора для последующей объективизации VR предпочтительного CG_{opt} из ряда CG_i (1.3).*

Доказательство. Свойство 1 обеспечивается главной физической характеристикой солитона^{34-36, 58}: их неслияние, возможность одновременного существования в пространстве и времени $\sum CG_i \{V, t\}$ и свойство «проходить» друг через друга $CG_i \rightarrow \{CG_j\} \rightarrow CG_i$, не изменяя своих индивидуальных характеристик.

Свойство 2 о предпочтении CG_{opt} требует логического доказательства в терминах комплексной логики¹⁰⁶. Соответствующее высказывание предпочтения имеет форму: $h.s.$, то есть аппарат его мышления VRM (виртуальность мышления), предпочитает CG_{opt} всем прочим CG ЭМВ из множества CG_i ряда (1.3.), или в символьной записи:

$$PP(VRM, CG_{opt}, CG_i), \quad (1.5)$$

где PP — символ предпочтения.

Заметим, что (1.5) есть конкретизация более общего логического высказывания¹⁰⁶: VRM предпочитает принятие, признание CG_{ont} признанию всех других CG_i ($CG_{ont} \notin CG_i$). И еще одно уточнение: высказывание (1.5), то есть предикат предпочтения PP , прежде всего относится к *действиям*; в нашем случае — к *действительности* CG_{ont} , как окончательному принятию в акте мышления и подлежащим переходу от VRM к объективизации.

Согласно правилам комплексной логики¹⁰⁶, введем предварительно символ $OC(VRM, CG_{ont})$, что соответствует высказыванию: VRM осуществляет CG_{ont} ; это понятно на интуитивно-смысловом уровне:

$$\begin{aligned} OC(VRM, \tilde{CG}_{ont}) &\vdash \vdash OC(VRM, CG_{ont}); \\ OC(VRM, \tilde{\tilde{CG}}_{ont}) &\vdash \vdash OC(VRM, CG_{ont}), \end{aligned} \quad (1.6)$$

где « $\sim$ » и « $\approx$ » суть символы отрицания к CG_{ont} : «не есть CG_{ont} » и «не есть не есть CG_{ont} », соответственно.

В реальном акте мышления ситуация единственности CG_{ont} является маловероятным событием; хотя мы и говорим о «единственности принимаемого решения», но это не соответствует реальности (виртуальной реальности) мышления^{95, 353, 382}. В действительности же в (1.3)—(1.6) имеем некоторое множество действенных CG_{ont} (рис. 1.4). То есть, окончательное принятие VRM решения об объективизации (виртуального) акта мышления суть выбор из CG_{ont}^k ($k = \text{"/"}, \text{"//"}, \dots, 4^n$), либо же их объединение по частичному вкладу: «одна голова хорошо, а две — лучше»...

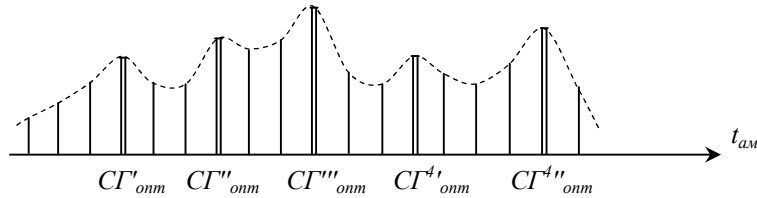

Рис. 1.4. К множественности действенных CG_{ont} во времени дления $t_{ам}$ акта мышления

...Поэтому предикат OC (1.6) более справедливо определить как¹⁰⁶

$$OC(VRM, CG_{ont}) \vdash \vdash (\exists \eta) OC(CG_{ont}, \eta) \wedge (\eta \in CG_{ont}). \quad (1.7)$$

В высказывании (1.7) $OC(VRM, CG_{ont})$ читается как: осуществляется хотя бы одно из действий множества CG_{ont} (рис. 1.4). Здесь же $\exists$ — кван-

тор существования «некоторые», а $\wedge$ — конъюнкция («и») «каждый из»); η — переменная для действия по выбору CG_{ont} из «потенциальных претендентов» из CG_{ont}^k (рис. 1.4).

Теперь расширим высказывание (1.7) и введем¹⁰⁶ множество действия CG_l таких, что действия, включаемые в множество CG_{ont} (рис. 1.4), обладают свойствами: если осуществляется некоторое из действий CG_i (например, при выборе ложного решения), то тогда не осуществляется ни одно из действий CG_l . То есть в CG_l , которая суть переменная для множеств действий, могут входить как CG_{ont} , так и CG_i . Возможна и иная трактовка, но в формулировке теоремы 1.1 неявно присутствует и возможность выбора VRM ложного решения, которое интуитивно всегда является единственным; говоря житейски: легко совершить проступок, но очень сложно устранить его последствия...

Отсюда — и по определению — имеем:

$$\begin{aligned} & \vdash \sim (OC(VRM, CG_i) \wedge OC(VRM, CG_l)), \\ & \vdash OC(VRM, CG_i) \wedge \sim OC(VRM, CG_l) : \sim OC(VRM, CG_l) \wedge \\ & \wedge OC(VRM, CG_l) : \vdash \sim OC(VRM, CG_i) \wedge \sim OC(VRM, CG_l). \end{aligned} \quad (1.8)$$

В (1.8) « $\wedge$ » — сильная дизъюнкция: «либо, либо»; «один и только один из»).

Итоговое высказывание (1.5) для предиката одиночного действия¹⁰⁶ акта мышления — выбора CG_{ont} из CG_{ont}^k и осуществления этого действия будет иметь вид¹⁰⁶

$$\begin{aligned} & PP(VRM, CG_i, CG_{ont}) \vdash \vdash OC(VRM, CG_i) \wedge (\exists CG_l) [(CG_i \subset CG_{ont}) \wedge \\ & \wedge (CG_l \subset CG_{ont}) \wedge (CG_{ont} \supset CG_i \cup CG_l) \wedge (\exists \eta)(\eta \in CG_i) \wedge \\ & \wedge (\exists \eta)(\eta \in CG_l) \wedge (\forall \eta) \sim ((\eta \in CG_i) \wedge (\eta \in CG_l)) \wedge \\ & \wedge ((\eta \in CG_i) \wedge (\zeta \in CG_l) \rightarrow \sim (OC(VRM, \eta) \wedge OC(VRM, \zeta)))], \end{aligned} \quad (1.9)$$

где ζ , как и η — переменные для действий; CG_l , как указывалось выше, понимается как переменная для множества действий. В (1.9) $\forall$ — квантор общности «все».

Предикат PP для случая, когда VRM выбирает совокупное решение мыслительной задачи с учетом не единичного CG_{ont} (см. рис. 1.4), не является «механическим расширением» (1.9), но требует намного более сложного логического определения.

Наконец, предикат (1.9) для выбора VRM единичного решения (действия — в логике высказываний) CG_{opt} из массива $CG_i \cup CG_l$ и осуществление этого действия может иметь следующие варианты:

— возможен выбор и осуществление единичного CG_{opt} из массива $CG_i \cup CG_l$;

— вариант, когда VRM ничего не выбирает: «зеро акта мышления»;

— возможен выбор действия из CG_i , или из CG_l , но в этом случае¹⁰⁶

VRM не может выбрать действие из CG_l , или из CG_i , соответственно.

Три эти варианта определения предиката PP в (1.9) соответствуют: а) четкому акту логического мышления; по нашей «тенденциозной» классификации это соответствует *выраженному цифровому мышлению*; б) неоформленный, или сугубо отрицающий возможность выбора, акт мышления; в) выраженный творческий акт мышления, выходящий за рамки «житейской» логики, то есть логики формальной²⁷⁴; это может, но не обязательно, соответствовать *выраженному аналоговому мышлению*.

Теорема 1.1 доказана.

Что же касается объективизации выбранного VRM решения, то на этот счет предложено множество теорий, концепций и механизмов их (возможного) осуществления^{68, 71, 72, 75–79, 90, 103, 111–113} (и другие работы, ссылки на которые были даны выше).

Определение творчества как виртуальной реальности. В своей целенаправленной деятельности человек, с самой ранней стадии формирования *homo sapiens*, разделял ее на два рода: утилитарную и художественную. Понятно, что два эти рода деятельности коррелируют друг с другом, порой очень тесно переплетаясь: в новейшее время это называется сочетанием функциональности и художественного конструирования (дизайна) в изделиях ума и рук человеческих, во времена прежние — художественное украшение утилитарных по назначению вещей. Очень образно это объяснил Иван Панькин, кстати, рекомендовавший автора этой книги к приему в Союз писателей СССР, в своей знаменитой книге о тульских мастерах-оружейниках: «*Мастер Тычка даже для повседневной людской обыденности никогда не брался делать чего-либо зря, да еще из мыльного пузыря. Он делал только то, что ему приходилось по душе. Его изделия были всегда ясными и понятными, и до восторга красивыми. Их повсюду принимали как за чудо русского искусства*» (цит.³²⁹; С. 40).

А ведь речь-то идет об оружии, даже не о «подарочном» — это уже прерогатива нашего времени, изделиях сугубо утилитарных. И чем дальше в глубь истории ремесел, тем сильнее это переплетение утилитарного и

художественного. И наоборот, чем ближе «стрела времени» (термин Ильи Пригожина^{185–187, 212, 213}, создателя современной биосистемной науки) к нашим дням, тем значительнее разделение утилитарного и художественного. Это свидетельствует в пользу того, что реальное и виртуальное в сознании человека в начальный момент эволюции *homo sapiens* было неразделимо. Здесь уместна аналогия: в концепции Большого взрыва⁸³ на начальном этапе образования Вселенной вещество и поле — в структуре праматерии — также были еще не разделены¹³². Это *nota bene*: мы хотим показать, что живое и неживое развиваются по одним и тем же законам структурирования^{248–250}.

Рассуждая о соотношении сознательного и бессознательного в создании художественного («продукта»), Шеллинг писал в своей «Системе трансцендентального идеализма»: *«Две деятельности должны быть разделены для являющегося, для объективации продуцированного, совершенно так же, как они должны быть разделены в свободном действовании для объективации созерцания. Однако это разделение не может быть бесконечным, как в свободном действовании, ибо в противном случае объективное никогда не стало бы полным отображением этого тождества. Тождество двух деятельностей должно быть снято только для сознания, но создание продукта должно завершиться в бессознательности. Следовательно, должна существовать точка, где они составляют единство, и, наоборот, там, где они составляют единство, продуцирование не должно более представляться свободным.*

Когда эта точка в продуцировании достигнута, продуцирование должно полностью прекратиться и для производящего становится невозможным производить дальше, ибо условие всякого продуцирования есть именно противоположение сознательной и бессознательной деятельностей, а здесь они должны абсолютно совпасть» (цит.³²⁹; С. 41).

Сам же Шеллинг резюмирует смысл этого высказывания: *«...Природа начинается бессознательно и кончает сознательно, ее продуцирование нецелесообразно, но ее продукт целесообразен. Я, осуществляя деятельность, ...должно начинать сознательно (субъективно) и кончать бессознательно, или объективно; Я сознательно в своем продуцировании и бессознательно по отношению к продукту»* (цит.³²⁹; С. 41).

Таким образом, можно согласиться с Шеллингом в том, что: а) творчество есть совокупный результат сознательного и бессознательного в мышлении человека; б) процесс творчества стимулируется сознанием, но продукт творчества — прерогатива бессознательного; в) художник, создавая произведение, сознательно дает ему зачин, но окончательная форма произведения оформляется работой подсознания; г) эволюционная память чело-

века современного, то есть память о еще не расслоенном реальном и виртуальном^{342–421}, проявляется, говоря словами Шеллинга, в существовании «точки, где они составляют единство». Здесь проявляется и фактор времени^{13, 66, 133, 136, 201, 219–221, 275}.

Из сказанного следует, что творчество есть, по преимуществу, продукт работы подсознания, то есть объективизация виртуальной реальности (см. теорему 1.1). См. также на эту тему работы В. П. Казначеева^{118–123} и А. А. Любичева^{163–171}.

Потребность виртуального художественного. Как мы выяснили выше, виртуальный мир есть объективно обусловленное дополнение к миру реальному. Это такая же фундаментальная закономерность мироздания, как и законы физики, химии, биологии... С позиции строгих законов тут все ясно. Но в такой тонкой вещи, как художественное творчество, «обремененной» изрядной долей субъективизма, одной ссылки на непреложные законы природы явно недостаточно. Поэтому попробуем определить потребность человека в виртуальном творчестве, в данном случае художественном, исходя из категорий гуманитарной, социальной психологии и законов философии^{41, 74, 89, 94, 100, 127, 147, 157, 158, 210}.

Тем не менее, предварим эту тему (опять же!) более общими рассуждениями о побудительной причине человека создавать виртуальные миры: художественные, математические, технические и пр. Как ни парадоксально это звучит, но природа создала мыслительный аппарат мозга человека раз и навсегда, как и все, что она в живом мире создает: ламаркизм^{325–327} и дарвинизм^{91, 92} здесь ни при чем; и адаптивная эволюция Ламарка, и естественный отбор Дарвина — это образование новых видов в их эволюции, но эволюция не изменяет раз навсегда избранного природой принципа: если у предживого еще вируса ДНК имеет четырехбуквенный код, что оптимально для такой ДНК, содержащей всего несколько тысяч нуклеотидных оснований, то такой же алфавит достался и ДНК человека с тремя миллиардами оснований, хотя бы оптимальным для такой ДНК был алфавит в несколько десятков тысяч символов⁵¹.

А раз вещественная и функциональная организация мозга *homo sapiens* была создана природой раз и навсегда, то она создана со значительным резервом, имея в виду долгую эволюцию человека и его разума. По всей видимости, мы в настоящее время находимся еще где-то в начале этой «эволюции разума» (Дай-то, бог, это весьма оптимистично, если, конечно, Георгий Георгиевич Бушмакин или кто иной не ввергнет мир во вселенскую катастрофу...), ибо, по разным мнениям^{196–198}, весьма авторитетным, у нынешнего человека мозг «занят» на 10...15 % (!?): и у Гегеля, и у дворника Варфоломеича — все одного порядка^{203–206}.

А основной-то парадокс в том, что оставшиеся $90 \div 85$ % суть резерв для дальнейшего, и почти весь этот резерв относится к подсознанию — основному объему памяти, эквиваленту основной памяти ЭВМ.^{283, 293–297} *«Природа не терпит пустоты»*, — некогда сказал Лейбниц, а почему это не должно относится к мозгу человека? Ведь если не на все «пустующие» $90 \div 85$ %, но должен же он быть чем-то занят в какой-то его части в ожидании того, не скорого еще времени, когда мозг будет на все 100 % занят целенаправленной деятельностью (не завидуем мы будущему человеку...) ^{322, 336–339}?

Вот такой парадокс. А из него следует, что все высокие материи человека от античности до наших дней, литература, живопись, ... — словом, все создаваемые им в собственных мыслях виртуальные миры, объясняются до обидного просто: занять до поры до времени частично «пустующую» голову! Нескольким обидно, но мало ли обидного для человека в его истории...

Однако, вернемся к теме раздела: потребность виртуального в форме художественного.

Существует множество вариантов обоснования потребности человека в творчестве (см., например, в работах^{29–31, 295}): от «профессионального» художника до патологических личностей и слепоглухих. Г. В. Сегалин^{135, 225} вообще ввел понятие «эвропатологии»... Их предлагают гуманитарные, медицинские, социальные психологи, специалисты в области биологии развития, генетики и других отраслей знания о человеке. Как правило, все эти теории и экспериментальные проработки сводятся к констатации факта потребности (!). Потребность потребностью, но даже с учетом эффекта «неполнотой заполненной» головы должно быть и рациональное объяснение.

Хотя, как говорят мои знакомые врачи, негоже демонстрировать на себе, тем не менее для пользы дела проанализируем виртуальный мир в нашем романе «В канцелярии»⁴²³ (второе издание под названием «Видение на Патмосе»⁴⁴¹). Однако предварительно сделаем существенное замечание. Коль скоро речь ниже пойдет о том, что называется «высокой политикой», то оговоримся: настоящая работа — сугубо научное исследование, поэтому не есть политическое произведение, отражающее те или иные взгляды.

Другой момент может вызвать возражения эмоционального характера, но эмоции, — не метод научного исследования. Как это ни обидно для человечества, но законы биологии развития и мышления неумолимы: только восемь процентов людей, независимо от пола, расы, даже образования, обладают качеством самодостаточного мышления, проще говоря — могут сами разобраться в любой научной доктрине, социальной и политической ситуации и так далее вплоть до ясного анализа семейных коллизий. Это так называемый «закон экспоненциального остатка» (термин наш)³²⁹; поясним, что экспоненциальный закон развития лежит в основе всего мироздания и объяс-

няется *ab ovo* экспоненциальным расширением Вселенной¹³². Таким образом, принимаясь за научное исследование, субъект такого исследования должен быть уверен в том, что он обладает качеством самодостаточного мышления — как это ни жестко-ограничительно звучит. Далее уже простая и неоспоримая логика: а раз субъект исследования обладает искомым качеством, то его воззрения, например, в сфере социально-политической, должны восприниматься не в аспекте масс-медиа, политического пиара (*P.R.*), а как логически выверенное построение^{106, 177, 183, 274, 276}.

Теперь вернемся к роману. Вполне возможно, что изданный в 1991 году⁴²³ в СССР массовым тиражом, он знаком читающей публике; в СССР читающая публика составляла значимую часть населения. Однако все же напомним фабулу: герой романа, канцелярский служащий Николай Данилович М., придя поутру на службу в свое горкомхозовское учреждение, обнаружил, спустя некоторое время, что он... прирос к стулу, а стул, в свою очередь, оказался неотъемным от пола. По этой причине дальнейшая жизнь Николая Даниловича протекала в стенах учреждения.

Вокруг такой необычной ситуации и разворачивается основное действие романа, то есть показ характеров и обстоятельств, специфика которых в итоге привела к прирастанию к своим стульям и креслам уже всех сотрудников конторы, а в развязке — к гниению всего учреждения, которое в один несчастливый день рухнуло и рассыпалось в пыль вместе со своими высохшими, как мумии, обитателями.

Пояснение первое. Роман издан в 1991 году — ждал своей законной очереди в издательстве, но написан в самом конце 70-х годов; эта дата и представлена в конце эпилога романа. То есть это эпоха «позднего Брежнева».

Пояснение второе. Фабула романа в логической своей законченности явилась автору во время сна, то есть налицо чистая работа подсознания. Заметим, что такой способ формулировки законченной мысли есть скорее правило, нежели исключение, в любом виде творчества. Наиболее характерные примеры: Франц Кафка в литературе, Анри Пуанкаре²¹⁷ в математике. А о роли сновидений в творчестве наиболее ярко и развернуто рассказал Томас Манн в «Иосифе и его братьях».

Понятно, что сюжет романа аллегоричен: предчувствие (синоним расхожему «предвидению») разрушения определенными мировыми силами СССР. Поскольку же в 70-х годах даже наиболее из озлобленных диссидентов не имели оснований предположить такое, радостное для них, событие, то приснившаяся автору развернутая фабула есть не что иное, как многолетний и многофакторный подсознательный анализ социальной, политической и международной ситуации, в которой оно — подсознание — экстрополировало назревающую коллизию.

Это сейчас всем, то есть всем восьми процентам самодостаточно мыслящих людей, ясно, что разрушение наиболее социально ориентированного государства в мире, воплотившего в себя в наиболее явной, первозданной форме заветы Христа¹⁹² (они же — Моральный кодекс строителя коммунизма; они же в Коране¹³⁹, в Торе²⁵⁹, в катехизисе Лютера¹⁴², в «Зеленой книге» Муаммара Каддафи¹⁷⁸...), было целенаправленным, тщательно спланированным и осуществленным силами Мирового зла (они же — Антихрист в христианской традиции). Эти силы называют по-разному: мировое масонство, тайное Мировое правительство и пр. Вряд ли скоро мы узнаем эту направленную силу, но исполнители хорошо известны: мировой финансово-спекулятивный капитал; роль США и их союзников по «золотому миллиарду» здесь опосредована, ибо они сами только слуги, правда, верные, этого мирового монстра³²⁰.

Опять же заметим: в 70-е годы это явно не осознавалось, ведь всему свое время. Однако бессильное это осознать (активное) сознание постоянно вытесняло в подсознание по крупицам отдельные факты подготовки разрушения СССР: созревание «пятой колонны», кризис дряхлеющей власти, стимулирование пробуждения у всех классов и прослоек инстинктов накопительства, индивидуализма, аполитичности и аморализма. Вне всякого сомнения, что в эпоху «позднего Брежнева» высококвалифицированная по антипиару, уже сформированная отечественная антисоветчина повела наступление. Чего стоит только подкинутый издевательский лозунг: «Экономика должна быть экономной» и пр. ...Здесь надо читать первоисточники: Ленина^{150, 151}, Сталина^{236–238}, Плеханова²⁰⁷ и... О. Шпенглера^{301, 400}. И «Молот ведьм»³⁰² нелишним окажется.

Именно бессилие сознательно связать воедино эти разрозненные факты — для человека мыслящего и осознающего суть общественно-эволюционного процесса — и стимулировало работу подсознания по созданию виртуального сценария с последующим выходом в сознание.

Возникает вопрос: если создание виртуального мира подсознанием базируется на посылах активного сознания, то почему, как правило, этот мир конструируется подсознанием не в конкретной, «реальной» форме представления, а в виде аллегории, впрочем, с более чем прозрачным контекстом?

Для сравнения обратимся к работе подсознания в области точных наук, например, математики. В своей уникальной книге¹⁰ выдающийся французский математик Жак Адамар пишет о великом математике — своем соотечественнике, внесшим значительный вклад в теорию относительности, Анри Пуанкаре: *«Итак, мы будем говорить об автоморфных функциях. Вначале Пуанкаре бесплодно в течении двух недель пытался показать, что*

функции этого вида существовать не могут — идея, направленность которой была им позднее доказана.

Действительно, в течение одной бессонной ночи и при обстоятельствах, к которым мы еще вернемся, он построил первый класс этих функций. Затем он пожелал найти для них выражение: «Я хотел представить эти функции в виде отношения двух рядов... Прибыв в Кутанс, мы сели в омнибус для какой-то прогулки; в момент, когда я встал на подножку, мне пришла в голову идея безо всяких, казалось бы, предшествовавших раздумий с моей стороны, — идея о том, что преобразования, которые я использовал, чтобы определить автоморфные функции, были тождественны преобразованиям неевклидовой геометрии» (С. 17).

Подробный комментарий самого А. Пуанкаре любознательный читатель найдет в его книге²¹⁷.

Примечание: Тот момент, что Пуанкаре пишет не о решении задачи во сне, но о ее внезапной формулировке спустя некоторое время, порядка двух недель, после бессонной ночи размышлений, принципиального отличия от решения во сне не имеет, ибо сон и бессонная ночь — адекватны в смысле преобладания неосознаваемого мышления.

...Итак, почему у математика подсознание «выталкивает» в сознание построенный виртуальный мир (образ, чувство, представление и т.п.) в конкретных образах, а у человека с преобладанием чувственного познания мира — в форме художественной аллегории? Ответ скорее всего кроется в том самоочевидном факте, что каждый из двух сопоставляемых типов продуцентов творчества мыслит — сознательно и в подсознании — привычными ему категориями. Конечно, это не исключает, что виртуальный мир художника может быть вытеснен из подсознания в каком-либо рациональном виде, а доказательство теоремы у математика в образе «золотого сечения» египетской пирамиды, коль скоро последнее есть физическая иллюстрация ряда (чисел) Фибоначчи¹³⁸, с привлечением свойств которого доказано огромное число базовых теорем математики, в том числе — знаменитая 10-я проблема Гильберта (Ленинградский госуниверситет, 1971 г.).

Виртуальное предвидение. В этом разделе несколько подробнее остановимся на соотношении виртуального и предвидения, очерченном выше. Опять же не будем выходить за рамки художественного творчества, а для единства темы привлекаемых примеров снова обратимся к обострившейся на рубеже веков и тысячелетий общемировой борьбе сил зла и добра³²⁰. Последнее мы объективизируем в христианской традиции^{41, 94, 104, 323}.

Этот пример разобран нами в книге³²³ и относится к «Легенде о Великом Инквизиторе» Ф. М. Достоевского из «Братьев Карамазовых». Скорее всего, Федор Михайлович является величайшим из известных в мире провид-

Дед Чарльза Дарвина — Эразм Дарвин, автор естественнонаучной поэмы «Храм природы, или происхождение общества»⁹², в которой он, как в Древнем Риме Тит Лукреций Кар в своем «О природе вещей»²⁵⁸, предвосхитил «Происхождение видов»⁹¹ своего внука. ...С таким-то дедом Чарльз Дарвин просто не мог не создать теорию эволюции! Это лишнее подтверждение хорошо известного житейски: природа «отдыхает на детях, а непосредственно передается через поколение...»^{81, 89}

видцев. При этом обычно указывают на его публицистику — «Дневник писателя» прежде всего. Действительно, здесь Достоевский за век вперед предугадал всю русскую, европейскую и азиатскую политику. А в «*Status in statu*»^{*} — при всей щекотливости темы как во времена Достоевского, так и сейчас (и особенно сейчас!) — он за сто с лишним лет предвосхитил все, что сейчас говорят, или недавно говорили, И. Шафаревич, А. И. Солженицын и М. П. Шерстнев^{296, 297}.

Но еще большим провидцем, подлинным гением художественной виртуальной реальности, писатель выступил в «Братьях Карамазовых», о котором Фрейд^{271–273} сказал: ««Братья Карамазовы» — величайший роман из всех, когда-либо написанных, а «Легенда о Великом Инквизиторе» — одно из высочайших достижений мировой литературы, переоценить которое невозможно» (цит.³²³; С. 368).

Какой же виртуальный (увы, на наших уже глазах сбывшийся...) мир создал великий наш провидец? — Тайну из тайн открывает Великий Инквизитор Христу, явившемуся народу в Севилье и схваченному святой инквизицией: уже давно, много веков тому назад апостольская римско-католическая церковь отпала от бога и стала земным учреждением Сатаны. А народ? — Народ, как и в древней Иудее, не принимает учения Христа, но требует только чуда.

Что же принципиально нового сказал Достоевский в толковании образа Христа, что и обессмертило его «Легенду»? — Что Сын Божий своим вочеловечением принес людям только беспокойство? — Но это ясно и из Евангелий¹⁹²... Великим открытием Достоевского истинного содержания Евангелий стала идея о врожденном в человеке примате телесного над духовным, символами которых являются предпочтение хлеба перед свободой, жажда чуда перед верой в личного духовного бога, стремление идти в стаде, лишь бы не знать мук выбора^{145–149}.

...Увы, все сбылось — сбылись воочию виртуальные художественные миры нашего гения.

Художественное творчество является ярчайшим примером создания виртуальных миров с последующей их объективизацией в предметах материальной культуры, как в веществе, так и в полях, — говоря языком физиков. И как легендарный тульский мастеровой Тычка, о котором мы упомянули выше, не просто работал за верстаком, но писал свою поэтическую биографию, то есть объективировал свой творческий замысел в витиеватый узор ложа ружья, так и поэт запечатлевает свой виртуальный мир образов, метафор, аллитераций в свежеизданном томике стихов. Мир звуков — материализация в акустическом поле музыкального мира композитора и пев-

* «Государство в государстве».

ца... Так язык, художественное творчество и виртуальная реальность вписываются в структуру исследуемого нами «струнного квартета».

Воистину, художественные виртуальные миры есть сладчайшие из дарованных человеку!

«Струнный квартет» на фоне информационного шума, как апофеоз компьютерного (цифрового) мышления. Анализируя известные теории и концепции мышления^{129, 137, 140, 143, 153} (и многие другие — см. библиографию к книге) и физико-математический аппарат, априорно пригодный для их описания^{27, 62–64, 82, 101, 117} (и др.), можно прийти к вполне определенному выводу — в контексте темы настоящей книги — а именно: справедлива

Лемма 1.4. *Продукт процесса мышления при передаче его через исполнительные органы $h.s.$ — другим $h.s.$, или любым устройствам (системам) фиксации, подвергается наложению на него информационного шума аналогового или цифрового характера. Таким образом, именно цифровое (компьютерное) преобладающее мышление является одновременно источником как полезной (производимой) информации $I_{\text{пл}}$, так и информационного шума $I_{\text{ш}}$, учитывая, что в соответствующих им СГ ЭМВ спектр цифрового сигнала намного шире спектра аналогового сигнала^{131, 172, 180–184}.*

Рассмотрим, как мы уже делали выше, соответствующую модельную схему на рис. 1.5, использующую радиофизические аналогии. Спектр $S_{\text{пл}}(\omega_{\text{пл}})$, показанный на верхней левой эпюре рис. 1.5, и соответствующий ему сигнал $F(f_{\text{пл}})$ идентифицирует процесс аналогового мышления в 0-м приближении реальных СГ ЭМВ. Соответственно, символ «пи» означает полезную, производимую в процессе мышления информацию. Особо выделенная частота $\omega_{\text{пат}}$ идентифицирует, опять же в 0-м приближении реального процесса мышления в образах СГ ЭМВ, «полезный аттрактор». Здесь используем обычное «механическое» определение аттрактора^{82, 125, 134}: аттрактор есть множество точек S , таких, что траектории почти всех точек в окрестности ΔS стремятся к S при времени процесса $t \rightarrow \infty$:

$$\sum S \vdash \sum_i L(S_i) \Big|_{\Delta S} \rightarrow \sum S \Big|_{t \rightarrow \infty}, \quad (1.10)$$

где « $\vdash$ » — логическое высказывание «из ... следует...», а « $\rightarrow$ » суть обычная стрелка-следование.

Термин «полезный аттрактор» (1.10) в данном контексте означает, что в спектре СГ ЭМВ $S_{\text{пл}}(\omega_{\text{пл}})$ именно на несущей частоте $\omega_{\text{пл}}$ СГ ЭМВ ($\omega_{\text{пл}}$) отвечает наиболее правильному и законченному решению мыслительного процесса (см. выше теорему 1.1).

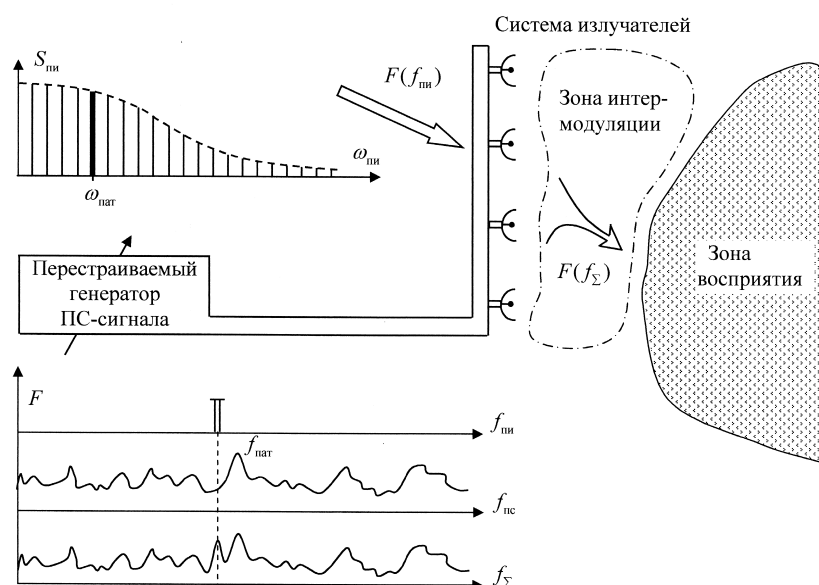

Рис. 1.5. Модельная схема, поясняющая лемму 1.4, использующая радиофизические аналогии

При отсутствии информационного шума модельный сигнал $F(f_{\pi})$ с доминантой $\omega_{\pi\text{пат}}$, например, радиоизлучением передается в зону восприятия. Это и есть модельная интерпретация реального акта мышления: принятие верного решения и передача его через ИО (нейронно-аксонную сеть, через речь *h.s.*, через письмо и так далее) в некоторую «зону восприятия».

Сигнал $F(f_{\pi})$, соответствующий спектральной линии для (круговой) частоты $\omega_{\pi\text{пат}}$, показан на верхней эпюре в левом нижнем углу рис. 1.5. Это есть квинтэссенция полезной информации в акте мышления, характеризующемся $F(f_{\pi})$ со спектром $S_{\pi}(\omega_{\pi})$.

Теперь наложим на полезный сигнал $F(f_{\pi})$ информационный шум $F(f_{\pi\text{с}})$; см. среднюю эпюру на графиках рис. 1.5. Этот сигнал моделируется на схеме рис. 1.5 перестраиваемым генератором псевдослучайного (ПС) сигнала (см. ниже в приложении к § 1.3) и излучается через систему излучателей. В зоне интермодуляции — перед зоной восприятия, — харак-

теризующейся наличием распределенных нелинейных элементов, на последних выполняется в объеме зоны (ее аналог — зону «сигма» см. в модельной схеме во Введении) наложение сигналов $F(f_{\text{ши}})$ и $F(f_{\text{пс}})$. Результирующий сигнал $F(f_{\Sigma}) = F(f_{\text{ши}}) \oplus F(f_{\text{пс}})$ и воздействует на зону восприятия, охарактеризованную выше. В этом шумовом сигнале полезная информация теряется...

Таким образом, модельный эксперимент является «техническим» доказательством леммы 1.4, литературная иллюстрация которой приведена выше в §§ 1.2, 1.3.

Поскольку мы не в первый раз, что внимательный читатель уже отметил, моделируем, в основном, радиофизически, реальные процессы «черного ящика» работы мышления $h.s.$, то дадим логическое обоснование адекватности и допустимости такого моделирования — в рамках логической методологии науки.¹⁰⁶ Справедлива

Лемма 1.5. *Моделирование процесса VRM мышления, механизмы которого представляются «черным ящиком», в терминах технической модели, как правило, радиофизической модели, в которой СГ ЭМВ процесса VRM идентифицируется в 0-м приближении гармоническими и нелинейными электродинамическими двух- и трехмерными процессами, логически непротиворечиво в случае, если имеются некоторые предварительные, априорные или доказанные, знания о предметах-оригиналах К. VRM, где К. — класс предметов VRM, то есть актов мышления, и предметах-моделях К. ЭП, где ЭП — означенные выше электродинамические процессы^{131, 172, 180–184}, преимущественно трехмерные распределенные^{1–8, 17, 18, 60, 281, 341}.*

Исходя из логической методологии¹⁰⁶, слово «модель» здесь используется в том смысле, что требуется исследовать в системе «черного ящика» предметы класса К. VRM, то есть ожидается получить некоторые (искомые) высказывания о предметах VRM, удовлетворяющих сформулированным в конкретной решаемой задаче требованиям.

Поскольку прямое решение задачи исследования VRM в принятой системе «черного ящика» исключено на современном уровне знания, то создаем предметы класса К. ЭП, которые исследуются (моделируются) вместо предметов VRM. После чего из полученных (модельных) логических высказываний формируются по правилам логики высказывания о предметах VRM; при этом модели подбираются такими, чтобы действенной была функция¹⁰⁶

$$\downarrow \Delta^i \Leftarrow \varphi^i(\downarrow \delta^i); \delta^i (i = 1, 2, \dots) \quad (1.11)$$

есть полученные при моделировании логические высказывания; Δ^i — вы-

сказывания, относящиеся к VRM, а функции φ^i — правила замены терминов предметов-моделей на термины предметов-оригиналов.

Отсюда (из (1.11) и содержания леммы 1.5) требования наличия предварительных знаний о VRM и ЭП, которые мы при моделировании всегда оговариваем. Здесь необходимо соблюдать два непреложных правила: а) исключение в построении (1.11) логически истинных высказываний¹⁰⁶, то есть тавтологий типа $\eta \vee \sim \eta$, $\sim(\eta \vee \sim \eta)$, $\eta \vee \sim \eta \vee \zeta$ и пр.; б) выше при описании процессов моделирования мы использовали термин «аналогия»; оговоримся: его применение не являлось логически истинным, но — чисто понятийным, ибо операция $\delta^i \vdash \Delta^i$ не есть умозаключение по аналогии, поскольку модели К. ЭП нами подбираются такими, что правила, относящиеся к функции φ^i в (1.11), выполняются логически непротиворечиво.

Приложение к параграфу: стохастический резонанс в работе «струнного квартета». При используемом нами радиофизическом подходе к моделированию вида

$$((\exists \vee RM) \text{ЭП}) \vee (\text{в смысле "или"}) ((\exists \text{ЭП}) \vee VRM), \quad (1.12)$$

весьма продуктивным полагается использование явления стохастического резонанса (СР)^{180, 222–224, 290} и базисных при моделировании СР псевдослучайных сигналов^{65, 144, 312}, упомянутых выше при моделировании по схеме рис. 1.5.

При моделировании процессов VRM следует учитывать явление «организованного хаоса» в электромагнитных полях (ЭМП) в вещественно-полевой структуре мозга *h.s.* — в его обширной клеточной агрегации.

В естественном биоценозе мы наблюдаем внешнее полевое воздействие, а значит и эффект СР по типу «хаос+хаос». Следовательно, можно утверждать, что внешний шумовой сигнал низкой интенсивности, природный или генерируемый в моделях техническими устройствами, при его воздействии на живой организм с собственным шумовым полем является информационным инициатором упорядоченности биоинформационных сигналов биосистемы, инициирующих при этом посредством СР интенсификацию процессов, связанных с превращением свободной энергии в клетках головного мозга *h.s.*

Для моделирования СР в биосистеме в режиме «хаос + хаос» используется схема аппаратного решения, приведенная на рис. 1.6.

Здесь сигнал ЭМИ модулируется сигналом ПС-последовательности; другое принятое в радиотехнике и цифровой технике название: *М*-последовательность. Псевдослучайный сигнал есть периодическая последовательность пачек импульсов одинаковой амплитуды, причем эта последователь-

ность обладает — при достаточно большой длине периода — одновременно свойствами детерминированного и стохастического сигнала. Первое объясняется идентичностью пачек в каждом периоде в смысле строгого повторения генерируемых генератором ПС-сигнала импульсов и пауз (единиц и нулей в цифровом сигнале), а стохастичность обеспечивается «псевдослучайным» сочетанием единиц и нулей в периоде: 100110100010111..., причем порядок их следования однозначно определяется схемным построением генератора.

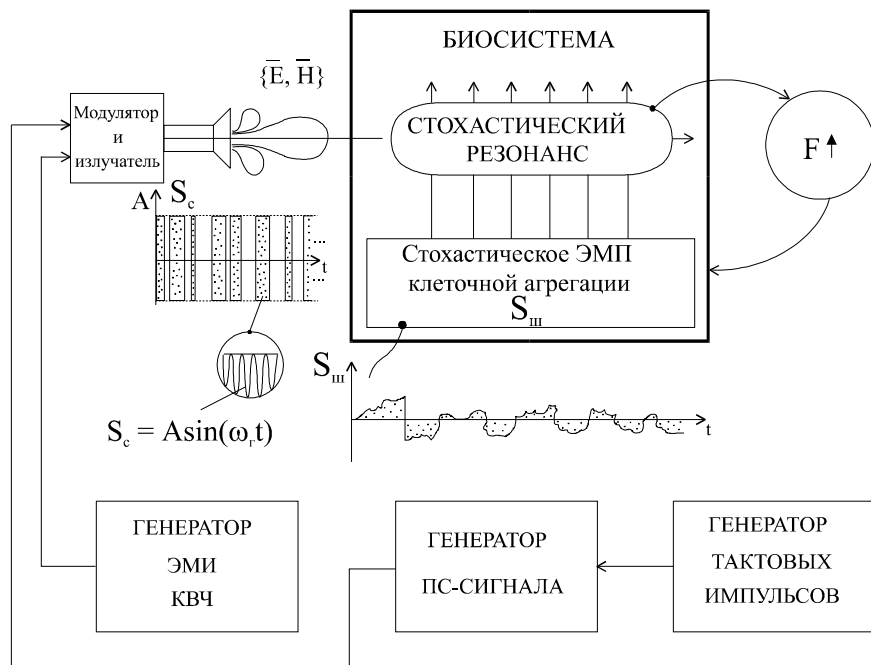

Рис.1.6. Модельная схема для радиофизической реализации стохастического резонанса (ЭМИ — электромагнитное излучение)

Спектр ПС-сигнала описывается логарифмической функцией от квадрата параметра $\sin(\pi\omega/\omega_{\text{мод}})/(\pi\omega/\omega_{\text{тк}})$, где ω — текущая частота; $\omega_{\text{тк}}$ — тактовая частота генератора тактовых импульсов, запускающего генератор ПС-сигнала. При большой длине периода спектр ПС-сигнала близок к шумовому, то есть непрерывному.

Таким образом, согласно схеме на рис. 1.6, наиболее важная физиологически шумовая компонента воздействующего на клетку сигнала — низкочастотная, адекватная биоритмам — «вносится» в виде модулирующего ЭМИ ПС-сигнала.

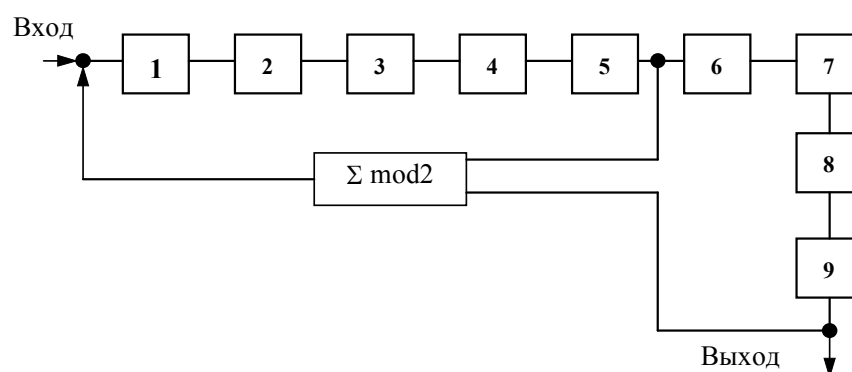

Рис. 1.7. Функциональная схема генератора псевдослучайных сигналов

На рис. 1.7 приведена практическая схема генератора³¹³, реализованная на 9-разрядном последовательном регистре сдвига. Обратная связь образуется подачей выходных сигналов с пятого и девятого элементов регистра на сумматор по модулю «два» и далее на вход регистра. Период полученного на выходе ПС-сигнала содержит 511 элементов, что обеспечивает квази-шумовой спектр; последний можно еще более приблизить к шумовому, используя 10-разрядный регистр (1023 элемента в период). Частота генератора тактовых импульсов (рис. 1.6) выбирается в рамках эксперимента по одному из вариантов: а) адекватность ЭЭГ-ритмов следования импульсов в период ПС-сигнала; б) адекватность ЭЭГ-ритмам частот следования пачек (периодов) ПС-сигнала.

Таким образом, эффект СР полагается одним из базовых механизмов активации процессов регуляции превращений свободной энергии на клеточном уровне, что возможно с точки зрения аппаратного обеспечения, с использованием ПС-модуляции, что приближает модель процесса к реальным, наблюдаемым в работе головного мозга *h.s.* в актах VRM.

С радиофизической точки зрения, по схеме моделирования (рис. 1.6) реализуется процесс, для которого справедлива

ВИДЕНИЕ ВО СНЕ ИАКОВОМ ЛЕСТНИЦЫ

(Быт., гл. 28, ст. 10—15)

«...И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И вот, Господь стоит на ней...». Сон человека — стихия работы подсознания, то есть синтез устремленных мыслей, апофеоз творческой виртуальной реальности, как у Анри Пуанкаре, как у Д. И. Менделеева, которым во сне в оформленном виде являлись итоги их многолетних исканий.

Лестница Иакова в этой философии книги Бытия — есть логический прогноз относительно эмпирических состояний (см.¹⁰⁶) устремленной мысли Иакова на пути из Вирсавии в Харран. Господь с вершины небесной лестницы обещал Иакову свое покровительство. Творческое начало Бога и утилитарное у Иакова в данной философии расшифровывается как взаимодополнение виртуального и реального. Связывая творчество с аналоговым мышлением по-преимуществу, а утилитаризм — с цифровым, мы ассоциируем лестницу Иакова с апорией Зенона об Ахиллесе и черепахе. Конечно, апории (парадоксы) Зенона эмпирически логически противоречивы, но разве само сосуществование аналогового и цифрового мышления не требует дальнейшего развития логики? Это вопрос для размышлений.

Лемма 1.6. В предположении VRM-процессов в «черном ящике», для которого, согласно лемме 1.5, доказанным является наличие стохастического «организованного хаоса» в биосистеме мозга *h.s.*, то есть наличие стохастического ЭМП S_{III} клеточной агрегации, в модели (рис. 1.6) формулируется технически также стохастическое ЭМП $\{\bar{E}, \bar{H}\}$, которое, взаимодействуя в ситуации моделирования (1.12) с ЭМП S_{III} в режиме «хаос+хаос», создают СР, например, на частотах ЭЭГ-ритмов, что позволяет, в частности, моделировать специфические акты VRM на этих характерных частотах.

Таким образом, процесс СР суть «извлечение порядка из «организованного хаоса». Это интереснейший момент исследуемого в этой книге «струнного квартета»...

1.4. «Кто не понимает вещи, тот не способен извлечь смысл из слов»

Как нам представляется, вынесенные в заголовок параграфа слова Мартина Лютера (вообще говоря, полезно ознакомиться с его катехизисом¹⁴²...) как нельзя больше соответствуют развиваемой ниже теме: языкознанию и многоязычию^{323, 329} в структуре «струнного квартета». Предварительно оговоримся: все книги «Феноменологии...», как предшествующие, так и настоящая, совершенно не случайно объединены этим ключевым словом. Из всех угадываемых значений слова «феномен» мы придерживаемся его определения, как «самодовлеюще отличающийся». А понятийно говоря, всяк имеет право высказать свое мнение, даже, что называется, «не в ногу со всеми идти», но при обязательном условии логически и фактологически непротиворечивой аргументации.

Язык человека в контексте «струнного квартета» является весьма специфическим аспектом VRM. В еще большей степени эта специфичность усиливается, если речь ниже пойдет не о родном языке конкретного *h.s.*, что само по себе уже есть категория виртуальной реальности (см. предшествующий параграф), но о дополнительно освоенных им языках, то есть о факторе многоязычия. Таким образом, имеем уже виртуальную реальность «в квадрате». И такие тонкие моменты непременно должны присутствовать в настоящей книге.

Во-первых, многоязычие является выраженным опосредованным, внешним явлением сложного симбиоза аналогового и цифрового мышления.

Во-вторых, с самого начала сознательно-творческой жизни у меня возник инстинктивный протест при чтении или слушании доводов, в кото-

рых похвала кому-то, *как знающему несколько языков*, априорно подразумевала высшую степень развития интеллекта, творческого ума. Вот совсем недавний довод из обмена мнениями с американским профессором, бывшим нашим соотечественником. «Узнав» от меня о существовании... ноосферы, взяв тайм-аут для обдумывания, сообщил следующее: «Никто из моих американских коллег ничего не слышал о ноосфере. Хотя среди них — очень высокообразованные люди, *знающие* по несколько иностранных языков!»

...Комментарии, как говорится, излишни. *No comment* — по-ихнему.

Многоязычие и социум. Мы не склонны особенно задумываться над обыденными вещами, будь то в быту, науке, в собственном *Я*, пока все эти категории характеризуются относительно стабильным развитием. И только надломы, бифуркации и катаклизмы выдвигают на первый план или просто высвечивают это-то самое обыденное, понимаемое ранее как кантовская «вещь в себе». В отношении психической регуляции поведения человека такой лакмусовой бумажкой высвечивания или выявления в наибольшей степени являются социальные катаклизмы. Несчастливая судьба нашего Отечества не позволила в XX веке ни одному поколению прожить без таких катаклизмов. Настигло и нас, ныне живущих...

Проигранная силам мирового зла, или единого мирового правительства, что равнозначно³²⁰, Третья мировая, «холодная» война поставила на колени, сломала хребет последней великой *Империи Духа*, последней автаркии, последнему оплоту и носителю православно-христианской морали и нравственности, общинности и созидательного коллективизма. Трагедия такого масштаба с эффектом «неожиданности» болезненно сказалась на психике людей, аффектировав эмоциональные центры подсознания^{424–444}. Среди множества возникших коллизий мы воочию наблюдаем и, казалось бы, вовсе несвойственные социально-экономическим, политическим, нравственным потрясениям. Тем не менее, вопросы языка и науки о языках — языкознания — имеют выраженный социальный статус. Иногда это выходило даже на государственный, политический уровень. Достаточно напомнить из недавней истории, как яффетическая теория языковеда Марра побудила Иосифа Виссарионовича Сталина написать классическую (в рамках марксизма) работу «Марксизм и вопросы языкознания». Так что вполне можно сомневаться в диссидентском злопыхательстве:

*Товарищ Сталин, вы большой ученый,
В языкознании, безусловно, корифей.
А я простой советский заключенный,
Не коммунист и даже не еврей.*

...Тем более, что Марр — этнический шотландец.

В настоящем параграфе мы, однако, не рассматриваем вопросы этногенетического языкознания, как относительно слабо коррелирующего — растянутого по оси времени — с социальными катаклизмами. Наш интерес — отталкиваясь от социально-экономических потрясений, выявить на уровне соотношения «сознание-бессознательное» зависимость качества мышления человека от параметра «дву- и многоязычия». А проще говоря: вред или пользу приносит человеку на уровнях сомы и сознания его многоязычие? Вопрос этот далеко не праздный; удивительно то, что при тщательном поиске мы вообще не обнаружили даже намеков на исследования подобного рода, не говоря уже о связи с вопросами виртуальной реальности.

«Даже осел, несмотря на свою принадлежность климату других земель, явился у него русским человеком», — это блестящее по своей краткости и образности определение народности басен И. А. Крылова дал в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголь. Басня, как жанр литературы, это прежде всего язык и образ; в отличие от произведений других жанров, сюжет и фабула здесь выполняют только служебную роль. На это прямо указывает канонический набор сюжетов в преемственности Эзоп — Скалигер — Лафонтен — Крылов. Таким образом, если мы хотим определить жанр литературы однозначно как образно-языковой, то, не задумываясь, называем басню. Этот пример наглядно свидетельствует: язык не только семантическая категория, но и во многом смысловой и понятийный носитель национального характера, отображенный на социально-экономическую структуру общества. *«Язык так пугающе близок нашему мышлению и в процессе своего осуществления в столь малой мере является его предметом, что он как бы сам скрывает от нас свое бытие»*, — пишет Х.-Г. Гадамер⁶⁹ (С. 444). Об этом же и свидетельство такого авторитета, как Людвиг Витгенштейн: *«Когда изменяются языковые игры, изменяются и понятия, а вместе с понятиями — и значение слов»* (цит.³²⁹; С. 72.).

В жизнедеятельности человека следует четко различать процессы мышления и процессы восприятия-обработки информации. Мышление и информация всегда составляли необходимый комплекс психики человека, но их «весовое соотношение» непрерывно изменялось в процессе эволюции человечества, особенно на этапе цивилизации и культуры. Кстати, последнее понятие также следует различать, что подтверждает исторический пример США, которые *«пришли в цивилизацию, минув культуру»* (Томас Манн; цит.³²⁹; С. 49).

Согласно предложенной нами¹⁸³ гипотезе, как следует из относительно-сравнительных графиков на рис. 1.8, для предгоминоидов было характерно зачаточное мышление, которое чрезвычайно сильно перевешивала инфор-

мация, правда, в сигнальной форме. По мере продвижения к эпохе *homo sapiens* соотношение выравнивается, причем информация уже не господствует в форме соматической (сигнальной), а все более становится символической, точнее — *символьной*.

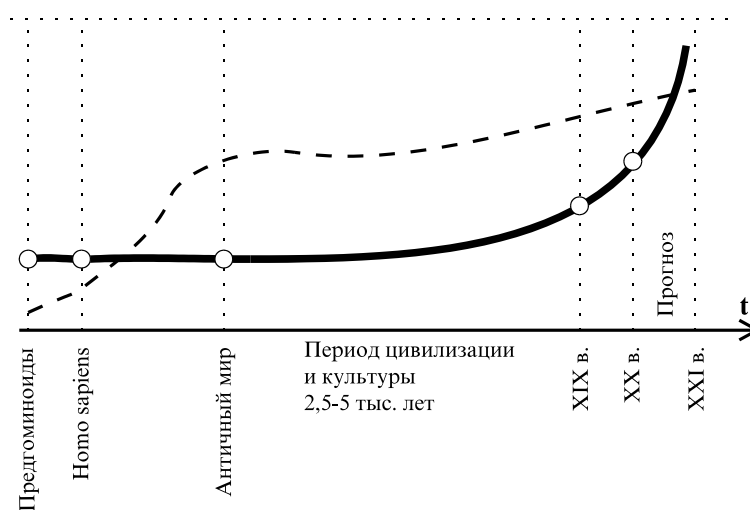

Рис. 1.8. Относительно-сравнительные графики процессов мышления и обработки-восприятия информации человеком: — мышление; - - - информация — именно в смысле «обработки — восприятия»

В исторический период цивилизации и культуры наблюдается значительный подъем мышления при относительном сохранении средств информационного обмена. Возникновение языков, а точнее — языка как категории, имеет прямое отношение к вариабельности процесса мышления (восприятие информации). С одной стороны, язык есть речевое отображение сформировавшегося мышления²¹¹, с другой — необходимое средство информационного обмена. Это основа. Далее идет развитие языка и строительство «вавилонской башни», то есть возникновение феномена многоязычия^{234, 268}.

Противоречивость различных теорий возникновения и расслоения языка не позволяет принять за исходное одно из альтернативных утверждений: а) существовал единый праязык; б) в географически разъединенных зонах обитания человека языки формировались самостоятельно. В пользу первого утверждения убедительно говорит доказанный факт существования индоевропейского праязыка. Не менее убедительно «географическую» тео-

рию подтверждают ныне существующие, «живые», примитивные языки народов Африки, Австралии, Океании. Очевидно, истина лежит где-то посередине. Остается констатировать свершившийся факт исторического этногенеза; с учетом генетических факторов^{229, 232, 233}.

Самое доказательное подтверждение цитированным выше словам Х.-Г. Гадамера⁶⁹ — это наблюдаемый даже в повседневной жизни факт независимости уровня и качества мышления от языка конкретного субъекта. Естественно, с понятной поправкой на уровень развития как отдельного индивидуума, так и этноса, народа, нации, племени *etc.*

Возникает логический вопрос: как соотносится одно- или многоязычие субъекта и его проживание в социуме? Насколько необходимо или полезно знание, помимо родного, другого языка? Ответ опять-таки требует конкретизации исторического,^{234, 252–256} географического^{87, 266, 277}, этнографического^{86–88}, социально-политического²¹⁴ и пр. характеров, что само по себе требует объемной описательной систематизации²⁶⁵. Однако имеется более простой, адекватный по достоверности метод: прослеживание хода исторического развития общества в его регрессе от автаркии^{236–238} до социально-экономической и политической анемии. К сожалению, типичным и наиболее «ярким» примером здесь является наша страна^{122, 123}.

По определению *автаркия* (греч. самоудовлетворение) — политика хозяйственного обособления страны, создание замкнутой, самообеспечивающейся экономики. В новейшей истории сюда же добавляется политический момент: определенная политическая самоизоляция для «малых» стран и асимметрия оси политического воздействия «вовне» для великих стран.

Советский Союз, впервые за тысячелетнюю историю России ставший к середине 50-х годов XX века сверхдержавой, являлся выраженной автаркической империей и оставался таковой до середины 80-х, хотя в области экономической стратегии уже с середины 60-х годов начался губительный процесс пассивной рантьеризации сталинского наследия; начало ее ознаменовалось принятием хозяйственной доктрины хозрасчета, обычно связываемой с именем харьковского профессора В. Либермана; отсюда и термин «либерманизация». Далее речь пойдет о срезе населения, родным языком которого является русский.

В реальном социуме СССР знание иностранного языка требовалось только профессиональное, а точнее — узкопрофессиональное: дипломаты, разведчики, переводчики, преподаватели иностранного языка. За пределами этого небольшого круга (самую большую группу — школьных учителей иностранного языка — трудно заподозрить в реальном двуязычии) знание иностранного языка практически не требовалось. Действительно, в автаркическом государстве разговорный иностранный язык не нужен, ибо обще-

ние с иностранцами сведено к минимуму: крайне малое число иностранцев в стране, невелик поток выезжающих в другие страны.

Язык «слушателя» также был не востребован, ибо для потенциальных слушателей — диссидентствующей интеллигенции и просто любопытных — противостоящая сторона взяла на себя все расходы по подаче негативной информации об СССР и других соцстранах и позитивной о Западе на русском языке: радио, нелегальная печать и пр. Негативное-позитивное в обратном отношении слушателей не интересовало.

Что касается языка слушателя-зрителя — телевидение, искусство, кино, театр, — то в этой сфере также обеспечивался перевод или санкционированная недоступность. Основным аргументом официальной доктрины поддержания изучения иностранных языков являлось утверждение о необходимости *языка читателя*. Однако в действительности это не выдерживало никакой критики. Язык читателя охватывает укрупненно три сферы: газетную, литературно-художественную и отраслевую: научную, техническую и пр. Газетно-журнальная продукция в стране на иностранных языках была крайне ограничена в номенклатуре и по своей направленности не интересовала диссидентствующую интеллигенцию. Художественная литература — классическая и современная — в полном объеме обеспечивалась высококлассными переводами, причем из современной литературы переводилось почти все, отмеченное художественным вкусом. Поток низкопробной литературы сдерживался на государственном уровне. Кроме того, высокохудожественная классическая и современная литература на русском языке была доминирующей в читательском спросе.

Относительно отраслевой литературы можно утверждать следующее. Характерная для СССР высокоразвитая наука, техника, образование и так далее в полном объеме всех отраслей знания на 70—80 % обеспечивала потребность пользователей в соответствующей литературе на русском языке. Оставшиеся 20—30 % потребности обеспечивались большим объемом переводной литературы. Для оперативного пользования иностранной журнальной литературой на предприятиях и в организациях функционировала разветвленная сеть служб оперативного перевода. Учитывая, что практически вся зарубежная научно-техническая информация публикуется на английском языке, практически любой квалифицированный в своей отрасли знания научный работник и инженер могли понять смысл текста, не зная языка, но обладая терминологическим минимумом: примерно по 300 слов специальной терминологии и общей лексики.

Таким образом, для экономически высокоразвитой автаркии нет стимула и необходимости сколь-либо массового знания иностранного языка. Кроме того, поскольку русский язык являлся языком межнационального общения,

то не возникало и вопроса в части изучения и знания национального языка русскими, проживающими в автономных и союзных республиках, особенно учитывая тот факт, что в автономиях население с родным русским языком составляло большинство, часто преобладающее, а в союзных республиках оно составляло либо большинство, либо проживало компактно.

В соответствии с таким (реальным) положением, тенденции в массовом изучении иностранных языков прослеживались следующие:

— официальной педагогической и научно-образовательной доктриной считалось обязательным изучение языка, как необходимого элемента образования, культуры, научного обихода и т.п.;

— реальный практический («неписанный») довод в пользу изучения языка, понимая его не востребованность, жидился на общепользующей тренировке памяти и развитии логики мышления;

— для ученых и специалистов реальная польза представлялась как умение «просматривать» иностранную литературу по специальности на уровне понимания заглавий и смысла текста, поясненного чертежами, формулами и графиками, а также как адаптация к научной и технической терминологии.

Исходя из названных тенденций и строилась реальная (не декларируемая) система массового преподавания иностранных языков: в школе, в ВУЗах, при подготовке к сдаче кандидатских экзаменов и пр. То есть здесь не надо ломать копыя, обвиняя пресловутую «систему»; все дело в реальном понимании отнюдь не глупых людей сложившейся ситуации. Не имеет смысла пояснять хорошо все помнящим людям, как это выглядело на практике. Проведем лишь типичный, один из многих, пример. Преподавание в школе, а в основе своей и в ВУЗах, в самый расцвет отечественного образования в 50—80-х гг. — это действительно был период мирового педагогического приоритета СССР — немецкого языка базировалось на изучении словарного запаса, лексики и терминологии классического языка Гёте-Шиллера, то есть в основе своей средневерхненемецкого наречия. На таком языке во второй половине XX в. говорила только одна группа этнических немцев, а именно — поволжские немцы, перемещенные, в основном, на восток страны в годы войны. На таком языке, почти архетипе, печаталась известная нам по школьным годам казахстанская «*Neues Leben*». К этому времени «живой» немецкий язык в ФРГ, Австрии и Швейцарии, в меньшей степени в ГДР, ввиду усиленной американизации последних, отличался по словарю в такой же степени, как современный русский — до его нынешней американизации — даже не от языка XVIII века, а от языка Киевской Руси.

Положение в корне меняется при отходе государства от автаркического принципа развития. Проигранная Советским Союзом Третья мировая («хо-

лодная») война привела к разрушению государства внешними и внутренними («агентами влияния») противниками. Стране был навязан курс полного отказа от автаркии и асимметричной интеграции с Западом. Поскольку предание свежо и у всех на слуху и на глазах, отметим только лишь языковые следствия произошедших перемен (в соотнесении с рис. 1.9):

— на территории современного центрального государственного образования, Российская Федерация, выявилось практическое моноязычие; эту картину лишь слабо оттеняют районы Северного Кавказа и Поволжья;

— во всех сферах общения, а целенаправленно в прессе, на радио и телевидении наблюдается выраженная, агрессивная американизация русского языка. Для примера остановимся на одном частном случае, а именно: частоте употребления слова «*проблема*». Ранее это слово использовалось преимущественно в научной лексике: проблемы Гильберта, проблема времени и пр. В лексике общего пользования оно встречалось достаточно редко, чаще — с ироническим оттенком. Американизация русского языка сделало это слово подлинным паразитом обыденной речи, вызвавшим к жизни такие шедевры. По телевидению идет голливудская версия «Анны Карениной»; дублирующий голос следующим образом передает текст Л. Н. Толстого: «...Вронский уехал. У него проблемы в Кашине». Совсем уж грустно от наклеенного на заборе объявления некой частной «фирмы»: «...А также, если у вас мужские проблемы, приходите к нам, и мы без проблем решим самые сложные проблемы». — Это прямо для книги Л. Вейнингера⁴⁵. Все дело в том, что американский диалект английского языка лексически чрезвычайно беден (рационален); той же злополучной «проблеме» в русском языке соответствуют около двух десятков синонимов, имеющих самостоятельную семантическую окраску. Причин же, по которым это слово стало паразитом в современном русском языке, две: а) скорее всего санкционированная возросшая частота употребления в средствах массовой информации; б) естественная склонность человека к «опрошению», если его к этому подстегивать; то есть обычная человеческая лень;

На фоне всех этих явлений изменились государственно-санкционированное и обыденное отношения к изучению иностранных языков, в основном — английского, а точнее — его американского диалекта. Потребовалось большое число знающих язык, как на профессиональном уровне, так и на разговорно-бытовом. То есть сложилась ситуация (ее начало), хорошо известная по многим другим странам Латинской Америки, Азии и Африки при их включении в политико-экономический ареал влияния англоязычного мира.

— общий упадок культуры речи, то есть, согласно структуре формирования языка (рис. 1.9), резкое усиление нижних его составляющих.

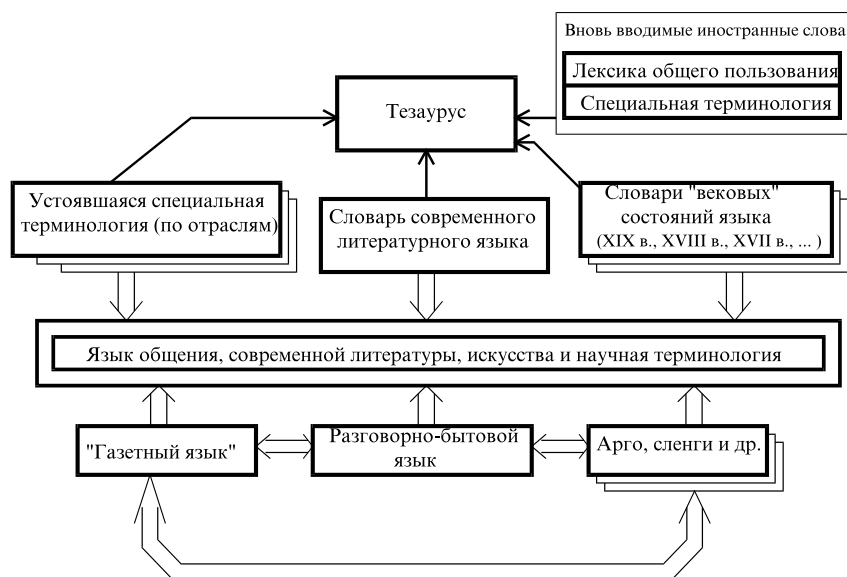

Рис. 1.9. Структура формирования языка в динамике его развития

Онтологический и герменевтический подходы в языкознании. Основным теоретическим «рабочим инструментом» при исследовании тех или иных аспектов языкознания являются базовые положения *онтологии*²⁶¹ и *герменевтики*⁶⁹. Напомним, что онтология [гр. *on (ontos)* сущее + ...логия] есть раздел философии, учение о бытии, трактуемое в единстве с теорией познания и логикой^{284–287}; это определение принято в диалектическом материализме¹⁷³. Заметим, что в философии позитивизма, неокантианства и ряда других буржуазных философских течений онтология, напротив, противопоставляется теории познания и логике. Особенно это относится к философии и этике утилитаризма¹⁷⁹, ныне главенствующим в западном обществе потребления, то есть руководствующегося традициями протестантизма. Точнее — кальвинизма. Как акцентирует Мартин Лютер¹⁴²: «В этой молитве мы просим Отца небесного избавить нас от всякого зла, телесного и душевного, и от всякого ущерба и муществу...» (С. 19; выделено нами — А. Я.).

Представителями обоих главных философских направлений немало сломано копий по данному вопросу, но самоочевидно напрашивается вывод: разграничивать онтологию и теорию познания чисто механически —

это схоластика; по-видимому, и довод о противопоставлении есть не до конца осознанное действие, точнее — *макродействие* основополагающих законов диалектики. Надо также помнить, что в наиболее объективную философию диалектического материализма марксизм^{150, 151, 173} внес как позитивные, так и негативные инвективы, в частности, можно понять высказывание на XVI Всемирном философском конгрессе последователя Гадамера — А. Димера: «Задача философии — не изменять, но только интерпретировать мир». (цит.³²⁹; С. 55).

Герменевтика [гр. *hermeneutike*] — есть философское направление, относящееся к теории понимания и интерпретации текстов, исторических памятников и феноменов культуры. Второе принятое определение: истолковательное искусство, традиции и способы толкования многоязычных или не поддающихся уточнению текстов. Согласно Х.-Г. Гадамеру⁶⁹, ведущему представителю современной *герменевтической философии*, связь термина с именем *Гермеса* акцентирует тот момент, что в древнегреческой философии Гермес был посредником между богами Олимпа и смертными людьми; именно он истолковывал людям повеления богов, а богам доносил их просьбы. С античных и до наших времен предмет герменевтики расширился, пройдя путь от первоначального искусства толкования изречений оракулов, древних текстов, знаков и *смысла чужого языка*; далее (в Средневековье) толкования сочинений отцов церкви¹⁴⁸ — до вполне самостоятельной отрасли философской науки. Оформление философской герменевтики связано с именами ее основоположников Ф. Шлейермахера и В. Дильтея (вторая половина XIX в.)⁶⁹; последнее на сегодняшний день слово здесь сказано Хансом-Георгом Гадамером⁶⁹. Будучи по своим воззрениям неопозитивистом, Гадамер полагает, что герменевтика является универсальной философией нашего времени, призванной дать ответ на основополагающий философский вопрос о том, как возможно постижение окружающего мира и как в этом понимании воплощается истина бытия. Таким образом, герменевтическая философия, по Гадамеру, ассоциируется с самосознанием человека в современную эпоху научного и технотронного торжества.

Объединяя онтологический и герменевтический подходы, получаем, как нам думается, достаточно универсальный системный философский инструмент для научного анализа, в том числе и особенно для анализа в области языкознания. Действительно, здесь наблюдается иерархическая соподчиненность «от общего к частному», что и характеризует действенный инструмент анализа: онтологический подход — глобальный философский и дает *целеуказание* на разработку методологии; герменевтический (философский) подход — «служебная» или рабочая философия, являющаяся *основанием* для разработки методологии анализа и исследования.

На первый взгляд может показаться, что это неоправданное методологическое усложнение, но это не так, ибо сам предмет нашего рассмотрения неоднозначен. Речь идет не о классических разделах языкознания — гуманитарной отрасли знания, сочетающей методы филологии, истории, этнографии и ряда вспомогательных дисциплин, а о более сложном понятии, которое условно можно определить термином «психофизиологическая и биологическая лингвистика»^{20, 156, 160, 175, 194, 195}.

И еще одно замечание методологического характера. Нет большего врага для исследователя, чем спекулятивный (в философском понятии этого слова) метод, то есть метод, базирующийся на собственных исходных посылах. Оно, конечно, нет большего удовольствия для игривого ума, чем строить волшебную картину самосогласованной философии; это нечто вроде фрейдистского *Vorlust* (предудовольствия), чистейшая разновидность софизма, о сущности которого (в своих терминах) хорошо сказал Мартин Лютер¹⁷¹: *«Итак, христианину прежде всего необходимо и спасительно знать, что Бог ничего не предвидит по необходимости, а знает все, располагает и совершает по неизменной, вечной и непогрешимой Своей воле. Эта молния поражает и начисто испепеляет свободную волю; поэтому те, которые собираются утверждать существование свободной воли, должны отрицать существование этой молнии, или доказать, что она не есть она, или избавиться от нее еще каким-либо способом»* (С. 308).

Базовые законы формирования языка с позиций классического языкознания. Классическое языкознание, кроме описательной части, исследует рефлексологические и физиологические основы^{269, 280, 291} языка и речи в контексте эволюционного развития *homo sapiens*. Это понятный и хорошо объяснимый ход мышления^{239, 251, 288, 315}.

Так, Э. Б. Тэйлор (в современной, «американизированной», транслитерации Э. Б. Тайлор) исходит из концепции эмоционального и подражательного языка; основная его посылка звучит следующим образом²⁶¹: *«Сравнительная грамматика и словари рас, стоящих на различных ступенях цивилизации, оказывается, что в великом искусстве речи образованный человек в настоящее время, в сущности, употребляет тот же метод дикаря, только расширенный и усовершенствованный в выработке деталей»* (С. 143).

Леви-Брюль¹⁴⁹ исходит из антитезы, что-де различным типам мышления должны были бы соответствовать и различные по своей структуре языки. Однако это предполагает «стерильную» несмешиваемость отдельных обществ и социальных групп, характеризующихся собственным типом мышления, чего нельзя предположить, учитывая тот исторический «плави́льный котел», через который в процессе эволюции прошли даже обитатели удаленных островов и природно изолированных от мира горных кот-

ловин или непроходимых джунглей. Вывод Леви-Брюля, в общем-то, повторяет доводы Тэйлора¹⁴⁹: *«Наконец, структура тех языков, которые встречаются в низших обществах, выражает одновременно и то, что отличает их умственные навыки от наших, и общее в наших языках. Термин «пра-логический», как мы видели, вовсе не значит «анти-логический». Никак нельзя наперед сказать, что для этих языков должны существовать особые грамматики, имеющие специфические отличия от нашей»* (С. 114).

А. Ф. Лосев, ассоциируя *Имя* и *Язык*, исходит из метафизического начала³⁵⁷: *«Имя есть орудие с м ы с л о в о г о* (выд. авт.— А. Я.) общения, общения в разуме, в сознании, а не вещественного, не телесного, не материального общения» (С. 816).

Таким образом, в интересующем нас аспекте можно сделать следующие выводы из положений классического языкознания:

- остается спорной теория единого и даже континентального языков;
- законы формирования и развития различных языков подчиняются единой методологии, которая, по всей видимости, изначально заложена в эволюционном информационном коде *homo sapiens*;
- в соотношении типа мышления и структуры языка нет однозначности, скорее — некая усредненность; адекватное соответствие имело, по всей видимости, место только на первоначальных этапах эволюции человека говорящего, либо на более поздних — в некоторых изолированных (островных) сообществах;
- с позиций философской герменевтики язык есть инструмент смыслового общения, то есть язык — «орудие мысли».

При всей значимости и фундаментальности этих выводов методы классического языкознания не позволяют оценить особенности многоязычия, поэтому, сочетая онтологический и герменевтический подходы, ниже выработана концепция психофизической и биологической лингвистики; дополнением к последней может служить уже апробированный подход лингвистической генетики. Понятно, что и фундаментальный аспект пространства-времени должен, хотя бы и неакцентируясь, учитываться^{13, 66, 67, 219, 220, 260, 262}.

Многоязычие с точки зрения психофизиологической и биологической лингвистики. Поскольку язык является орудием мышления, то его, как и само мышление, можно и нужно рассматривать как биопсихосоциальный феномен и тесно увязывать с творческой подоплекой мышления, ибо мышление носит творческий характер, как то следует из психологического анализа лежащих в основе его процессов и мотиваций. Это опять-таки следует из онтологии; Фридрих Энгельс писал: *«Законы мышления и законы природы необходимо согласуются между собой, если только они надлежащим образом познаны»* (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 20, С. 539—540).

Если укрупненно окинуть взглядом биогеохимическую эволюцию Земли^{47–49, 59, 193}, то развитие жизни можно уложить в прокрустово ложе двух тезисов: а) способность к самовоспроизведению, обусловленная возникновением на *предбиотическом* этапе развития Земли независимо друг от друга протеинов и нуклеиновых кислот; б) вытекающая из закона единства и борьбы противоположностей системная функция: появление нового качества при взаимодействии двух независимо возникающих систем; первый шаг здесь — взаимодействие протеинов и нуклеиновых кислот.

Обмен веществ между клеткой и средой породил механизм гомеостатической регуляции. На более высоком уровне системной сложности формируются органы чувств и нервная система для информационного обмена и регуляции движений, соответственно. Поскольку структура белковых соединений позволяет сохранять информацию, то при взаимодействии нейросистемы и системы переработки сенсорной информации возникает мотивация.

Этот же последовательный механизм создания качественно новых систем повторяется на всех более высоких ступенях эволюционного развития. На уровне памяти^{342–421} и мышления самообразующими являются емкость нейронов и нейронных сетей. В эволюционный период возникновения общественных форм жизни также диалектически обусловлено *возникает язык*. Основные этапы его возникновения: классификация объектов по ревалентным поведению признакам; развитие практики сенсомоторной деятельности; дифференциация звуковых сигналов — для понимания в конкретной ситуации; наконец, с развитием общественного разделения труда *понятийные образования начинают получать специфические обозначения*. Так возникает язык, причем первоначально в памяти раздельно функционируют понятийные (когнитивные) и звуковые (коммуникативные) системы, далее они вступают во взаимодействие и образуют новое качество психических процессов, адекватных возникновению языка. Таким образом, устанавливается окончательная неразрывность языка и мышления.

Зададимся теперь вопросом, исходя из рассмотренных выше положений психофизиологической лингвистики: если мышление каждого индивидуума, складывающееся генетически и фенотипически, есть однозначно определяемый универсум (исключая, конечно, шизофреническую патологию), то как оно соотносится с многоязычием данного индивидуума? Частичный ответ дает приведенное выше соображение Леви-Брюля¹⁴⁹ об эволюционном сложении типов мышления; отталкиваясь от этого, можно утверждать (инверсивно), что и для индивидуального мышления характерно если не «смешение языков», то некая, эволюционно возникшая способность выражать свои мысли на нескольких языках. Следующий вопрос — основной в контексте настоящей работы, — как соотносятся с точки зрения

психофизиологической и биологической лингвистики механизмы родного и чужого языка у индивидуума?

Один из фундаментальных принципов построения и функционирования сложных систем в природе есть принцип *симметрии*, причем собственно симметрия дополняется (до системы) *диссимметрией* и *антисимметрией*³⁰⁵ (см. также выше в главе).

С этой точки зрения человеческий организм построен на основе «вложенной» симметрии-несимметрии, один из основных вариантов которой суть сочетание физической симметрии какого-либо органа с несимметрией механизма его функционирования. Это относится и к мозгу человека; физическая симметрия, точнее — квазисимметрия полушарий мозга сочетается с их функциональной асимметрией. Напомним хорошо известную в истории медицины операцию на пациенте с эпилептической патологией, когда рассечение соединительной нервной ткани между полушариями практически выявило функциональную асимметрию мозга, самостоятельность работы его полушарий, обеспечивающую функциональную специализацию органов чувств человека. Роль же соединительной нервной ткани сводится к своего рода синхронизации работы мозга как единого целого.

Надо заметить, что функциональная дифференциация в зачаточном состоянии характерна и для животных, но ее наиболее полное развитие — только результат эволюции *homo sapiens*.

Правое, дивергентное полушарие с информационной точки зрения является своего рода первичным приемником сигналов, который после «входной» обработки передает информацию в левое полушарие — своего рода банк данных. Возврат информации в правое полушарие происходит уже в виде образов, скорее всего, голограмм. Такой механизм позволяет утверждать³²⁹, что у двуязычных людей за родной язык «несет ответственность» правое полушарие, а за иностранный — левое. Это дает возможность сделать *первый предварительный вывод*: поскольку очевидным и доказанным является тот факт, что правое полушарие, с точки зрения психологии и логики мышления, вносит наибольший вклад в творческую, интуитивную, синтезирующую сторону деятельности человека, а левое — в констатирующую, логически анализирующую, консервативно-фактологическую, то мышление на *неродном* языке в значительной степени снижает творческую доминанту человека и усиливает формальную. Исследователи межличностного общения вводят определение правополушарного и левополушарного языков как *аналогового* и *цифрового*. «Естественный национальный язык представляет собой удачное сочетание цифровой и аналоговой составляющих, где, наряду с правилами, существуют исключения из правил, где синонимы, по существу, не являются таковыми, а представля-

ют собой тонкие, трудноуловимые нюансы, чем пользуются писатели, делая литературный язык художественным. Возможность говорить и не договаривать, подразумевать, делая речь двусмысленной,— чисто человеческая привилегия и возможность».*

Но это все полбеды, в конце концов, размышлять можно и на родном языке, а выводы транслировать на иностранном. Однако мозг человека есть сложная коммуникативно-информационная система со строгой синхронизацией работы полушарий, а главное — со сложной системой положительных и отрицательных обратных связей (ПОС и ООС). Одной из основных функций ПОС и ООС является своего рода «уравнивание» мощностей полушарий (не функций!), поэтому можно сделать *второй предварительный вывод: regula veri* (правило истины) неизбежно заставляет полагать, что наличие глубоких ПОС и ООС между полушариями мозга обеспечивает вариабельность функционального усиления того или иного полушария в течение человеческой жизни, а в отношении языка — родного и неродного — это означает определенную корреляцию, то есть частично формальное функционирование «левополушарного» неродного языка переносится на «правополушарный» родной язык и тем самым инверсивно снижает творческое, синтезирующее и образное начало мышления.

Классическим примером (творческой) вариабельности является Лев Толстой^{225, 329} с его все учащающимися к старости чередованиями европозитивных и эвронегативных периодов творчества.

Что касается снижения творческой потенции у двуязычных, то этот вопрос требует более глубокого изучения и экспериментальной проверки. Однако подтверждением правоты данного суждения являются некоторые попутные результаты многочисленных тестирований, проводимых в США и других странах; например, отмечена стабильная тенденция к нивелировке интеллектуального уровня и снижению творческой потенции у двуязычных различных социальных и этнических групп (анализ по опубликованным материалам тестирований выполнен М. Е. Ваннахом; см.³²⁹). Однако еще раз повторимся: для утверждения констатации этого факта необходим обширный набор статистических данных. Многое может подсказать и житейская практика межличностного общения. Немаловажным является и то, что профессиональным заболеванием синхронных переводчиков, то есть реально двуязычных, является атеросклероз сосудов головного мозга, часто заканчивающийся инсультом. По всей вероятности, это реакция организма на нарушение естественных норм баланса между полушариями мозга.

Понятно, что все приведенные рассуждения и доводы относятся к мас-

* Воробьев Г. Н. Твоя информационная культура.— М.: Молодая гвардия, 1988.— С. 33.

совому среднестатистическому анализу индивидуумов. То есть наличие исключений, которые, как известно, подтверждают правило, несомненно. Особенности лево-правополушарной организации и конкретной структуры соединительной ткани отдельных людей (врожденные, травмообусловленные и пр.) дают эффект «равноправия» родного и неродного языка с точки зрения психофизиологической и биологической организации. Как правило, такие люди обладают и определенными лингвистическими способностями. Достаточно вспомнить выдающегося советского лингвиста *Е. Полеванова* (в мае месяце 1996 года в Смоленске проводились Третьи международные Полевановские чтения), в совершенстве знавшего несколько десятков европейских и азиатских языков и их диалектов, причем для изучения языка ему требовалось несколько дней: он приезжал в аул или на стоянку кочевников и через 5—6 дней уже свободно говорил на языке или диалекте местных жителей. Второй пример — из личного общения автора — сотрудник СО АН СССР (г. Новосибирск) *А. А. Переберин*, тяжело травмированный на фронте во время Великой Отечественной войны. Он знал свыше пятидесяти, в основном редких афро-азиатских, языков. Причем для изучения языка с возможностью прямого и обратного перевода ему требовалось не больше недели. Языки он изучал с позиций «прагматизма» — по служебному заданию руководства того или иного института Сибирского отделения АН СССР. Перечисление таких примеров можно продолжить.

Многоязычие как «двойная виртуальная реальность»: Резюме. Исследуя различные аспекты многоязычия при наличии базового, родного языка, мы пришли к двум — и совершенно удивительным выводам.

Во-первых, как выяснилось, изучение другого (других) языков *более вредно, нежели полезно для всех аспектов жизнедеятельности*. Это явно диссонирует с общепринятым, «сто процентно», что называется, общественным и научным мнением о безусловной пользе изучения иностранных языков: от пользы утилитарной до стимулирования процессов мышления и совершенствования памяти. Это настолько неожиданно, что у читателя может шевельнуться мысль о неизбывном неконформизме автора (см. содержание его художественных книг^{321, 422–444})... Особенно учитывая, что в настоящее время в России, странах СНГ и бывшей социалистической Европы изучение иностранных языков, в основном американского диалекта английского языка, поставлено в число приоритетов. Поскольку же всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд, что хорошо было известно уже философам древности, то здесь в качестве примера можно привести казус наших дней: бывший президент Якутии своим указом повелел всем своим подданным на государственный счет изучить английский... Что ж, без английского алмазы и золото добывать несподручно; тем более — вос-

питывать стада оленей. Понятно, что за такими архиважными делами расчистка Лены от топляка была отодвинута на задний план, за что и поплатились своими домами «англоязычные» жители города Ленска. Воистину, в чудесные времена мы живем!

И другой акцент на ту же тему, извиняемся, повторимся: высшей степенью похвалы — в прессе и в быту — считается отметить, что имя-рек такой-то (полководец, дипломат, ученый, писатель...) знал три-четыре-пять... языков. Но только не поясняется: лучше ли от этого побеждал фельдмаршал, много ли выиграл дипломатических боев посол N , на полную ли отдачу творили ученый и писатель, занятые в языковом совершенствовании?

Для целей нашего исследования более важен второй вывод: о связи многоязычия и виртуальной реальности. Здесь мы (впервые) сталкиваемся с понятием двойной виртуальной реальности.

Действительно, из материала предыдущего содержания параграфа следует, что по отношению к объекту-мышлению язык уже сам по себе относится к категории виртуальной реальности: $|VR\rangle \Rightarrow [\text{МЫШЛЕНИЕ}] \Rightarrow [\text{ЯЗЫК}]$. Это совпадает и с принятым определением языка как *посредника*. Но чужой, иностранный язык точно также является посредником, то есть виртуальной реальностью по отношению к родному языку: $|VR\rangle \Rightarrow [\text{родной язык}] \Rightarrow [\text{чужой ЯЗЫК}]$.

Таким образом, в обобщенном процессе действуют два оператора виртуальной реальности $|VR\rangle$, что и есть двойная виртуальная реальность: $|VR\rangle \Rightarrow [\text{МЫШЛЕНИЕ}] \Rightarrow |VR\rangle \Rightarrow [\text{родной язык}] \Rightarrow [\text{чужой ЯЗЫК}]$.

Заметим, что ситуация двойной виртуальной реальности в определенной ситуации, в основном социально-экономической и политической, может возникать и в рамках родного языка.— Это в том случае, когда доселе родной, историко-эволюционно сложившийся язык подвергается искусственной трансформации. Примером тому в истории много, но ограничимся двумя, наиболее значимыми для нас.

Близкий пример, находящийся сейчас в стадии развития: русский язык современной России, для которого характерно агрессивное вторжение — инициируемое масс-медиа — англоязычной терминологии, варваризмов, арго — от воровского до жаргонов «эстрадников-лабухов» и половых извращенцев, лицемерно именуемых лицами с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Этот процесс наиболее болезненно, то есть как двойная виртуальная реальность, воспринимается людьми, воспитанными на нормативном русском языке, то есть получившими воспитание и образование до начала 90-х годов минувшего века.

Другой пример еще более характерен и длится уже свыше ста лет. Это злободневный и сейчас вопрос о структуре украинского языка.

Дело в том, что если сравнивать современный украинский язык, принятый в качестве государственного на Украине, и — не столь уж далекий от нашего времени — язык «Кобзаря» Т. Г. Шевченко, то есть разговорный язык правобережной Украины XIX века, то находишь между ними существенную разницу, особенно в словаре.

Действительно, разговорный украинский язык в той же Полтавской или Хмельницкой области, а тем более в XIX веке, русскоговорящим — не будем использовать двусмысленный термин «русскоязычный» — человеком воспринимался так же, как и южный русский говор: воронежский, белгородский, донской и пр.: как в части грамматики, так и словаря. Отсюда и принятое до революции название: малороссийское наречие.

Однако к концу XIX — началу XX вв. на Украине, в основном в Западной и в Киеве (в кругах интеллигенции), отмечается выраженное националистическое течение, скорее всего инспирированное Австро-Венгрией. Очень четко определил его суть и содержание в части языковых устремлений этого течения известный русский публицист Михаил Меньшиков в статье, посвященной состоявшейся 27 февраля (ст. стиль) 1914 года в Киеве демонстрации под лозунгом выхода Украины (Малороссии) из состава Российской империи и перехода «самостийной» под протекторат империи Австро-Венгерской: «...Мало того, Академия наук пыталась узаконить искусственный, нарочно сочиненный Грушевским язык будущего украинского государства под короной Габсбурга»^{*}.

Грушевский же, украинский историк и литератор, действительно, создал новый язык, то есть оставил прежнюю базовую грамматику, ввел в алфавит (раньше русского вполне хватало) несколько новых букв, в частности, Є и ї, но главное — коренным образом «переработал» словарный запас, введя или заменив прежде бывшие слова новыми: польскими и немецкими по преимуществу. Вот оттуда-то и имеем нечто, ранее поражавшее всех, кто приезжал в Киев или Харьков — типа «Готель Жовтень», то есть «Гостиница Октябрьская». Вот уж поистине «готель» чисто украинское слово! А вовсе не от названия известной гостиницы в парижском Булонском лесу произошло...

То есть, как следует из приведенных примеров, кроме всех своих качеств виртуальная реальность есть и мощный инструмент в руках политиков. Впрочем, к этому мы еще вернемся в рамках настоящего исследования.

^{*} Меньшиков М. Могильщикам России // Молодая гвардия. — 2002. - № 1. — С. 243—248.

И еще одно уточнение: как и «обычная» реальность с оператором $|VR\rangle$, так и двойная с $|VR\rangle|VR\rangle$ имеет свойство временной неэквидистантности, то есть с течением времени виртуальная реальность переходит в «обычную» реальность, что соответствует вырождению двойного оператора в единичный: $|VR\rangle|VR\rangle \xrightarrow{t} |VR\rangle$. То есть и украинцы уже почти полагают язык Грушевского истинным и исторически сложившимся, тем более, что сейчас большинство населения этого государства знакомятся со своим государственным языком... впервые в жизни.

Сложнее с нами, которым в России: станет ли разговорной нормой голубой язык педерастов, блатное аргю из песенок (покойного) Миши Круга или суконо-цинковая терминология уже глобализировавшихся чиновников и банковских клерков?

Моделирование многоязычия и логический анализ. Из сказанного выше справедлива

Теорема 1.2. *Исходя из общесистемных положений дополнения симметрии диссимметрией и антисимметрией³⁰⁵ в части функционирования мозга h.s., как сочетания физической симметрии полушария с несимметрией базовых их функций мышления, можно утверждать, что в ситуации двуязычия (многоязычия) отдельного h.s. присутствует вероятность «обнуления» акта мышления из-за его (одновременного) оформления словесного образа на разных языках, что, в свою очередь, означает фактор преобладания цифрового мышления над аналоговым.*

Доказательство. Как и в предыдущем рассмотрении акцентируемых материалов главы, доказательство разделяем на модельный эксперимент и выработку адекватных логических утверждений.

Схема модельного эксперимента приведена на рис. 1.10. Как и в схеме на рис. 1.5, реальные паттерны СГ ЭВМ, материализующие мыслительный акт, в 0-м приближении заменяем гармоническими ЭМВ $[\bar{E}, \bar{H}]_{\text{пи}}$ и $[\bar{E}, \bar{H}]_{\text{ар}}$, которым соответствуют спектры $S_{\text{пи}}(\omega_{\text{пи}})$ и $S_{\text{ар}}(\omega_{\text{ар}})$. Используем ту же, что и на схеме рис. 1.5, символику: «пи» — полезная информация; «пат» — полезный аттрактор (1.10); символ «ар» суть антирезонанс.

Представим в модельной схеме резонансное излучение $[\bar{E}, \bar{H}]_{\text{пи}}$ со спектром $S_{\text{пи}}(\omega_{\text{пи}})$, как сопровождающее акт мышления на *родном языке*, а антирезонансное излучение $[\bar{E}, \bar{H}]_{\text{ар}}$ — адекватный («параллельный») акт мышления на *иностранном для него языке*, например, английском в приня-

той сейчас «американизации» во всемирном употреблении этого языка. Конкретизируем (сузим) условия эксперимента: исследуемый *h.s.* одинаково хорошо владеет обоими языками, причем каждым — когнитивно и ассоциативно существующей разговорной и смысловой практике. То есть, это не описанная выше ситуация чтения «*Neues Leben*» во второй половине XX века на средневерхненемецком языке... Например, смысл сужения условий эксперимента понятен. Также, по аналогии со схемой на рис. В.1, понятно и назначение функции управляемой перестройки антирезонансного генератора ЭМИ: $\text{var}[f_{AP}; S_{AP}(\omega)]$.

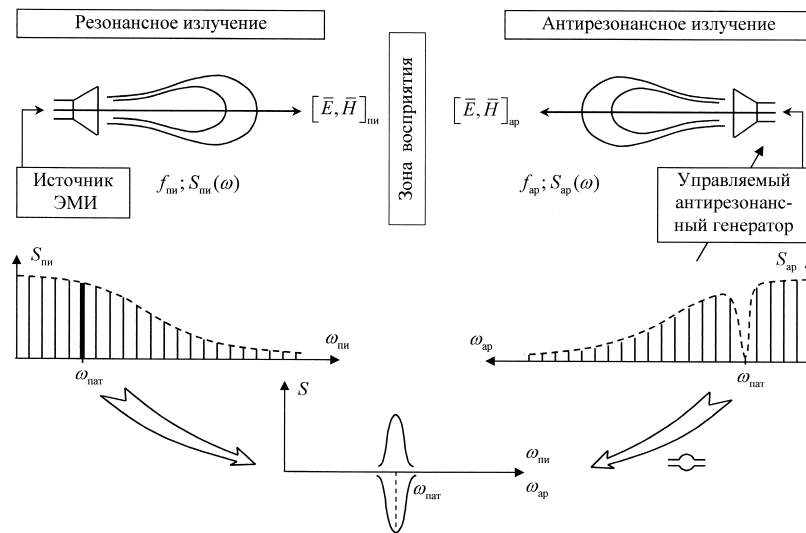

Рис. 1.10. Модельная радиофизическая схема к доказательству теоремы 1.2

Допустим, что полезный аттрактор ω_{nat} при акте мышления на родном, русском языке акцентирован на слове «дело» при чтении человеком сугубо современной формации, тем же офисным клерком, случайно попавшей на его глаза фразы, например, из издания четвертьвековой давности: «...Значимым *делом* руководства предприятия является воспитание у работников завода чувства бескорыстия при участии в традиционных субботниках». Но здесь по какой-то причине ППЧ-фактор уступает место ЛПЧ-фактору: в соответствующем переводе этой фразы на современный англо-американский аттрактор *дело*, естественно, заменяется аттрактором

business, но, ввиду полного отсутствия смыслового содержания всей фразы на английском из-за взаимного отрицания слов *business* и *бескорыстие*, аттрактор $\omega_{\text{пат}}$ в спектре $S_{AP}(\omega_{AP})$ становится антирезонирующим по отношению к аттрактору $\omega_{\text{пат}}$ в спектре $S_{\text{ПИ}}(\omega_{\text{ПИ}})$, что схематично показано на нижней эпюре $S(\omega_{\text{ПИ}}; \omega_{AP})$ рис. 1.10. Происходит электромагнитная аннигиляция $S(\omega_{\text{ПАТ}}) = 0$, что для акта мышления означает потерю смысла.

...В контексте всего сказанного выше в параграфе*, это и подтверждает несколько «неудобные» для общего (масс-медиа) мнения о пользе многоязычия тезисы... Все это напрямую иллюстрирует опосредованные, внешние явления в соотношении аналогового и цифрового мышления.

Что касается логического анализа содержания теоремы 1.2, то, во-первых, следует учитывать определенную выше адекватность моделирования в рамках логики; во-вторых, соответствующий логический анализ соотносится с фактором *многозначности языковых выражений*¹⁰⁶.

В приведенном выше примере у слов «дело» в русской языковой практике и «бизнес» — в англо-американской, при совершенно адекватной переводной значимости этих слов, понятийный смысл совершенно различен. Русское «дело» конкретизировано во всех его семантических значениях — от глагола «делать»: плохое дело, хорошее дело, дело в смысле «трудовое дело» и так далее вплоть до арго «шить дело».

Англо-американское же слово «бизнес», впрочем сейчас и в «новорусском», имеет одну выраженную семантику: иметь доход, деньги, независимо от их источника: что бы там не имели в виду СМИ и пр., бесконечно употребляя это слово...

Таким образом, из модели на рис. 1.10 и из обычной языковой практики *h.s.* ясно: многозначность языковых выражений, что есть следствие не только многоязычия, но, говоря шире, и вообще нарушения баланса между аналоговым и цифровым мышлением, есть фактор негативный. Приведем соответствующую цитату из книги А. А. Зиновьева¹⁰⁶: «Общезвестно, какую негативную роль играет многозначность языковых выражений... И сложность борьбы с ней состоит в том, что она не всегда заметна, а порой обнаружение ее требует тщательного анализа. Во-первых, множество предметов, обозначаемых данными терминами, могут почти совпадать, так что их незначительное несовпадение вообще не принима-

* С нашими веселыми СМИ за примерами и ходить далеко не надо. Сегодня поутру 30 марта 2013-го года объявили: генералиссимус Ким Чен Ын объявил войну КНДР против Южной Кореи. Заодно и что-то похожее в отношении США. Но к обеду скороговоркой «дали отбой»: дескать, произошла ошибка в переводе с корейского...

ется во внимание (хотя именно оно-то и может сыграть роковую роль). Во-вторых, возможно, что множество предметов может предполагать одно и то же, но обозначающие их термины вводятся в употребление различными способами, так что из них естественно получаются различные следствия» (С. 386).

...Сказанное в полной мере (логически) определяет сущность и правоту описанного выше эксперимента.

В содержании теоремы 1.2 полезными аттракторами ПАТ (ранее мы этот термин использовали только в модельных схемах; теперь имеет смысл расширить его) являются термины, говоря языком логики: двуязычие (многоязычие); «обнуление» акта мышления; преобладание ЦМ > АМ (см. лемму 1.1 и (1.1)).

Предикаты ДЯ — двуязычие (опуская для краткости записи и полагаемое многоязычие), ОАМ — «обнуление»... и (ЦМ>АМ) в рамках комплексной логики, естественно, в утверждении теоремы 1.2, можно связать как совокупность связанных между собой предикатов тенденций¹⁰⁶.

Что такое тенденция? Сами того не осознавая, наши славные СМИ — кладезь мудрости для анализирующего субъекта — едва не ежечасно дают ее примеры в логической полноте по образцу: «Наметилась тенденция к снижению роста (преступности, девальвации, коррупции, нефтегазозависимости экономики и пр.)».

Для нашего случая введем¹⁰⁶ терминообразующий оператор тенденции τ . Используем принятое в логике обозначение предиката P . То есть, если P — предикат, то и τP суть предикат.

Значит, термины $\tau P(\text{ДЯ})$, $\tau P(\text{ОАМ})$ и $\tau P(\text{ЦМ} > \text{АМ})$ обозначают логические предикаты тенденции (тенденциозности). Согласно утверждению теоремы 1.2, в свою очередь, принимаем логические утверждения в самой общей трактовке содержания теоремы 1.2:

$$\begin{aligned} & \vdash P(\text{ДЯ}) \rightarrow \tau P(\text{ДЯ}); \\ & \vdash P(\text{ОАМ}) \rightarrow \tau P(\text{ОАМ}); \\ & \vdash P(\text{ЦМ} > \text{АМ}) \rightarrow \tau P(\text{ЦМ} > \text{АМ}). \end{aligned} \quad (1.13)$$

В частности, из (1.13) следует¹⁰⁶ (записываем только для $P(\text{ДЯ})$, для остальных — аналогично):

$$\sim \tau P(\text{ДЯ}) \rightarrow \sim P(\text{ДЯ}); \quad (1.14)$$

$$\vdash \sim (P(\text{ДЯ}) \wedge \sim P(\text{ДЯ})); \quad (1.15)$$

$$P(\text{ДЯ}) \wedge \sim P(\text{ДЯ}); \quad (1.15)$$

$$P(ДЯ) \wedge \sim P(ДЯ); \quad (1.16)$$

$$\sim (\tau P(ДЯ) \wedge \sim P(ДЯ)); \quad (1.17)$$

$$\tau P(ДЯ) \wedge \sim P(ДЯ). \quad (1.18)$$

Здесь имеем: (1.14) из (1.13) — верхняя строка; (1.15) — закон противоречия, имеющий силу для любого предиката P ; (1.16) — противоречивое (не истинное логически, ошибочное) утверждение; (1.17) — логически неадекватное утверждение; (1.18) — допускает логическое выполнение.

Таким образом, утверждения (1.14)–(1.18) охватывают весь ареал тенденций ДЯ, а с учетом (1.13) — и ОАМ, (ЦМ>АМ), что есть логический базис для логического же доказательства теоремы 1.2.

Соотношения между предикатами тенденций можно записать как двоякое логическое доказательство теоремы 1.2 (с учетом утверждений (1.13)–(1.18)):

$$(\tau P(ДЯ) \vdash \tau P(ОАМ)) \vdash \tau P(ЦМ > АМ) \quad (1.19)$$

и

$$(\tau P(ДЯ) \vdash \tau P(ЦМ > АМ)) \vdash \tau P(ОАМ), \quad (1.20)$$

или в операторах меньшей «логической категоричности»:

$$(\tau P(ДЯ) \rightarrow \tau P(ОАМ)) \rightarrow \tau P(ЦМ > АМ), \quad (1.21)$$

$$(\tau P(ДЯ) \rightarrow \tau P(ЦМ > АМ)) \rightarrow \tau P(ОАМ). \quad (1.22)$$

Утверждения (1.19)–(1.22) являются *доказательством теоремы*.

Вопрос же о предпочтении варианта (1.19), (1.21) или (1.20), (1.22), либо о предпочтении варианта (1.19), (1.20) или (1.21), (1.22) не относится к логической компетенции, но может быть решен в рамках психофизиологии мышления.

Понятно, что ситуации, для которых справедливы утверждения (1.19)–(1.22), являются сугубо идеализированными, аппроксимирующими реальные процессы VRM. Как показано в работе¹⁰⁶, в логике тенденций возможны ситуации истинности более высокого (сложного) порядка, например:

$$\sim P^1(\eta) \wedge \sim P^2(\eta) \wedge P^3(\eta) \wedge \tau P^1(\eta) \wedge P^2(\eta). \quad (1.23)$$

В нашем случае в (1.23): η — один из предикатов ДЯ, ОАМ или (ЦМ>АМ), либо же логические утверждения для их связей, а P^i — группа исходных предикатов, которым соответствует и группа предикатов τP^i .

...Главное, что хотя и в 0-м приближении, но справедливость теоремы 1.2 выше показана.

1.5. «Право- и левополушарный» человек и типы продуцируемой виртуальной реальности мышления

Материал настоящего параграфа, как и вся глава, является расширенным введением в проблематику книги и содержит, в частности, результаты прежних исследований автора^{323, 337} (и других; см. библиографию к книге). Также использованы и результаты, полученные другими исследователями, суммированные в обзоре⁴⁰ и в ряде других работ.

В предыдущих параграфах главы, где конкретно, где опосредованно, мы подчеркивали: виртуальные миры являются порождением человеческой мысли. Виртуальный мир создается либо непосредственно в сознании (под-сознании) *homo sapiens*, либо в творениях его рук, подчиняющихся сознанию. Итак, процессы мышления являются базисом виртуальной реальности. Поэтому настоящая работа не была бы тематически и логически выверенной без рассмотрения сущности процессов мышления... естественно, с учетом аспекта создания виртуальных миров. Самое существенное, что исследование процессов мышления есть и в настоящее время наука в самом начале развития. Это накладывает как определенные ограничения на изложение материала, с другой — дает определенную свободу выбора.

Нейросетевое моделирование нейронной деятельности мозга. Нейронные сети или нейрокомпьютинг в биологии и информационных технологиях почти что однозначно ассоциируют со спецификой головного мозга, работа которого, как не раз говорилось выше, суть солитонно-голографический процесс передачи пространственно-временных паттернов нейронной активности. Это в определенном смысле верно, хотя *нейронная структура мозга* человека и *нейрокомпьютинг* существенно различные объекты с точки зрения вещественной принадлежности, задач, развития и пр. В самом общем определении: первое есть молекулярная структура мозга, на основе которой реализуются процессы мышления, а второе — техническое средство, отчасти — для моделирования, или имитации, этих самых процессов. Однако нейрокомпьютинг имеет и вполне самостоятельные, достаточно разветвленные технические задачи. Обратимся к анализу нейронной деятельности мозга, в качестве фактического материала используя обзор⁴⁰, в котором подытожены соответствующие исследования на период начала нашего века, учитывая, что последнее десятилетие особо существенного принесло не очень много...

В данном направлении работает большое число научных коллективов и отдельных ученых, ссылки на исследования которых даны ниже. И еще отметим, что нейробиология в настоящее время по числу активно работающих в ней представителей «точных» наук сравнялась с биотехнологией

и молекулярной генетикой. Это говорит о сложности ставящихся и решаемых физико-математических задач.

В нашей монографии^{52, 53} достаточно подробно изложено современное состояние изучения извечно волнующего человечества вопроса: «Как мыслит человек?». Глобальная важность разрешимости этого сакраментального вопроса не только историческая, но — и быть может в большей степени — актуальная. Например, в 1989 г. конгресс США принял «Объединенную резолюцию сената и палаты представителей по объявлению «Десятилетия мозга». Вот характерные отрывки из пространной резолюции⁴⁰:

«Поскольку установлено, что ежегодно пятьдесят миллионов американцев становятся жертвами заболеваний и нетрудоспособности вследствие повреждения мозга, включающих основные психические, наследственные и дегенеративные заболевания, инсульты, нарушения в связи с наркоманиями, влияние пренатальных факторов, нейротоксинов в окружающей среде и травм, а также нарушений речи, слуха и других когнитивных расстройств;

— поскольку установлено, что общая сумма затрат на лечение, восстановительную терапию и другие расходы, связанные с заболеваниями и нетрудоспособностью, зависящими от поражения мозга, составляет 305 млрд. долларов в год;

— поскольку население должно быть информировано о волнующих достижениях в исследовании мозга и о возможности лечения заболеваний, поражающих мозг;

— поскольку технологическая революция, происходящая в области наук о мозге, привела к разработке таких методов, как позитронная эмиссионная томография и создание изображений посредством магнитного резонанса, что позволило клиницистам наблюдать мозг в тонких деталях неинвазивными методами, определять системы мозга, затрагиваемые при специфических видах нарушений, исследовать зависимость поведения от нейропептидов и подойти к пониманию сложных структур, обеспечивающих память;

— поскольку научная информация о мозге нарастает с колоссальной скоростью, а область компьютерной и информационной науки достигла уровня развития, достаточного для того, чтобы анализировать данные нейронаук с максимальной пользой как для исследований в области фундаментальных наук, так и для клиницистов, изучающих мозг в норме и патологии;

— поскольку достижения математики, физики, вычислительной техники и методов изображения мозга позволили начать важную работу по отображению функций мозга в норме и патологии, моделированию нейронных сетей и их динамических взаимодействий;

— поскольку понимание реальной работы нервной системы все еще требует введения новых технологических методов, позволяющих расшифровку того, как отдельные нейроны путем коллективного действия обеспечивают интеллект человека»... (С. 1190).

Далее в резолюции делается вывод о необходимости проведения широкомасштабных исследований в части ответа на самые смелые вопросы о принципах мышления и мозговой деятельности человека.

Заметим, что подавляющее большинство специалистов, тем более — популяризаторов, в нейробиологии, смотрит на конечную цель проектов по исследованию процессов мышления и мыслительной работы головного мозга человека с обескураживающим оптимизмом, то есть имеется в виду цель *полностью* осознать эти процессы и принципы.

Мы же склонны к осторожному оптимизму; соответствующие рассуждения приведены нами в работе^{52, 53}, а именно, исходя из единственной пока теории термодинамики процессов информации и мышления Н. И. Кобозева¹³⁷, можно полагать, что мыслительная работа мозга, то есть векторизованные движения мысли, возможна только с подведением к молекулярной системе мозга человека негэнтропии (отрицательной энтропии), компенсирующей положительную энтропию работающего мозга: $|\Delta S_{\text{извне}}| = |\Delta S_{\text{р.м.}}|$. Только такой вариант может обеспечить сознанию вполне упорядоченные действия.

Таким образом, проблематика физики мышления конкретизируется до выявления физического содержания и источника отрицательной энтропии. Но именно этот-то фундаментальный вопрос тайны бытия человека и самосогласованности единого информационного поля ноосферы (ЕИПН)^{183, 322-329, 336-339} к настоящему времени решен только гипотетически. Однако такой постановки уже вполне достаточно для утверждения о справедливости леммы:

Лемма 1.7. *Мышление есть энергетический процесс, а мысль — форма преобразования энергии, понимаемых в том смысле, что все энергозатраты несут функциональную нагрузку.*

Доказательство леммы связывается с поиском формы материи, способной осуществлять процесс мышления с созданием энтропии $-\Delta S (S \leq 0)$. Согласно гипотезе Н. И. Кобозева¹³⁷, такой формой могут быть сверхлегкие фермионные частицы с массой $(10^{-7} \div 10^{-8})m_e$, то есть $10^{-30} \div 10^{-31}$ г; это частицы типа нейтрино (само нейтрино исключается, как не взаимодействующее с веществом). Несомненно, что в бесконечном, не познаваемом до конца многообразии материи такие частицы есть, но до их (вряд ли скорого) опытного обнаружения следует признать их существование возможным (алгоритмическим). Но ведь сверхлегкие частицы — это есть поле, причем поле электромагнитное.

Из сказанного следуют выводы:

- мысль есть форма преобразования и потребления энергии;
- мышление есть ноосферный энергозатратный процесс с электромагнитной основой в форме солитонно-голографических паттернов;
- атомарно-молекулярная материя мозга человека не в состоянии обеспечить мышления, а выполняет для органов мышления только нейрофизиологические функции в аспекте регуляторно-коммуникационной сетевой организации (по Н. И. Кобозеву¹³⁷);
- частный вывод суть

Лемма 1.8. *Создание технической (биотехнической*) системы искусственного интеллекта, по функциям подобного мозгу человека, невозможно, поскольку технически (биотехнически) не представляется возможным преобразование материи в форму, способную обладать малой, но конечной энтропией для энергозатратной системы при $T > 0$ К, а использование технического генератора соответствующих фермионных частиц эквивалентно воссозданию атомарно-галактической структуры Вселенной, ранговым отображением которой является человеческий мозг.*

Доказательство леммы вытекает со всей очевидностью из сказанного выше, а также из концепции ЕИПН и ФКВ. Во всяком случае, за прошедшие почти два десятка лет с момента издания монографии^{52, 53}, хорошо известной в научном мире, где впервые была сформулирована лемма 1.8, мы не получили сколь-либо аргументированных возражений и доказательств обратного.

Таким образом, возвращаясь к исходному тезису об «осторожном оптимизме», утверждаем, что человеку *не дано* до конца (*ab ovo*, что называется) изучить тайну своего мышления, ибо это равносильно (см. лемму 1.8) раскрытию полного содержания ФКВ, что есть логическое противоречие.

Нейронные сети и работа мозга. Данный аспект исследования феномена мышления относится к изучению динамики нейронной активности. Именно эта динамика, проявляющаяся в возникновении и поддержании устойчивых пространственно-временных нейронных констелляций, является исходным моментом в изучении регуляторно-коммуникационной сетевой организации мозга. Собственно говоря, от нейронной активности до собственно процессов мышления расстояние бесконечно далекое, но к осознанию последнего можно приблизиться только зная существо всех «обслуживающих» мышление механизмов.

Авторы обзора⁴⁰ в данном аспекте прямо говорят, что «*имеющиеся данные о характере нейронной активности и принципах нейронных взаи-*

* Имеются в виду уже разрабатываемые проекты ЭВМ 6-го поколения на аминокислотах и другие проекты, использующие современные достижения биотехнологий.

модействий пока что не привели к пониманию механизмов обработки информации в мозге, таких, как кодирование, запоминание, вспоминание, распознавание, принятие решений мышление и т.д. Остаются неясными и механизмы функционирования внимания, разделения бессознательных и осознаваемых психических процессов, влияния эмоций» (С. 1190).

Поэтому модель нейронной сети в приложении к работе мозга дает конкретное (и ограниченное) решение ряда задач: разработка общих подходов к анализу, выделение основных параметров системы, анализ биофизикохимических механизмов в функционировании нейронных структур, предложения по расширению экспериментального моделирования. Отсылая читателя (заинтересованного) к специальной литературе, не излагая основы нейронного моделирования, только заметим, что нейронная сеть суть система динамически взаимодействующих элементов с набором входных и выходных сигналов: $\Phi(\varphi_1, \varphi_2, \dots, \varphi_n)$ — семейство входных функций; $\{\alpha_{\varphi_1}, \alpha_{\varphi_2}, \dots, \alpha_{\varphi_n}\}$ — набор весовых коэффициентов; θ — пороговая функция; ψ — выходная функция. А процесс работы нейронной сети описывается уравнением

$$\Phi(\varphi_1, \varphi_2, \dots, \varphi_n) \oplus \{\alpha_{\varphi_1}, \alpha_{\varphi_2}, \dots, \alpha_{\varphi_n}\} \Rightarrow \Sigma \Rightarrow \theta \Rightarrow \psi. \quad (1.24)$$

В соответствии с (1.24), стимулами нейронных сетей являются постоянные, переменные непрерывные сигналы, случайные, детерминированные импульсные последовательности, причем наблюдается большое разнообразие в части задеирования входов сети. Точно также разнообразна и форма выходных сигналов ψ . Соответственно форме сигналов φ и ψ используются и соответствующие математические методы описания сетей, в данном случае — модели нейронной организации мозга. Экспериментально же сигналы ψ снимаются ЭЭГ, различными томографами, магниторезонансными устройствами современной медицинской диагностики.

Для конкретного моделирования нейронной активности мозга используются различные типы нейронных сетей⁴⁰ (Абарбавель Г. Д. [1996], *Sturm A. K. et al.* [2001]): а) сети из нейронов, в которых динамика элементов описывается системой дифференциальных уравнений; б) сети из интегративно-пороговых нейронов; в) сети из взаимодействующих нейронных осцилляторов; г) сети из фазовых осцилляторов. Свою специфику имеет и архитектура моделей сетей.

Модели одиночного нейрона и нейронных сетей используются для анализа временных характеристик импульсных последовательностей, генерируемых нейронами. При этом используется классическое определение нейрона: система, преобразующая входную последовательность импульсов в

дискретные потенциалы действия на выходе (спайки), которые передаются через аксоны на синапсы других нейронов.

В другой, более продуктивной модели (*Koch C. et al. [2001]*)⁴⁰, используется модель стохастического нейрона и нейрона как детектора совпадений. Это позволяет исследовать вопрос о преобразовании информации в нейроне и качестве (надежности) синаптической передачи с учетом зашумленности входного сигнала φ . Кроме того, такие компоненты нейрона, как синапс, сома, дендрит, аксон и пр., также являются источниками (внутренних) шумов. Вообще говоря, до сих пор наиболее адекватной моделью собственнo нейрона является модельный нейрон Ходжкина-Хаксли⁸².

Динамика нейронной активности, как правило, исследуется в осцилляторных моделях — осцилляторная активность нейронных ансамблей, то есть информация кодируется на уровне таких ансамблей, а не отдельных нейронов; используется либо временное кодирование, либо кодирование в пространстве и времени. В первом варианте исследуется эволюция активности нейронного ансамбля; под активностью имеется в виду число импульсов, которые генерируются ансамблем за время Δt , то есть это средний мембранный потенциал нейронов в ансамбле. Во втором случае исследуется паттерн пространственно-временного распределения активности нейронного ансамбля⁴⁰.

Модели внимания и интеграции признаков в образе. Для конкретизации подходов к исследованию нейронной активности рассмотрим модель внимания и интеграции; излагаем по⁴⁰, далее это особо не оговаривая.

Обработку информации в мозге можно подразделить на два относительно автономных уровня: предвнимание и внимание (верхний уровень). На уровне предвнимания выделяются признаки стимулов и распознаются простые стимулы (с однотипными признаками). Характер обработки здесь — параллельный. На верхнем уровне формируется общее представление о реальности, а фрагменты информации, поступающие от органов чувств, памяти и двигательных компонент, обрабатываются последовательно, объединяются в осмысленные образы с последующим распознаванием, анализом на новизну, запоминанием. Вводится понятие «фокуса внимания»; этот фокус последовательно перемещается с одного объекта внимания к другому. Именно в фокусе детализуется тщательно обрабатываемая текущая (последовательная) информация.

Для кодирования информации о стимулах в первичных зонах коры используются различные признаки: зрительные, слуховые (акустические) и пр. Признаки также различаются модальностью. В любом случае первичная обработка признаков выполняется в специализированных нейронных структурах коры мозга, а представление о целостных объектах возникает только в ассоциативных структурах коры.

Некоторые выводы. Как показано выше, нейронная система мозга суть механизм, обрабатывающий информацию в волновом динамическом процессе. По крайней мере, модель нейронных сетей адекватна работе такого механизма. Понятно, что даже самое совершенное нейронное моделирование не дает ответ на извечный вопрос: «Как мыслит человек?». Но, как уже говорилось выше, это и не существенно, ибо познание сущности процесса мышления — есть лишь бесконечное приближение к истине, но не полное постижение ее.

Таким образом, рассуждая о нейронной системе мозга, мы не должны выходить за пределы биохимической вещественной структуры мозга, где исходными элементами являются молекулы. Именно свойства этих молекул обеспечивают специфику функциональной организации коры мозга — вещественный базис для собственно процессов мышления.

Деятельность мозга формируется в иерархической системе от уровня биомолекул до целостного мозга (рис. 1.11) — указаны характерные размеры⁴⁰.

Центральная нервная система	1 м
↑	
Подсистемы	10 см
↑	
Нейронные сети	1 см
↑	
Нейронные цепи	1 мм
↑	
Нейроны	100 мкм
↑	
Синапсы	1 мкм
↑	
Молекулы	1 Å

Рис. 1.11. Иерархическая система в организации вещественной структуры мозга

Выше мы рассмотрели основные принципы нейронной организации мозга в сравнении с техническими (нейрокомпьютерными) моделями. Между этими двумя типами нейронов — биологическими и техническими — громадная разница, причем разница непреодолимая, качественная, как качественно различие между живым и неживым, хотя бы их функционирование и подчинялось единым фундаментальным законам мироздания. Техни-

ческий нейрон, то есть нейрокомпьютер, работает с символами, а операции любой сложности в конечном итоге сводятся к элементарному перебору символов. Все же остальное — искусство программиста, то есть человеческого интеллекта. Таким образом, компьютер любой сложности (архитектоники) был, есть и останется «расширенной» логарифмической линейкой при мышлении *homo sapiens*.

Биологическая же нейронная система мозга обладает семантическим содержанием, а именно это содержание и позволяет выбирать смысловое поведение в очень сложной и информационно насыщенной среде обитания. Таким образом, в технической нейронной сети программу действия — и то крайне ограниченную — задает человек (оператор, программист), а в биологической нейронной сети мозга эта программа заложена изначально. Самое существенное — только биологическая система может работать на фоне сильных шумов (явление стохастического резонанса; см. выше). В то же время, любой проектировщик вычислительных систем хорошо знает: малейший шум, искажение фронтов кодовых импульсов приводят к разбалансировке, нарушению синхронизации и, в конечном итоге, к потере или искажению информации⁴⁰: *«С таким же успехом мы можем представить себе компьютерное моделирование процесса окисления углеводородов в автомобильном двигателе или пищеварительного процесса в желудке. Модели процессов, протекающих в мозгу, будут ничуть не реальнее моделей, описывающих процессы сгорания топлива или пищеварительные процессы. Нельзя привести автомобиль в движение, моделируя на компьютере окисление бензина, нельзя переварить обед, выполняя программу, моделирующую пищеварение. Моделирование мышления также не произведет нейрофизиологического эффекта мышления.*

...Добиться конкретных, а не абстрактных свойств мозга только за счет выполнения формальной программы операции с символами невозможно. Чтобы такое стало возможным, структура логических элементов должна начинаться с биологически важных молекул. Они могли эволюционно возникнуть случайно, но, раз возникнув, теперь они уже определяют мышление живых систем, так как оно основывается на структурных изменениях именно этих молекул. Любая система другой природы, возможно, и сможет мыслить, но совсем иначе, чем биологическая. Дело не в том, что современные программы делают в воспроизведении процессов мышления первые шаги, они просто находятся на другой дороге» (С. 1210).

Более емко и удачно сказать трудно...

Внешне деятельность мозга суть выработка и самооценка определенной группы понятий, таких как радость, возбуждение, боль, жажда, гнев и т.п. Все это выполняется в иерархии элементов и систем, показанных на

рис. 1.11. Наиболее существенным, хорошо всем знакомым внешним признаком специфики мышления человека является «право- и левостороннее» мышление (далее кавычки опускаем). Рассмотрим эту специфику работы мозга, частично используя материалы нашей монографии³²³, а также работы⁹⁵.

Функциональная асимметрия мозга человека. Еще Гёте сказал¹⁵⁴: «Людям искусство вообще более по плечу, чем наука. Первое принадлежит более чем наполовину им самим, вторая — больше чем наполовину миру» (С. 261).

Таким образом, Гёте ставит принципиальное различие между художественным и научным (то есть логическим) мышлением. Со школьных лет мы храним смутную память о том, что головной мозг человека фактически разделен на два самостоятельных мозга: два больших полушария, каждое из которых обладает абсолютно автономными функциями. Таким образом, речь идет о двоичности строения мозга, точнее — его функциональной асимметрии. И. П. Павлов, по всей видимости, первым четко дал определение этой асимметрии: всех людей методологически можно разделить на два типа: художников и мыслителей, что связано с асимметрией мозга, ибо каждое из больших полушарий обладает своими специфическими функциями, а именно:

— *левое полушарие* — рабочий аппарат абстрактно-логического мышления;

— *правое полушарие* — аппарат художественно-интуитивного мышления.

Тогда, соответственно степени асимметрии (разницы в развитии) правого и левого полушарий, что обусловлено генофенотипически, имеем один из трех познавательных типов личности (исключая, конечно, четвертый тип: с отсутствием развития обоих полушарий, умственно-патологический). Состояние же $ПП \geq ЛП$ и $ЛП \geq ПП$ ($ЛП$ — левое и $ПП$ — правое полушария) при достаточной (неординарной) развитости каждого из полушарий дает как раз тот интересный, пограничный тип интеллекта, к которому чаще всего можно отнести художника и математика (см. рис. 1.12).

$ПП > ЛП$	Художник
$ЛП > ПП$	Логик
$ЛП = ПП$	Энциклопедист или дилетант, то есть амбидекстр

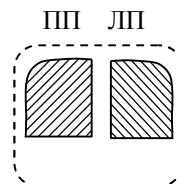

Рис. 1.12. Иллюстрация к типам людей с различным развитием больших полушарий

Заметим, что функциональная асимметрия мозга есть специфика только человеческого мозга. Кстати, более он ничем не отличается от мозговых конструкций животных, ибо есть животные, превосходящие человека по таким, казалось, «человеческим» характеристикам, как вес, относительный вес мозга, площадь поверхности коры, число нервных клеток и пр.

И еще отметим, что все основные положения, касающиеся функциональной асимметрии мозга, были сформулированы не так уж и давно, в начале 50-х годов XX века.

О полной функциональной независимости полушарий друг-от-друга свидетельствует иногда применяемая при лечении болезней мозга, например, эпилепсии, операция «расщепления мозга», при которой перерезаются все нервные пути, связывающие полушария. При этом люди с «расщепленным мозгом» почти не отличаются от полностью здоровых людей. Хирургически перерезаются нервные пути связи в мозолистом теле (мы несколько повторяемся...).

Обычно используемый метод анализа — условное рассмотрение левополушарного и правополушарного человека, то есть людей с условно «вычлененными» ПП или ЛП³²³.

Случай ЛП > ПП: преобладающее интеллектуально-логическое познание и мышление; характерные признаки:

— *Слух*

(Группа улучшенных речевых характеристик)

1. Развитая речь
2. Разговорная общительность.
3. Разговорная инициативность.
4. Богатый и разнообразный словарь.
5. Многословие, болтливость.
6. Развернутость и детализованность ответов.
7. Хорошее восприятие чужой речи.
8. Снижен порог обнаружения звуков речи, повышена речевая активность и облегчен речевой слух.

(Группа ухудшающих речевых характеристик)

9. Малая интонационная выразительность: монотонность, бесцветность, тусклость.
10. Сонорный, гнусавый либо «лающий» оттенок речи; дефект диспрудии.
11. Пониженное восприятие просодических элементов речи собеседника.
12. Заниженное понимание речевых интонаций.
13. Восприятие, в основном, формальной стороны речи с притуплением восприятия образности.

14. Ухудшенное восприятие неречевых звуков, особенно музыки (ритм преобладает над мелодикой).

— *Зрение:*

(Все примеры — ухудшающие)

15. Ослабленная зрительная ориентация в конкретной ситуации, требующей учета конкретных признаков объекта (не видит незавершенности рисунка, не может подобрать пару предметов по каким-либо схожим признакам).

16. Зрительно классифицирует предметы по абстрактным, символическим признакам.

— *Память:*

(Группа улучшающих характеристик памяти)

17. Хорошо сохраняет в памяти информацию, приобретенную посредством слов.

18. Хорошая потенциальная возможность к восприятию словесной информации.

(Ухудшающие характеристики памяти)

19. Ухудшение образной памяти (например, памяти о фигурах).

— *Осмысление окружающего:*

(Ухудшающие характеристики)

20. Ухудшение осмысления окружающего при сохранении словесного описания.

— *Эмоции:*

(Улучшающие характеристики)

21. Улучшение эмоциональных характеристик: мягкость, приветливость, веселость, оптимизм.

— *Выводы:* в ситуации ЛП > ПП угнетаются те виды психической деятельности, которые лежат в основе образного мышления. Чаще всего улучшаются те виды, которые лежат в основе абстрактного, теоретического мышления. Все это сопровождается положительным эмоциональным тоном. Заметим, что для многих конституций данного типа характерны и внешние признаки эмоциональности, а именно: ж е с т и к у л я ц и я, выразительные и непринужденные жесты, сопровождающие речь.

Случай ПП > ЛП: преобладающее интуитивно-художественное познание и мышление; характерные признаки:

— *Слух:*

(Ухудшающая группа признаков)

1. Ограниченные речевые возможности.

2. Из словаря выпадают слова, обозначающие отвлеченные понятия.

3. Склонность забывать названия предметов при сохранении их образного представления.

4. Ухудшение восприятия речи.
5. Немногословность, склонность к коротким фразам, как в предложении, так и в восприятии. Предпочтение мимики и жестов перед словами.
6. Снижение речевого внимания, повышенный порог обнаружения звуков речи, затруднение восприятия и повторения звуков речи.

(Улучшающая группа признаков)

7. Хороший интонационный рисунок речи.
8. Улучшенные просодические компоненты слуха. Тоньше и правильнее оценивает интонации собеседника.

9. Повышенное восприятие неречевых звуков. Хорошее восприятие музыки, потребность воспроизводить неречевые звуки (подражания, напевы).

Что же касается зрения, памяти, осмысления окружающего и эмоций, то и здесь картина противоположна левополушарному человеку. Особенно следует подчеркнуть отрицательную эмоциональную характеристику человека с интуитивно-художественным складом мышления: он, по преимуществу, пессимист, мрачно оценивающий свое настоящее положение, часто мнимо болен, с повышенной вагусной реакцией.

— *Выводы:* при ситуации ПП > ЛП угнетаются те виды психической деятельности, которые лежат в основе абстрактно-теоретического мышления, и усиливаются виды, связанные с образным мышлением. Этому типу соответствует отрицательный эмоциональный тонус. На рис. 1.13 и 1.14 систематизированы признаки для ПП- и ЛП-человека, соответственно³²³.

Однако не следует понимать, что эти признаки столь полярны. Последнее явственно наблюдается лишь в случаях ЛП >> ПП и ПП >> ЛП, что, вообще говоря, нехарактерные, близкие к патологии явления. Но ситуации ПП > ЛП и ЛП > ПП все же характеризуют преобладание одной группы признаков над другой, что определяет тип познания и мышления личности. Но поскольку в любом случае оба полушария активно работающие, то следует говорить о существовании двух, асимметрично развитых, целостных аппаратов мыслительной деятельности: ЛП и ПП, каждый из которых «обслуживает» определенный вид мышления.

Вот здесь ответ на один из фундаментальных вопросов психологии творчества и познания: аппарат левого полушария работает на базе системы сигналов (слов), обобщений непосредственных индивидуальных явлений. Этот аппарат развился и сформировался в результате эволюции человека как *homo sapiens*.

Аппарат же правого полушария обрабатывает не символическую информацию, а заключенную в несловесных носителях: интонационных и просодических компонентах речи. Такое восприятие древнее интеллектуально-логического, идет от звуковых сигналов стадных животных.

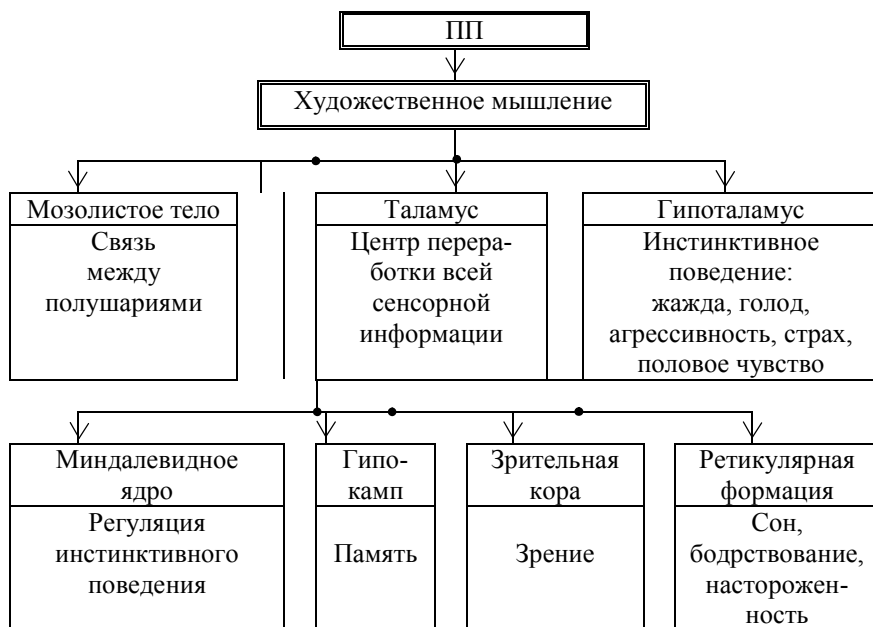

Рис. 1.13. Основные функции правого полушария мозга человека

Все это четко прослеживается на развитии ребенка в части филогенеза, краткого повторения эволюционного развития его предков.

Виртуальное художественное мышление как раз во многом объясняется двойной структурой мозговых аппаратов мышления; мы об этом достаточно говорили выше в главе, но сделаем необходимые дополнения.

Самым загадочным является и до настоящего времени неясный момент эмоциональной полярности двух типов мышления: преобладание положительных эмоций для субъектов логического мышления и отрицательных для субъектов мышления художественного; факт, равно, очень давно замеченный и в жизни заметный чаще всего и рельефнее всех остальных характеристик лево- и правостороннего человека.

Действительно, еще в древние времена, в классическую антику, логическое мышление создавало оптимистические характеры, энергичные, предприимчивые, авантюристические. Достаточно вспомнить жизнеутверждающего Пифагора, на радостях, в честь рождения своей знаменитой теоремы,

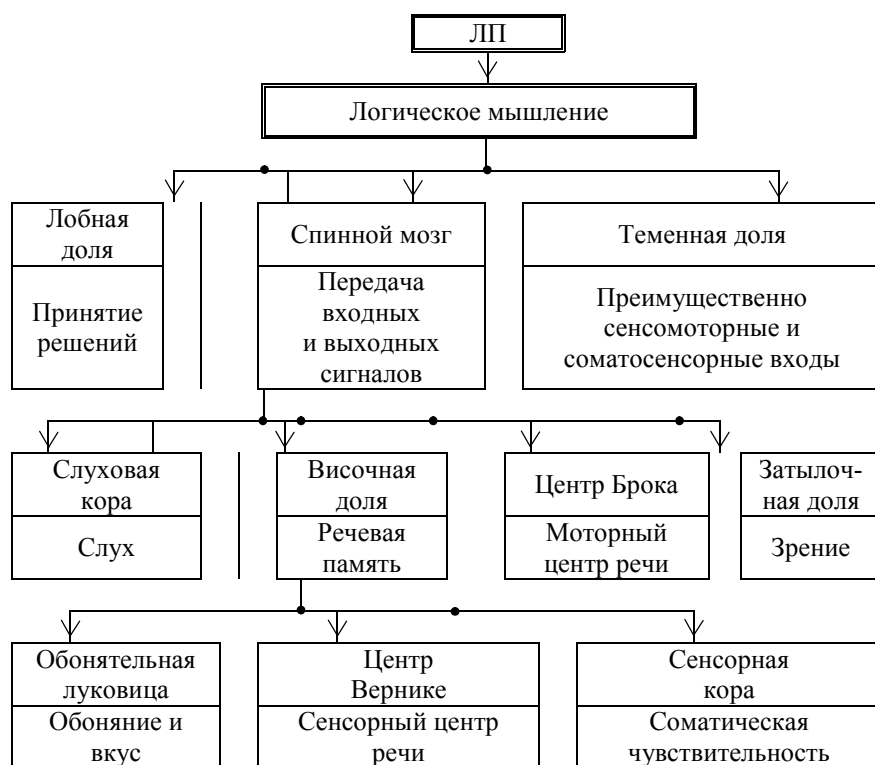

Рис. 1.14. Основные функции левого полушария мозга человека

принесшего в жертву богу Апису 9000 быков; оптимистичного Архимеда*, говорящего своему убийце: не испорти мои чертежи; логика Аристотеля, самоуверенного, напоминающего чем-то современного молодого, лощеного и умного академика в 35 лет, пользующегося всеми благами жизни и отдающего ей свой холодный, но талантливый ум, и его великого ученика Александра Македонского: тоже логика, авантюриста, обжору.

И тут же в противовес им великие художники Древнего мира: создатели философии души Сократ и Платон, трагические ноты в мировоззрении

* ...И свежий пример: Г. Я. Перельман, доказавший неразрешимую до недавних пор гипотезу Пуанкаре (всякое односвязное компактное трехмерное многообразие без края гомеоморфно трехмерной сфере), отказался от миллиона долларов из Фонда Лендена Клея (Институт Клея)... Говоря по-русски: не до того, Федя, не до того...

обоих, насильственная смерть первого. Художественный мир эллинов породил античную трагедию катарсиса, полную пессимизма и безысходного фатализма; всюду в античной трагедии смерть, смерть, наказание...

Сквозь века и тысячелетия сосуществовали рядом, не отрицая друг друга, пессимизм художника и оптимизм мыслителя-логика. Страннейший парадокс цивилизации, когда же он замкнется? — чем больше поведал и изучил мир ученый и логический ум, тем пессимистичнее художник оценивал его.

Оцените с этой (практической) стороны знакомых, ведомых вам, знакомых по мемуарной, художественной литературе реальных людей: ученых, писателей, поэтов, художников.

Как правило, наиболее эмоциональны, оптимистичны, приятны, разговорчивы в общении, более эрудированы люди, занимающиеся естественными науками, теоретическими и прикладными. Менее интересны в общении, как это ни парадоксально звучит, поэты, писатели; довольно скучны в общежитийском плане музыканты, но нет людей замкнутее и мрачнее, чем художники... И, наблюдая за живыми людьми, исторический прецедент не зря утверждает: именно последние чаще всего склонны к мрачному, глубокому запое... Вспомните целую плеяду русских и французских мастеров кисти XIX — начала XX вв. Очень мала их эрудиция, интерес к чему-либо, кроме своего искусства. Кажется, в мемуарах Коненкова «Мой век» приводится весьма характерный портрет известного русского скульптора Паоло Трубецкого, автора известной скульптуры «Толстой верхом на лошади» и не менее известного памятника Александру III (тоже на коне). Трубецкой, являясь выдающимся художником, полагал излишним знания и вообще чтение какой-либо художественной литературы, а работая над скульптурой Толстого, из разговора с последним выяснилось, что он ни строки не читал из сочинений Льва Николаевича и не испытывал в этом никакой необходимости...

Особенно много писателей-пессимистов, обладающих крайне трагическим мировоззрением, породил XX век, а ветвь этого усиленного пессимизма идет от Ф. М. Достоевского; недаром почти каждый из них называет его то ли единственным, то ли одним из немногих учителей.

Очевидно, в смысле одновременного сосуществования двух типов стабильных эмоциональных характеров, соответствующих логическому и художественному складу мышления и познания, следует понимать фрейдовское (позднефрейдовское) учение об основном диалектическом антагонистическом движителе жизни: борьбе Эроса и Танатоса (см. работы «По ту сторону принципа удовольствия» и «Я и Оно»)^{266, 271–273, 319}.

Современная нейрофизиология^{196, 294} пока лишь предполагает, что такое резкое расхождение эмоциональных характеров двух типов мышления объ-

ясняется более тесной связью абстрактно-логического мышления с положительным эмоциональным тонусом, а образно-художественного — с отрицательным. Отсюда следует: отрицательная эмоциональность тяготеет к определению конкретно воспринимаемых образов, а положительная — к определению обобщенных моделей образов, к абстракции⁹⁵: *«Возможно, причину связи разных эмоциональных состояний с разными видами мышления, с деятельностью разных полушарий следует тоже искать в эволюции, в истории формирования психической деятельности. Н. Н. Трауготт, изучая закономерности угнетения и восстановления психических функций при остро возникающих патологических состояниях мозга, показала, что позже других угнетаются и раньше других восстанавливаются эволюционно более древние виды психической деятельности... В процессе угнетения мозга первыми исчезают положительные эмоции и последними — отрицательные. При восстановлении деятельности мозга последовательность обратная. Таким образом, есть основания думать, что отрицательные эмоции возникли в процессе эволюции раньше, чем положительные. На это указывает более раннее созревание у младенцев отрицательных эмоциональных реакций по сравнению с положительными»* (С. 31).

Образное мышление, как говорилось выше, намного древнее абстрактно-словесного, логического. И если можно условно-образно сказать, что правое полушарие нам досталось с последующим доразвитием от наших четвероногих предков, то левое — свое, выработанное человеческой эволюцией, именно развитие левого полушария, видимо, с доразвитием правого, создало цивилизацию человека на Земле²⁸².

Вспомним слова И. П. Павлова: *«Жизнь отчетливо указывает на две категории людей: художников и мыслителей, между ними резкая разница. Одни — художники — захватывают действительность целиком, сплошь, сполна, живую действительность, без всякого дробления... Другие — мыслители, именно дробят ее... делая из нее какой-то временный скелет, и затем только постепенно как бы снова собирают ее части и стараются их таким образом оживить...»* (цит.323; С. 289—290).

Деятельность мозга человека можно представить следующей иллюстрацией на рис. 1.15).

Поясним иллюстрацию на рис. 1.15. Поскольку оба полушария у нормального, без патологии мышления, человека работают вместе, то их соотношение характеризуется взаимодействием двух типов:

* Предположительно, развитие новых, человеческих, функций левого полушария, связано с ведущей ролью правой руки (контролируемой ЛП) в трудовой деятельности. Попутно заметим, что почти у 1/3 всех людей ЛП и ПП не приобретают четкой функциональной специализации.

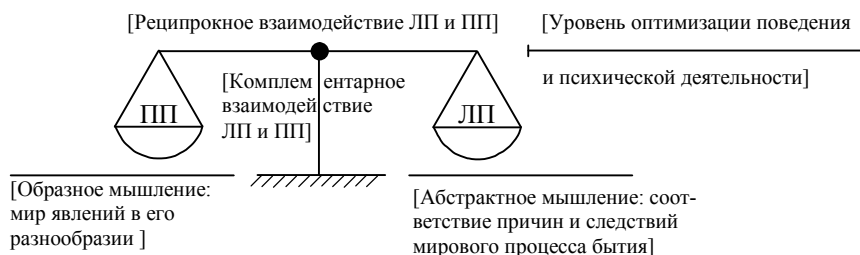

Рис. 1.15. Иллюстрация к деятельности мозга человека

— комплементарное, дополняющее друг друга и создающее общий, больший чем работа одного из них, эффект;

— реципрокное, когда одно полушарие тормозит работу другого и наоборот. Именно это взаимодействие позволяет в критический момент, когда это нужно, выдвинуть на главное место либо образное, либо абстрактное мышление. А в силу энергетического закона сохранения суммарной энергии — это резкое, попеременное увеличение уровня работы ЛП или ПП, в спокойный период сказывается во взаимном торможении, то есть в запасении потенциальной энергии. Мысль простая и ясная.

Поясним пункт 20 случая $ЛП > ПП$ (см. выше). Речь идет об ухудшении в ситуации $ЛП \gg ПП$ образного осмысления окружающего при сохранении словесного осмысления.

Соответственно, в ситуации $ПП > ЛП$ имеем обратную картину: словесное описание затруднено, образное усилено. Прежде всего, это относится к осмыслению окружающего в координатах времени и пространства. Известно, как хорошо животные инстинктивно ориентируются во времени и пространстве. У человека с преобладанием образного мышления это качество четко улавливается, у абстрактно мыслящего — менее. Последний стремится всегда составить словесное описание своего местонахождения, времени того или иного действия. Это все хорошо известно, ибо и то, и другое служит неиссякаемым источником для упражнений остроумия.

Предположим, что двум людям, логика и художнику по преимуществу, предстоит разыскать некоего человека, в доме которого они были лишь по одному разу и то недолго. Первый из них, левосторонний по преимуществу, разыскивая, постоянно будет твердить и держать в голове номер автобуса, на котором следует добираться, номер дома, этажа, квартиры, что называется *«поминутно справляться с бумажкой, на которой*

записан адрес» (Ипполит Матвеевич Воробьянинов у Ильфа и Петрова). Второй же призывает в услужение образную память и отыскивает нужное по запавшим в голову предметам, характерным особенностям улиц, домов и пр., и находит, не утруждая себя запоминанием номеров автобусов, домов, квартиры... Итак, два типа ориентации: Ипполит Матвеевич и почтовый голубь. То же самое можно сказать о чувстве времени, которое очень развито у правостороннего, по-преимуществу, человека.

Не без основания, хотя и не так категорически, то же можно утверждать и о цветовосприятии: речь пойдет о «условном дальтонизме».* О дальтонизме здесь, конечно, говорить не следует, как о преимущественных особенностях лево- или правостороннего человека, ибо зрением управляет зрительная кора вПП и затылочная доля вЛП; кроме того, он характерен лишь для мужского пола. Относя, например, зрение, как общеживотный признак, к преимуществам правостороннего человека, тем самым мы исключаем, в силу названной выше особенности, женщин из числа индивидуумов с ЛП > ПП (сравни расхожее определение: женщины лишены логического мышления). Это было бы слишком смелой гипотезой...

При условном дальтонизме человек вполне нормально воспринимает цвета, различает их и правильно называет. Причем он никогда не ошибается в их названиях, если видит несколько цветов одновременно. Но когда он их видит порознь, происходит некоторый сбой: наиболее контрастные и часто встречающиеся цвета, например, красный, желтый, зеленый он правильно определяет, но другие, особенно редко встречающиеся в природе в естественном виде полутона, а главное — цвета и оттенки высокочастотной части спектра, он поодиночке может путать, хотя, повторимся, в группе он их отличает хорошо и правильно называет. Это же явление наблюдается, когда он путает, рассматривает поодиночке, очень близкие (соседние) цвета и полутона.

Очевидно, это признак «правосторонней» асимметрии, где субъект воспринимает цветовую гамму в целостности, что более свойственно образному мышлению и познанию (ощущению в данном случае), в то время как отдельное восприятие цветов более соответствует дискретному характеру восприятия «левостороннего», логического субъекта познания.

В подтверждение этого вроде бы говорит и известная гипотеза, если не ошибаюсь, впервые высказанная Леонардо да Винчи. Смотри также у Гёте

* Специально этим вопросом мы не занимались, не искали подтверждения в научной медико-биологической литературе, ибо основываемся лишь на своих собственных ощущениях. Вряд ли это можно считать субъективной гипотезой, ибо факт «условного дальтонизма», скорее всего, зафиксирован и хорошо известен в специальной литературе.

в трактате 1810-го года «Учение о цветах»¹⁵⁴: «Из того, что дошло до нас от пифагорейцев, мало чему можно научиться. Если цвет и поверхность они обозначают одним словом, то это указывает на хорошее в чувственном отношении, но вульгарное восприятие, закрывающее для нас более глубокое понимание способности краски проникать вглубь. Если они не называют синего, это снова напоминает нам, что синий цвет так близок к темному, теновому, что долгое время можно было причислить его к последнему» (цит.323; С. 292). Отсюда можно полагать, что восприятие цветов верхней части спектра сравнительно (с эволюцией человека) недавно приобретено *homo sapiens* и что, например, древние греки не различали синий и фиолетовый цвета. Принимая эту вполне достоверную гипотезу, доказательство которой следует искать в эволюционно-физиологическом развитии человека со стадии доприматной, можно было бы просто сказать, что условный дальтонизм есть следствие правосторонней асимметрии, ибо подтверждается не только частичной неспособностью дискретно-цветового восприятия, но и пропорциональным усилением этой неспособности при приближении к верхней части спектра, что говорит о преобладании функций ощущений более древних, присущих правому полушарию мозга.

Эту гипотезу можно принять в такой формулировке, тем более, что схожая картина — и в восприятии музыкальных звуков. Однако смущающим обстоятельством является то, что художники-живописцы, без сомнения, люди с ярко выраженной характеристикой ПП > ЛП, также, без сомнения, хорошо чувствуют цвета и их тончайшие оттенки, как в спектре, так и дискретно.

Таким образом, остается предполагать: либо это случаи индивидуального характера, не зависящие от соотношения асимметрии полушарий мозга, патологии, либо следствие сложных соотношений комплементарных и реципрокных взаимодействий ЛП и ПП. Но, на наш взгляд, наиболее предположительным является случай очень небольшой асимметрии ПП > ЛП со значительным реципрокным угнетением цветовосприятия.

Доказательство этого не входит в задачи настоящей книги, ибо требует серьезной специальной аргументации, а давая поверхностные объяснения, легко попасть в ситуацию, в которую попал... Лев Толстой при написании своего знаменитого «Исследования, перевода и соединения 4-х Евангелий»*: создав труд, отвечающий его установке, он крайне неудачно попытался придать художественно-религиозно-философскому произведению характер научной обоснованности, значительное место уделив филологическим изысканиям в части ревизии смысловой верности переводов канонических текстов

* См. том 24 Юбилейного ПСС Л. Н. Толстого в 90 томах.

Евангелий с греческого на русский язык, не будучи в части сравнительной филологии сколь-нибудь удовлетворительно подготовленным.

Цель же данного примера — показать, в сколь сложной взаимосвязи участвуют оба полушария головного мозга в формировании художественного познавательного процесса. Ничто здесь не сводится к голому схематизму, сколь это ни привлекательно.

И еще один характерный пример подобного рода: куда более чем явление «условного дальтонизма», известно деление художников слова на «говорящих» и «пишущих». Здесь тоже наблюдается своего рода асимметрия между наклонностями к разговорному самовыражению художественного мышления и письменному.

Ян Парандовский в своей знаменитой «Алхимии слова», посвященной психологии и технике литературного творчества, блестящим примером «говорящего» писателя называет Оскара Уайльда. Вообще, подумав и вспомнив биографические характеристики, можно назвать достаточное число как «говорящих», так и «пишущих» литераторов. К первым можно отнести итальянца Габриэля д'Аннуцио, хорошо известного Ираклия Андронникова. Вторых еще больше, даже много больше; так работали Толстой и Достоевский, Гюго и Франц Кафка.

В истории литературы встречаются и некие промежуточные ситуации, когда писатель проявляет признаки того и другого характера своего творчества; например, Гончаров, как известно, сначала рассказывал сочиненное произведение, а потом его записывал. Но вернемся к Уайльду, как писательской личности наиболее контрастной. Это был очень общительный, эрудированный человек, о нем сложилось мнение, что написанное им — крохи от рассказанного, причем эти рассуждения по своей художественной законченности и выразительности ничуть не уступает его «овеществленным» на бумаге произведениям. Близко знавшим его современникам всегда казалось (да так оно ведь и было?), что его творческий импульс наиболее плодотворно себя выявляет при устной форме творческого самовыражения, лишь с крайней неохотой он берет перо...

И то он всегда старался как можно скорее записать уже мысленно готовое, законченное произведение и вновь вернуться к любимой форме творчества: устному рассказу. Тому прямое подтверждение: все его три драмы написаны в кратчайший срок, а основное и наиболее объемное произведение, роман «Портрет Дориана Грея», написан... в несколько дней. А чтобы заставить себя, он стимулировал процесс допингом — пари.

Вообще, этот характер отношения к письму, как к досадной необходимости, дополнения к устному творчеству, виден в определенной «малоразмерности» произведений Уайльда (сравните: как не давался Чехову, тоже

любившему поговорить, крупный жанр). Проанализируем это явление. Моторный центр речи, центр Брока, расположен в ЛП; в том же полушарии находится и сенсорный центр речи (центр Вернике) и речевая память (височная доля) — см. приведенные выше иллюстрации 1.13 и 1.14. Кроме того, по всем сравнительным признакам (см. выше таблицу признаков симметрии ЛП иПП), «говорящий» литератор относится к типу «левостороннего», логического мышления. Наконец, логическое, литературно суховатое построение чувствуется во всем прозаическом творчестве Уайльда, достаточно привести в пример его сказки: логическое построение, дидактические по восприятию. Но, с другой стороны, такое соотношение ЛП > ПП никак не является характерным для художественно-творческой личности, в то же время никак нельзя отнести Уайльда к частому подтипу рассудочных писателей; это опровергает его поэтическое наследие, достаточно вспомнить «Балладу Рэдингской тюрьмы» с ее эмоциональностью, поэтическим пафосом, высокохудожественной композицией (Правда, он сам в ней сидел, выстрадал.)

Здесь следует четко разделить два момента. Те характеристики Уайльда, как и ряда других «говорящих» писателей, что заставляют думать о их четкой выраженности логического мышления, объясняются индивидуальной особенностью, а именно: при сильно развитом художественном мышлении, логическое мышление, развитие ЛП, особенно речевых центров, также является значительным, а особое сочетание комплементарных и реципрокных взаимодействий обоих полушарий ставит эти центры в доминантное положение.

Но ведь письмо, как мы говорили выше, — это искусственное овеществление речи, слова, поэтому не может идти и разговора об угнетении письма речью. Ибо явление «говорящего» литератора есть особое сочетание первого фактора со специфической чертой характера, не расположенного к долгой и кропотливой, молчаливой, наконец, работе с бумагой. Иначе говоря, для этого типа писателей, в силу учета *их характера личности*, процесс творчества должен быть сопряжен с произношением слов. Полагаем, что приведенный анализ вполне достоверен. Таким же образом объясняются творческие особенности «пишущих» литераторов, а также их абсолютное количественное преобладание над типом «говорящих».

Заметим, что скорее «молчаливое» творчество более соответствует логическому типу мышления; повторимся, что лишь совсем недавно, не ранее Возрождения, процесс чтения и письма перестал сопровождаться параллельной речью. Еще в средние века на молчаливо пишущего или читающего человека смотрели как на достойного удивления. Исторически художественный творческий процесс был *говорящим*.

Подходя к завершению параграфа, напомним о причинах рассмотрения данного вопроса. Это психофизиологическое и биологическое обоснование типов творческого мышления. Опять же это в наибольшей степени связано с ролью бессознательного в процессе чувственного познания и его роли в создании виртуальных миров и систем, а главное — все это есть *предтеча к анализу соотношения в аналоговом и цифровом мышлении*.

Таким образом, специфика мозговой деятельности право- и левополушарного человека во многом определяет и его склонность к созданию типов виртуального мира: художественного или логического построения. Своей физиологической и функциональной конструкцией мозг человека уже на заре появления *homo sapiens* был изначально подготовлен для создания виртуальных миров, то есть для выполнения человеком предназначенных ему функций при переходе биосферы в ноосферу. Увы, с точки зрения физиологии эволюция человеческого мозга раз и навсегда закончена. И даже внешние признаки потомков неандертальцев и кроманьонцев, пересекшихся некогда во времени существования, то есть «лобастые с плоским затылком» и «покатолобые с затылком тыковой», ничего уже не говорят. Конституция и функции мозга их идентичны.

Многозначительные выводы из фактора жестикуляции... Выше в главе мы обмолвились в том смысле, что активная жестикуляция наводит на подозрение, что у жестикулирующего, дескать, логика мышления страдает. Отводя от себя подозрения, тем более в той реплике прекрасный пол упомянут, скажем: это не наше (окончательное) мнение, но *расхожее суждение*. А таковые, как правило, далеко не всегда ошибочны...

Однако из приведенных выше сравнительных таблиц для ЛП>ПП и ПП>ЛП следует, что жестикуляции характерны как для ЛПЧ, так и ППЧ. Исторический генезис формирования *h.s.* и подробные синергетические исследования активности мозга, поведения и когнитивной деятельности *h.s.* в книге²⁷⁹ Г.Хакена еще более усложняет картину восприятия. А вывод из фактора жестикуляции можно сделать достаточно многозначительным и вроде как не имеющими отношения к собственно жестам: аналоговое и цифровое мышление, его предикаты (АМ>ЦМ), (ЦМ>АМ) и (АМ≈ЦМ), нельзя однозначно связывать с характеристиками ППЧ, ЛПЧ и (ПП=ЛП) — см. рис. 1.12, то есть *амбидекстр* в разных его вариантах: энциклопедист или дилетант, причем в том и другом качестве — от гения до слабо развитого человека... Поэтому более чем справедлива

Теорема 1.3. *Фактор аналогового и цифрового мышления h.s. есть прерогатива фундаментального закона о дуализме представления — действия принципы консервативности (экономии, ограниченности...) в системной организации материального мира, типа дуализма волны и части-*

цы, причем аналоговое мышление — многочастичное представление этого процесса, а в таком предположении преобладание в индивидуальном *h.s.* аналогового и цифрового мышления является следствием «затягивания» (ЗТ) в активности работы ПП и ЛП.

Доказательство. Как и выше в содержании главы, аппроксимируем реальные процессы мышления со сложной связью (прямой и обратной) генерируемых вещественной структурой мозга СГ ЭМВ в 0-м приближении обычно используемыми в биофизике (ссылка на источники дана в подписи к рис. 1.16) обыкновенными дифференциальными уравнениями (ОДУ) типа

$$\frac{d\eta_i}{dt} = f_i(\eta), \quad \eta_i(t=0) = \eta_i(0), \quad i = 1, 2, \dots, N, \quad (1.25)$$

где $\eta_i(t)$ — i -я переменная; функция $f_i(\eta)$ описывает процесс по времени $\eta_i(t)$.

Функция $f_i(\eta)$ в (1.25) в зависимости от класса решаемых задач может быть линейной и нелинейной.

Анализ линейных ОДУ, опять же как принято в биофизике и в биологии⁸², является математическим базисом для анализа *устойчивости нелинейных уравнений в окрестности стационарных состояний* — то есть точек равновесия (левая часть рис. 1.16).

То есть решение (1.25) при анализе нелинейной устойчивости позволяет оценить динамику изменения процесса в окрестности стационарных состояний. Узел, фокус и седло на рис. 1.16 — принятые названия типичных решений, причем узлы и фокусы могут быть устойчивыми или неустойчивыми, а седловые точки — только неустойчивыми.

В принятой нами аппроксимации 0-го порядка все три состояния устойчивости/неустойчивости (узел, фокус, седло) в их сложном сочетании ПОС и ООС полагаются характеризующими работу ПП и ЛП.

Далее введем термин «затягивание» (ЗТ), используя известный в радиотехнике^{181, 263} процесс затягивания генерируемых ЭМВ. Поскольку работа мышления суть генерирование СГ ЭМВ, то, в зависимости от фактора ПП > < ЛП, или ПП = ЛП для конкретного *h.s.* можно предположить такие варианты (интегративного) затягивания (рис. 1.16; справа):

$$ЛП \rightarrow ЗТ(ПП) \rightarrow ПП, \quad (1.26)$$

$$ПП \leftarrow \leftarrow ЗТ(0) \leftarrow \leftarrow ЛП, \quad (1.27)$$

$$ПП \rightarrow ЗТ(ЛП) \rightarrow ЛП. \quad (1.28)$$

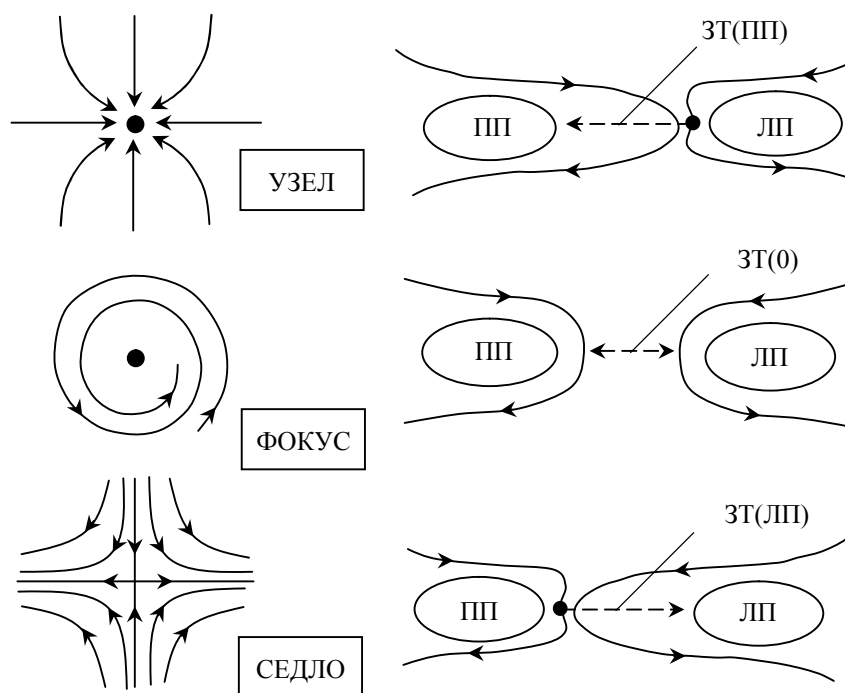

Рис. 1.16. К иллюстрации теоремы 1.3: колонка слева суть три основных типа стационарных состояний в решениях ОДУ второго порядка^{46, 82, 93, 141, 188, 218, 263 [и др.]}; узел, фокус и седло; колонка справа: ситуации «затягивания» (пояснения в тексте)

(В (1.26)—(1.28) на рис.1.16 линии со «стрелками» в окрестностях ПП и ЛП есть условное обозначение реальных сочетаний узлов, фокусов и седел в их устойчивых/неустойчивых состояниях).

Здесь имеем: (1.26) — характерное для ППЧ затягивание (далее этот термин без кавычек) генерации ЛП в ареал ПП; (1.27) — понятно, ситуация амбидекстра: ПП=ЛП; (1.28) — ЛПЧ с затягиванием генерации ПП в ареал ЛП.

Рассуждаем дальше. Как следует из формулировки теоремы 1.3, АМ и ЦМ характерно как для ППЧ, так и для ЛПЧ и ситуации (АМ>ЦМ) и (ЦМ>АМ), вообще говоря, за исключением некоторых нюансов, особо не предпочтительны для ППЧ и ЛПЧ, как может «на пальцах» показаться из предыдущего материала главы. Но именно фактор ЗТ, особо оговоренный в

формулировке теоремы 1.3 и объясненный выше, как основной показатель устойчивости и неустойчивости динамического процесса мышления, является показателем преобладаний или «равенства» аналогового и цифрового мышления.

Сам же физический дуализм процесса мышления мало чем по своей процессуальности отличается от принятого в физике «волна — частица». Ибо и мышление суть волновой процесс, поскольку его рабочими агентами являются ЭМВ, но в то же время — и многочастичный, цифровой в нашей терминологии, ибо волну СГ ЭМВ образуют единичные СГ ЭМВ, или их паттерны. Тем более единичные СГ ЭМВ могут «претендовать» на квантовость в дуализме волна — частица, что солитонная природа СГ ЭМВ делает их абсолютно «автономными» в мыслительном акте.

Полагаем, хотя и не в строгой терминологии, *теорему 1.3 доказанной*.

...Как и в предыдущем случае — фактор многозначности в доказательстве теоремы 1.2, — логическое обоснование справедливости теоремы 1.3 затруднено. На этот счет, используя представления комплексной логики¹⁰⁶, можно привести следующие соображения.

Допустим, что определение выражений АМ и ЦМ построены так, что из них логически выводятся утверждения α :

- если индивид (логический термин) есть АМ, то он не есть ЦМ;
- если индивид есть ЦМ, то он не есть АМ.

Понятно, что это простейший случай, ибо АМ и ЦМ в действительности тесно связаны $АМ \cap ЦМ$ и $АМ \cup ЦМ$; но это сейчас не акцентируется.

...В таком случае из α следует β : не существует индивид, который есть АМ и в то же время ЦМ. В таком случае признание индивидов-исключений (одновременно АМ и ЦМ) отрицает β и не отрицает α . Отсюда: сами *определения* выражений АМ и ЦМ должны быть построены таким образом, чтобы из них не выводилось утверждение α . Только такая ситуация является *логически непротиворечивой*.

Таким образом, с позиций логики (логическая экспликация терминов) допущение α является ложным (чужеродным), то есть АМ и ЦМ, как и в любом дуализме, наличествует одновременно в индивиде рассмотрения, что и соответствует формулировке теоремы 1.3.

ИАКОВ БОРЕТСЯ С БОГОМ

(Быт., гл. 32, ст. 24-32)

«И остался Иаков один. И боролся Некто с ним до появления зари...». Тему богоборчества в Библии продолжает Книга Иова - философская поэма анонимного древнего автора:

*«— Поистине, знаю я, что это так,
И как может человек быть оправдан перед богом?
Если он захочет вести с ним тяжбу,
Он не ответит ему ни на один из тысячи.
Премудр сердцем и могуч силой,
Кто встанет против него и останется цел?»*

(В научном переводе с древнееврейского оригинала; цит.²²¹; С. 40).

В нашем контексте философу Иакова — Иова позволительно трактовать как главенство фундаментальных законов мироздания, по действительности которых «сверяются» все новые гипотезы, теории и концепции. Адекватное этим законам одобряется, как Бог благословил Иакова; в противном случае — судьба Иова. Питаем робкую надежду (робкую — потому что не входим в суконно-«научную» номенклатуру...), что наша теория конструктивной эволюции «Живая материя и феноменология ноосферы», включающая в себя и анализ видов мышления h.s., получит одобрение незримого ФКВ — фундаментального кода Вселенной.

ВЫВОДЫ И ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

1. *Опосредованное*, внешние явления мышления человека с доминантой «аналоговое» и «цифровое» мы рассматриваем как классическую ситуацию работы мозга человека, представляемой как «черный ящик». Тем не менее, адекватность работы «черного ящика» и наблюдаемых результатов его работы изначально является логически априорной, тем более в данной акцентации на языке человека, ибо сам предмет логики всегда был и остается именно язык: средство познания и само познание¹⁰⁶. Собственно же познание реализуется в языке посредством языка, да и сами результаты приобретенных знаний «засталбливаются» в языке.

1а. Соблюдается ли определенное выше понятие логики в отношении высших млекопитающих, которые также познают мир, их окружающий, даже выражают этот процесс (утилитарного) познания в звуках? Подсказка для ответа - слова Джулиана Хаксли^{52, 53}: «Человек — это эволюция, осознавшая саму себя» и слова П.Тейяра де Шардена²⁵⁶: «...И животное что-то знает, но только человека знает о своем знании».

1б. Возможна ли в процессе $\{B \rightarrow N\}$ перехода биосферы в ноосферу^{326, 336, 337} и, особенно, в период полномасштабного развертывания ноосферы^{338, 339} ситуация, когда уже интегрированное человеческое сообщество Земли вынуждено будет искусственно, что реально при «полном» глобализме³²⁰, сдерживать прогресс, или, говоря мягче, планировать его.

1в. Чем кардинально отличается «компьютерная» литературы от литературы, создаваемой с активным использованием компьютера? — Не равнозначно ли это вопросу об отличии компьютерного (цифрового) мышления от мышления аналогового?

2. *Называя*, с позиции авторов и читателей художественной, отчасти публицистической, литературы наш период эволюции человека постлитературным, мы имеем в виде в первую очередь уже почти свершившийся на глазах одного-двух поколений (помните: «нынешнее поколение будет жить...» и так далее) переход масс-медиа от (АМ>ЦМ) к (ЦМ>АМ), что есть, увы, неизбежная жертва эволюционирующегося человечества, приносимая пришествию ноосферной оболочки Земли.

2а. Совпадают ли в «людском» пространстве-времени постлитературный период и «постисторический» период (по Фукуяме)?

2б. Поскольку литература, первоочередно художественная, является одним из «центров тяжести» общечеловеческого культурного процесса, то равнозначна ли параллель: постлитература и посткультура?

2в. Является ли в своей основе язык художественной литературы продуктом «чистого» аналогового мышления?

3. *Виртуальную* реальность в части языка и художественного творчества мы изначально определяем как продукцию мышления VRM^{323, 329}. При

таким определении процесс $(AM > ЦМ) \rightarrow (ЦМ > AM)$ однозначно трактуется при перевоплощении *homo sapiens* (*h.s.*) в *homo noospheres* (*h.n.*) как ослабление в VRM процессов — продуцентов языкового богатства и результатов художественного творчества. С позиций *h.s.* (еще предноосферного) это, несомненно трагично, но с позиций *h.n.* — это реальность, в которой ему жить-существовать, а значит, что ничего сверхординарного не происходит... Словом, «фюрер за нас думает».

3а. Является ли — и только является ли — потребность виртуального художественного прерогативой человека с развитым аналоговым мышлением, либо в процессе *h.s.* $\rightarrow$ *h.n.* по принципу Лейбница «природа не терпит пустоты» потребность виртуального художественного заменяется потребностью виртуального «логизированного»?

3б. Можно ли ассоциировать виртуальное (художественное) предвидение с синтезирующей работой подсознания, дающей прогноз-экстраполяцию, не объясняемую работой активного сознания, и как может измениться эта ситуация в процессе *h.s.* $\rightarrow$ *h.n.*, или, что почти то же самое: $(AM > ЦМ) \rightarrow (ЦМ > AM)$?

3в. При реально наблюдаемом экспоненциальном возрастании информационного шума в любой сфере восприятия человека *h.s.* $\rightarrow$ *h.n.* не означает ли это, что для уже «развернутого» *h.n.* восприятие полезной информации все более и более становится явлением стохастического резонанса «порядок из хаоса»? Как это связано с процессами VRM?

4. *Многоязычие* в период $\{B \rightarrow N\}$, а тем более в развернутой ноосфере реально становится артефактом доглобалистической, биосферной эпохи эволюции человека. Тот же упрощенный американский диалект английского языка (почти «пиджин-инглиш») при достаточно уже совершенной системе машинного (компьютерного) перевода тому наглядное подтверждение. Само многоязычие в период цивилизации и культуры *h.s.* биосферного было вызвано к жизни расширением географического ареала ранее изолированных групп людей, как следствие увеличения численности населения Земли, прогресса в средствах передвижения и усиления межэтнического (межнационального, межгосударственного) общения и все большего возрастания роли письменности, письменных сообщений, развития литературного процесса.

4а. Ситуация «вавилонской башни» (см. известную одноименную картину Питера Брейгеля, 1563 г.) и современная глобализация в части языковой сферы есть начало и окончание единого процесса? — И какое определение в пространственно-временных рамках периода культуры и цивилизации можно дать этому процессу?

4б. Предполагает ли данное выше определение многоязычия как «двойной виртуальной реальности» символическую запись $VR(VRM)$, а если предполагает, то следует ли из расщепления $VR(VRM) \rightarrow VRM(1) + VRM(2) + \dots$ {число знаемых конкретным *h.s.* языков} дисбаланс работы ПП и ЛП и какой именно?

4в. Идентичны ли понятия «многозначности языковых выражений» и «множественности языковых выражений» в контексте рассматриваемой темы и общей логики предикатов¹⁰⁶?

5. «Право- и левополушарный» человек суть определения с позиций логики нестрогие. В то же время аппарат ныне развиваемой (математической) нечеткой логики вполне аутентичен такому определению. Главное, что продуценты ППЧ и ЛПЧ, даже во многом порой пересекаясь, дают преобладание одного или другого типа VRM, что мы и наблюдаем воочию.

5а. Почему, являясь самыми близкими «родственниками» по архитектуре, нейросетевое моделирование и нейронная деятельность мозга *h.s.* по своей продуктивности бесконечно далеки (пока?) друг от друга и не кроется ли причина этого в АМ мозга?

5б. В какой степени — имеется в виду чисто качественная оценка — функциональная асимметрия головного мозга наличествует у животных, в частности, у высших млекопитающих?

5в. И все-таки — без обид и надувания щек: почему жестикуляция руками, а также дополняющие ее мимика и туловищное динамическое позиционирование есть неременный атрибут общения именно женщин?

Видимые проявления преобладания аналогового или цифрового мышления, с одной стороны, самоочевидны, но с другой — заставляют задуматься о причинах такого преобладания. Действительно, мы уже почти привыкли к отождествлению цифрового и «компьютерного» мышления, даже полагаем их синонимами в научной и житейской практике, соответственно. Но как быть с матерым, суконно-цинковым чиновником, что умеет оперировать только с номерами входящих-исходящих, но по лени и природно-воспитанной тупости ближе чем на два метра не приближается к «компу»? Еще сложнее, правда, и реже, с биржевым маклером, что дома играет на скрипке и читает в охотку классические романы XIX века... То есть мерить одним аршином и ППЧ, и ЛПЧ есть дело не совсем надежное. «Черный ящик» человеческого головного мозга не в его физиологическом, вещественном устройстве, но в структуре и функционировании сверхсовершенной биофизической машины с прямыми электромагнитными связями, в 0-м приближении работу которой дублирует нейронно-аксонная система. Поэтому-то естественным является предположение о том, что аналоговое и цифровое мышление суть дуальный процесс, осуществляемый по тому же фундаментальному закону мироздания, что и физический дуализм «волна — частица». Законы природы не балуют нас разнообразием, ибо сами «под контролем» принципа эволюционной консервативности. Но это уже тема следующей главы настоящей книги.